

В.К. ЯКОВЕНКО

ПАРТИЗАНКИ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Командир партизанского отряда имени К. Е. Ворошилова, а с 1943 года — командир 99-й имени Д. Г. Гуляева бригады, действовавшей в Минской, Пинской и Брестской областях, рассказывает главным образом о женщинах, с оружием в руках боровшихся против немецко-фашистских захватчиков. Это — одно из немногих произведенной о подвигах женщин на войне. Впервые книга вышла в 1980 году в Воениздате. Для настоящего издания она переработана.

- [Владимир Яковенко](#)

- [notes](#)

[1](#)

Владимир Яковенко
ПАРТИЗАНКИ

В. К. ЯКОВЕНКО

ПАРТИЗАНКИ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ»
1989

ГЛАВА 1

Глава первая ПОДПОЛЬЩИЦЫ БОБРУЙСКА

Удушливая бензиновая гарь плотной сизой пеленой неподвижно висела над городом. Мостовые нешироких, утопающих в густой тенистой зелени улиц дрожали от тяжелого грохота. Ревя моторами, к окраинам Бобруйска, за Березину, откуда продолжение бесконечной «варшавки» вело на восток, к сердцу страны, непрерывным и, казалось, бесконечным потоком ползли танковые и моторизованные дивизии армии вторжения. Город, судьба которого была предreshена еще в конце июня и который несколько недель тому назад после ожесточенных боев оставили последние части Красной Армии, продолжал враждебно, мертвой тишиной встречать незваных гостей.

Огненный, грохочущий вал, оставив позади себя Березину, докатился до берегов Днепра и там был на время остановлен. Бобруйску, оказавшемуся в глубоком тылу одного из самых мощных ударных объединений вермахта — группы армий «Центр», предстояло сыграть свою особую роль.

Город, представлявший собой довольно крупный в южной части Белоруссии узел железнодорожных и шоссейных магистралей, являлся местом выхода из окружения отдельных разрозненных групп, а нередко и целых подразделений Красной Армии, пробивавшихся с запада, от несуществующей уже границы, в сторону линии фронта. Смертельная схватка между гитлеровскими оккупационными войсками, пытавшимися навязать городу свой «новый порядок», и советскими воинами, путь которым на восток преградили воды Березины, была неизбежна.

Невольным свидетелем и посильным участником этой борьбы в те далекие годы пришлось стать и мне, сержанту-авиатору,

раненному в одном из воздушных боев над просторами Белоруссии.

Жаркий августовский полдень. Улицы, по-прежнему содрогающиеся от мощного рева танков и верениц тупорылых грузовиков, серы от солдатских мундиров. С высокомерием победителей гитлеровцы глядят на разоренные ими мирные жилища поверженного города, дома с мертвыми глазницами окон и наспех сколоченные ряды виселиц, на которых порывы знойного ветра медленно раскачивают почерневшие, с распухшими, страшными лицами тела казненных патриотов.

Стены домов, заборы и афишные доски испещрены бесчисленными распоряжениями и приказами оккупационных властей. Они требуют от населения немедленной сдачи оружия, радиоприемников, боеприпасов и всевозможного государственного имущества. В глазах рябит от жирно намалеванных черным слов: «Расстрел!», «Расстрел!», «Расстрел!». Расстрел за все: за хождение по улицам во внеурочное время, за любое сопротивление «доблестным» германским войскам, за укрывательство и поддержку командиров и комиссаров Красной Армии, коммунистов и партийных работников, евреев; расстрел за малейшее отступление от правил навязанного силой оружия «нового порядка»... И этот язык автоматов и виселиц — единственный, на котором озверевший от крови национал-социалистский режим пытается разговаривать с населением вероломно захваченных городов и сел Советской страны!

В редкие минуты затишья, когда одна из колонн стальных зловонных чудовищ покидает Бобруйск, а новая еще только вступает на его улицы, в установившемся безмолвии слышится порой усталое шарканье сотен ног по мостовым. Длинная вереница оборванных, с запекшейся кровью на ранах, голодных людей уныло бредет от западных окраин к центру города. Пленные... Словно удары бичом — резкие, отрывистые выкрики конвоиров, гортанные слова команд. Огромные, рвущиеся с поводков овчарки то и дело бросаются на измученных, обессиленных людей.

Они идут молча. В страшной колонне не слышно ни единого стога, возгласа. И оттого картина становится еще ужасней: люди обречены, и эта обреченность понятна им гораздо лучше, чем кому бы то ни было. Наиболее крепкие, те, кому каким-то чудом удалось сохранить, сберечь до этого дня остатки сил, поддерживают своих вконец ослабевших, раненых и больных товарищей, готовых вот-вот упасть. А падать ни в коем случае нельзя. Десятки бездыханных и холодных тел навсегда застыли в

придорожных рвах. Короткая, в упор, автоматная очередь и — конец...

Колонна медленно приближается к центральным кварталам. Настороженно, с болью и состраданием смотрят из-за чуть раздвинутых занавесок жители на это страшное шествие.

Проходит минута-две, и на тротуарах, робко прижимаясь к стенам домов, появляются женщины, девушки. У них в руках скудная еда, которой еще живы их семьи: ломтики ржаного хлеба, картофелины, крошечные кусочки сала, яблоки. С опаской поглядывая на рычащих овчарок, горожанки не сразу решаются подойти к пленным, молча стоят поодаль. Но вот наконец одна из женщин несмело приближается к колонне и протягивает кусок хлеба. Чьи-то руки хватают его:

— Спасибо, мать!

И тотчас же, словно по сигналу, другие женщины бросаются вперед, к пленным, торопливо передавая им свою нехитрую еду.

После минутного замешательства охранники, злобно выкрикивая что-то, начинают прикладами автоматов грубо отшвыривать жительниц назад. Некоторые из них падают на мостовую, оглушенные ударами, и роняют оставшуюся снедь. Слабые руки подбирают с булыжников растоптанный солдатскими сапогами хлеб, яблоки.

Тогда конвоиры, поставив на боевой взвод затворы автоматов, длинными очередями бьют поверх голов женщин. Толпа, испуганно шарахнувшись, отступает под защиту домов. И оттуда в сторону колонны летят краяхи хлеба.

А в ответ снова гремят автоматные очереди, безжалостно полосующие окна домов, стены и заборы, за которыми укрываются десятки женщин... Пули высекают искры на камнях мостовой, в щелы разносят доски оград. Несколько неподвижных тел затаились на пыльном булыжнике...

И так на всем пути к восточным окраинам Бобруйска, где на территории старинной Березинской крепости разместился недавно созданный лагерь военнопленных. Уличные столкновения, очевидцем которых довелось мне стать, разыгрывались в те августовские дни на мостовых города. В этих неравных по силам стычках, в этом противоборстве сил добра и гуманности с неприкрытым вандализмом и жестокостью ясно виделись первые, пусть не совсем еще осознанные и ярко выраженные, но исключительно важные в то нелегкое время ростки протеста населения оккупированных территорий, непокорности врагу. Народ поднимался на суровую борьбу с захватчиками. И в первых рядах его были сотни и тысячи советских патриотов — сильных духом женщин и девушек, наших

сестер и матерей, жен и дочерей. Они не могли оставаться в стороне от всеобщего сопротивления врагу. Их беззаветное и героическое участие в смертельных боях, отнявших у нас двадцать миллионов человеческих жизней, было, есть и всегда будет одним из самых ярких, самых убедительных проявлений всенародности борьбы против фашистских захватчиков.

В памяти моей уже более четырех десятилетий бережно и свято хранятся имена удивительно простых и скромных, но необыкновенно ярких своей горячей любовью к Отчизне, к народу героинь, которые в тяжелую для страны военную годину без колебаний отдали все свои силы, а когда потребовалось, то и жизнь великому делу освобождения социалистической Родины.

Их много, очень много, этих имен, принадлежащих живым и тем, кого уже давно нет рядом с нами...

Передо мной несколько старых, пожелтевших от времени, еще довоенных фотографий. С неровной поверхности бумаги, местами затертой, в изломах, немного торжественно и строго смотрят на меня из далеких сороковых ставшие бесконечно дорогими и близкими лица бобруйских подпольщиц: Лидии Островской и Марии Масюк, Александры Вержбицкой и Нины Гриневич, Марии Саватеевой и Марфы Миловой...

Их судьбы и стремления, такие разные и непохожие друг на друга, удивительно быстро сблизили и объединили суровые испытания, ворвавшиеся лавиной огня и горя в жизнь огромной страны, в жизнь каждого из нас. Едиными стали их чаяния, надежды, поступки. И в этом единстве, духовном, непоколебимом единстве идей и помыслов заключалась их нерушимая вера в торжество дела коммунизма, в близкую победу над общим ненавистным врагом, вера, с которой они шли на подвиг и смерть.

На седьмой день войны наш СБ, возвращавшийся после выполнения боевого задания на базу, был неожиданно атакован группой вражеских истребителей и после неравного воздушного боя, с изрешеченными плоскостями, почти полностью потеряв управление, совершил вынужденную посадку в нескольких десятках километров южнее Минска. Она была далеко не мягкой, эта посадка. Оглушенный, я очнулся лишь в тот момент, когда незнакомые люди вытаскивали меня из кабины.

Невдалеке, тихо постреливая мотором на холостом ходу, стояла вся пропыленная старенькая полуторка.

Меня бережно перенесли и уложили на траву, и только там, еще не до конца придя в себя, я отчетливо понял, что ранен.

Левая нога, пробитая в нескольких местах пулями, была залита кровью. Резкой, нестерпимой болью отзывалось в ней любое, даже осторожное движение.

Один из мужчин, лет сорока на вид, сокрушенно качая головой, туго перетянул мою раненую ногу чуть выше колена и, ободряюще подмигнув, произнес:

— Вот так, хлопчик, вернее будет!

Фыркнув раз-другой мотором, грузовичок медленно, словно нехотя, тронулся с места, и я, лежа без движения в его тряском и скрипучем кузове, стараясь не думать о мучительной, то затихающей, то вновь приходящей боли, на время забылся...

Уже много позже, мысленно возвращаясь ко всему пережитому в тот далекий июньский день, я особенно остро и реально почувствовал, насколько неожиданной, серьезной и значительной оказалась перемена, произошедшая тогда в моей судьбе.

Разве мог я предполагать, что именно отсюда, с этого ничем, казалось, не примечательного места, от распластанного среди поля, с погнутыми от удара лопастями винтов бомбардировщика, начнется мой долгий и нелегкий путь в ряды бобруйских подпольщиков, а несколько позже и партизан? Как я мог знать, что земля Белоруссии, ее люди станут вскоре для меня такими родными и близкими и что моя короткая, не успевшая даже сложиться летная биография на этом окончательно и бесповоротно оборвется?..

Разграбленный и опустошенный, наводненный армейскими подразделениями, головорезами СД, полевой жандармерии и полиции, Бобруйск производил гнетущее впечатление. Черные от пожаров стены зданий, руины домов, поваленные телеграфные столбы, мебель и домашняя утварь, выброшенные на тротуары, — все это придавало улицам города жуткий вид.

Однако спокойствие здесь было очень обманчивым, а «умиротворение», вроде бы достигнутое жестоким террором, карательными акциями, казнями и расстрелами, — лишь кажущееся.

Мысли о народной борьбе, о сопротивлении кровавому режиму, зревшие в умах бобруйчан, не могли не дать своих плодов. Антифашисты-одиночки искали своих

единомышленников. Искали и находили. Буквально через несколько недель после прихода гитлеровцев в разных частях города появились и начали действовать подпольные коммунистические группы, созданные и руководимые Иваном Химичевым, Виктором Ливенцевым, Андреем Колесниковым, Алексеем Сарафановым, Николаем Бовкуном, Иосифом

Стомовым, Валентином Буторевым, Михаилом Семисаловым, Петром Стержановым, Василием Колесниковым, Андреем Плютой, Владимиром Сичкорем и многими другими.

Возникновение этих групп, разрозненных и малочисленных на первых порах, сыграло огромную, ни с чем, пожалуй, не сравнимую роль в зарождении и становлении бобруйского подполья. Именно они своим беспримерным мужеством знаменовали начало священной и неугасимой борьбы, на которую звала всех нас Родина.

Ядро антифашистской группы, членом которой мне удалось стать в конце августа сорок первого, родилось по инициативе двух отважных молодых патриотов: воентехника 1 ранга Ивана Химичева и младшего сержанта Владимира Дорогавцева, которых нелегкие военные дороги привели из окружения в оккупированный Бобруйск.

...Ранним июльским утром в калитку одного из маленьких окраинных домишек, стоявших почти на самом берегу полноводной Березины, неторопливо, стараясь не привлекать к себе внимания, вошли трое мужчин. Несмотря на гражданскую одежду, не слишком ладно сидящую на плечах, в движениях и осанке двоих из них без труда угадывалась армейская выправка.

Настороженные взгляды хозяев домика, которые работали в саду, при виде одного из них, человека лет пятидесяти, заметно смягчились и потеплели: Ипполит Иванович Милов, живший неподалеку, был желанным и частым гостем здесь. Старая и крепкая дружба связывала его, участника гражданской войны, с рабочей семьей Вержбицких.

— Здравствуйте, товарищи Александры, — приветствовал он соседей. — Знакомьтесь, пожалуйста, — это мои новые друзья...

— Химичев.

— Дорогавцев.

Спустя полчаса, сидя вместе в тесной, маленькой комнатке Вержбицких, они слушали рассказ сестры хозяйки дома Марии Масюк о последних событиях в городе:

— На стенах домов по Коммунистической улице полиция обнаружила от руки написанные листовки, призывающие к борьбе против захватчиков, и тут же устроила облаву. Фашисты будто озверели: вытаскивали людей на улицу, избивали всех без разбора, а тех, кто пробовал бежать или сопротивляться, расстреливали на месте. К одной старушке подошел здоровенный немец в каске, стал что-то орать по-своему и все тыкал в бабкино лицо автоматом, потом сорвал с ее головы черный шелковый платок и сунул себе в карман. Старушка засемила было к своему дому, но гитлеровец нагнал ее и со всего размаху ударил

прикладом по голове. Насмерть... А потом еще из толпы вырвался пацаненок, лет десяти, не больше, бросился через улицу, видно, вне себя от страха. Так тот изверг с автоматом в него целую очередь... И какой же зверь — на убитых даже не взглянул и спокойно, как на прогулке, стал сигарету раскуривать... — Мария надолго замолчала, а затем, прикрыв лицо руками, глухим, прерывающимся голосом добавила: — И так каждый день! Это же теперь не город, а застенок. Везде — расстрелы, виселицы, насилие да грабежи... Извергов надо уничтожать без жалости, как бешеных собак, всех до единого!

Нетрудно представить себе, какие чувства владели в эти минуты сердцами и умами людей, собравшихся в домике Вержбицких. Оставаться безразличным, глухим к страданиям родного народа никто из них не мог.

Именно в тот июльский день окончательно и бесповоротно решили для себя Иван Химичев и Владимир Дорогавцев остаться в оккупированном и разоренном Бобруйске, чтобы беспощадно бороться с захватчиками. Первый и немаловажный шаг для этого ими был уже сделан: удалось найти надежных советских людей, которые так же, как и они сами, ненавидели оккупантов и готовы были включиться в борьбу. Среди них были ставшие впоследствии членами бобруйского подполья молодые белоруски Мария Масюк и Александра Вержбицкая.

Одной из основных своих задач антифашисты считали ведение пропагандистской и агитационной работы в городе, распространение среди жителей Бобруйска листовок и прокламаций, призывающих к активным действиям против нацистского режима, к неподчинению его приказам и распоряжениям. Это было совершенно необходимо.

Прежде всего подпольщикам требовалось раздобыть исправный, с надежным питанием радиоприемник, который позволил бы вести регулярный прием и запись сводок и сообщений Совинформбюро. Но где и как его найти? Категорические приказы фашистских властей, развешанные по всему городу, были угрожающе однозначны: «За хrapение радиоприемников и прослушивание гражданским населением радиопередач — немедленная смертная казнь!»

Выход из нелегкого положения был тем не менее вскоре найден. И этим подпольщики были обязаны еще одной советской женщине — бобруйчанке Лидии Островской.

В доме Александры Вержбицкой, где на нелегальном положении продолжали оставаться Химичев и Дорогавцев, нередко появлялась эта скромная и молчаливая женщина. Незаметно устроившись где-нибудь в уголке, она тихо, чтобы

никому не мешать, строчила на ручной швейной машинке.

— Лида — наша давняя знакомая. Живет вместе с сестрой, Ниной Гриневич, — отвечая на вопросы Химичева и Дороговцева, рассказывала Александра. — Обе — комсомолки. Девушки серьезные и надежные, на таких можно положиться во всем.

Совсем еще юную, семнадцатилетнюю Нину Иван и Владимир уже хорошо знали: она была близкой подругой Марии Масюк.

— Надо бы повнимательней приглядеться к сестрам, — сказал тогда Химичев. — Быть может, и они смогут нам чем-нибудь помочь.

И несколько дней спустя такая возможность представилась.

...Поздняя ночь. Непроглядная, липкая темнота окутывает притихшую окраинную улицу. В доме Вержбицких за плотными шторами едва мерцает свеча. Патриотам, обсуждающим положение в городе, было совсем не до сна.

Неожиданно с востока, сначала едва уловимо, а затем все отчетливей и резче, послышался мерный, все нарастающий гул. Конечно же, к городу от линии фронта приближается большая группа тяжелых самолетов. Неужели свои?

Прошло несколько томительных минут, и вражеский аэродром на другом берегу Березины вдруг ожил. Начали оглушительно хлопать зенитки, в небе, озаряя все вокруг неживым мерцанием, надолго повисли осветительные ракеты. И почти тотчас же земля начала тяжело вздрагивать от мощных разрывов. Наши!

Подпольщики, не успев еще до конца поверить в происходящее, выбежали из дома. И первое, что бросилось им в глаза, — освещенная заревом далекого пожара, яркими вспышками взрывов на аэродроме Лидия Островская, стоящая посреди двора. Протягивая в исступлении руки к небу, она громко, будто летчики могли ее услышать, со слезами на глазах умоляла их:

— Бейте их, родные! Громите проклятых фашистов! Бейте без пощады, бейте, бейте!

На следующий день после откровенного разговора с Иваном Химичевым Лида с радостью и без колебаний отдала свой радиоприемник в распоряжение группы. И вскоре на улицах Бобруйска, вызывая бессильную ярость оккупантов, появились десятки переписанных от руки листовок и сообщений Совинформбюро, зовущих население города на борьбу с кровавым врагом. Нелегкую и очень опасную задачу распространения их с первого же дня взяли на себя Мария Масюк, Лидия Островская и Нина Гриневич.

С не меньшим, пожалуй, риском было связано и регулярное

прослушивание радиопередач из Москвы, которое вели Химичев и Дорогавцев в подвале неприметного с виду домика Александры Вержбицкой. Нередко во время очередной записи сводки Совинформбюро сюда совершенно неожиданно врываются гитлеровцы. И лишь благодаря неизменной выдержке, хладнокровию и бесстрашию хозяйки дома и ее сестры, Марии Масюк, подпольщикам каждый раз удавалось избежать гибели.

Однажды, собравшись, как и обычно, возле приемника, установленного в подвале, Иван и Владимир при свечах записывали последнее радиосообщение. Передача уже подходила к концу, когда с улицы неожиданно донесся шум затормозившей у ворот автомашины. Почти тотчас же громко хлопнула калитка и во дворе послышалась гортанная немецкая речь. Времени предпринимать что-либо уже не оставалось.

Случилось так, что в доме, кроме находившихся в подвале Химичева и Дорогавцева, была лишь Мария Масюк. И женщина мгновенно поняла, что спасти положение может только она одна. Быстро закрыв лаз подвала и надвинув на него стоящий поблизости топчан, Мария опрометью выбежала на крыльцо. Около дома, поглядывая на закрытые окна и переговариваясь между собой, толпились солдаты в серых мундирах. Фашистов было около десяти. Чувствуя на себе их цепкие, холодные взгляды, Мария поначалу растерялась. Зачем они здесь? Неужели что-то знают? Автоматчики тоже молчали, в упор разглядывая женщину. Наконец один из них, по-видимому старший, отрывистым и властным голосом рявкнул:

— Вассер!

— Вассер? — машинально повторила за ним Мария и, не сразу догадавшись, что именно от нее хотят, переспросила: — Воды вам? Пить?

— Я, я, вассер!

Через минуту большая жестяная кружка обходит по очереди гитлеровцев. Черпая свежую воду из ведра, вынесенного Марией на крыльцо, те жадно пьют. Вода ледяная, только-только из колодца.

Толстый автоматчик снял с пояса флягу в брезентовом чехле и, пощелкивая по ней — пустая, — что-то сказал товарищам. Под одобрительными взглядами остальных он неторопливо, вразвалку подошел к женщине и потребовал:

— Тавай шнапс! Ферштейн? Шнапс! Бистро!

Мария беспомощно пожимала плечами и, мешая русские и немецкие слова, пыталась объяснить:

— Шнапс никс, пан! Совсем никс!

— Вас? Гибст эс кайн шнапс? — переспросил гитлеровец и

решительно отстранил Марию. За ним, тяжело ступая коваными сапогами по стареньким, шатким ступеням крыльца, поднимаются остальные.

В сенях раздался грохот опрокинутых ведер, звон разбитой посуды, но женщина словно и не замечала этого. «Что же делать?» — лихорадочно думала она, видя, как рьяно фашисты роются в шкафах и на этажерке, осматривают каждый уголок дома в поисках спиртного. Ведь достаточно одному из них присмотреться повнимательней к едва заметной щели в полу, и обнаружится люк подвала...

Нетрудно себе представить, чего стоили эти короткие и одновременно такие долгие минуты Марийке Масюк!

И только после того как тщательному обыску подвергся весь дом Александры Вержбицкой, мародеры, не найдя водки, убрались восвояси. Вход в подвал они, к счастью, так и не заметили.

С каждым днем антифашистская группа росла. В ее ряды вставали все новые и новые советские люди, готовые отдать все свои силы священному делу борьбы с врагом. Виктор Горбачев, Василий Голодов, Алексей Кудашев, Геннадий Гаврев, Сергей Коньшин, Александр Глинский — вот только некоторые имена. И многим из них путь в бобруйское подполье помогли найти наши замечательные женщины — Мария Масюк, Нина Гриневич, Александра Вержбицкая и другие.

Вместе с ростом организации, с ее становлением у людей зрела мысль: хотя прием и распространение радиоинформации дело, безусловно, очень важное, пора предпринимать и более решительные действия. В конце июля сорок первого Химичев предложил всем членам группы собраться и обсудить, как действовать дальше, как полнее и целесообразнее использовать свои силы и возможности в борьбе с оккупантами.

— Максимальный урон врагу при минимальных для нас потерях! — так определил Иван Алексеевич главную задачу группы.

И такое собрание вскоре состоялось. В воскресный день 28 июля 1941 года на квартире тяжело раненного советского командира Геннадия Гаврева, строжайше соблюдая правила конспирации, в назначенное время собрались все члены подпольной организации, коммунисты и комсомольцы.

В тот день группа патриотов оформилась организационно. Ее руководителем избрали Ивана Химичева, присвоив ему подпольную кличку Гранный, а заместителем — Владимира Дорогавцева. Алексею Кудашеву было поручено добывать оружие

и боеприпасы, Александру Глинскому и Василию Голодову — одежду и снаряжение, Геннадию Гавреву — заботиться о конспиративных квартирах для тех, кто вынужден скрываться от гитлеровцев.

Особое задание получила и Мария Масюк: отныне она несла ответственность за обеспечение подпольщиков продовольствием. Чрезвычайная важность этого поручения объяснялась тем, что почти все члены организации находились на нелегальном положении и, следовательно, были лишены возможности получать по карточкам даже те ничтожные нормы продуктов, которые установила гитлеровская администрация для работающих. Им приходилось вести полуголодный образ жизни, нередко целыми днями обходясь без пищи. Естественно, что с численным ростом подпольщиков проблема питания становилась такой же серьезной и первоочередной, как и вопрос об оружии и боеприпасах.

Руководство группы предложило Марии Масюк поступить на работу в немецкую торговую фирму. Необходимым для этого опытом она обладала: с конца тридцатых годов и до начала войны работала продавцом одного из магазинов в самом центре Бобруйска.

— А что скажут люди? — спросила женщина, когда Химичев объявил ей об этом решении.

Ответить на этот вопрос было нелегко. Подпольщики хорошо знали, как относятся горожане к фашистским прислужникам, к людям, добровольно ставшим на путь пособничества врагу. Однако иного выхода, реальной возможности поддержать нелегальную организацию продовольствием, к сожалению, не существовало. И Мария понимала это не хуже других.

— Надо, Маша, — мягко сказал Химичев.

— Ладно, согласна, — твердо ответила она.

На следующий же день, пройдя через несколько инстанций, она оказалась в кабинете главы одной из оккупационных торговых фирм, немецкого коммерсанта. Шеф, задавая вопрос за вопросом, внимательно приглядывался к молодой симпатичной женщине, изъявившей желание работать у него. И, по-видимому, не усомнился в ее искренности — вскоре Мария была зачислена в штат фирмы. Ей оказали «высокое» доверие и поручили заведовать хлебным магазином № 4 по улице Карла Маркса.

И вот первый день работы за прилавком. Огромной очереди полуголодных горожан, кажется, не будет конца: дневная норма на человека ничтожна, но даже ее далеко не просто получить.

Суровые взгляды людей, знакомых еще с довоенного времени, соседи, с немым укором и болью глядевшие на Марию, — все это

наполняет ее сердце щемящей тоской и незаслуженной обидой.

Знала Мария, на что идет, но никогда не могла предположить, что таким тяжелым бременем ляжет на нее презрение бобруйчан.

Вечером того же дня с горькими слезами обиды на глазах она говорила Ивану Химичеву и Владимиру Дорогавцеву:

— Меня же забьют свои, понимаете, свои! И совершенно правы будут! И потом, Иван Алексеевич, — уже спокойнее добавила она, — мало заведовать магазином, чтобы получить лишний хлеб. Все ведь учтено до грамма. Надо искать способ...

— Ищем, Машенька, ищем, — успокоил женщину Химичев. — А пока входи к оккупантам в доверие.

В конце июля сорок первого года группе Ивана Химичева удалось войти в контакт с Андреем Константиновичем Колесниковым — инженером железнодорожного транспорта, которому по заданию подпольщиков удалось проникнуть в созданную оккупантами городскую администрацию и занять там одно из руководящих мест — пост шефа биржи труда. Используя широкие полномочия, предоставленные ему новой властью, Колесников сумел в краткие сроки устроить ряд бобруйских подпольщиков во многие организации и учреждения города. Именно так бывший работник армейской газеты коммунист Петр Стержанов стал директором городской типографии. Это было чрезвычайно важное событие. Через некоторое время, когда с помощью того же Андрея Колесникова штаты типографии пополнились советскими патриотами (среди них оказалась одна мужественная женщина — Лидия Ткачук), Стержанову удалось организовать регулярный выпуск очередных сводок Совинформбюро типографским способом, обеспечить подполье бланками различных документов и удостоверений, вкладышами прописки для паспортов с текстом на немецком и русском языках, а также точной копией печати городской управы, без оттиска которой считался недействительным любой из пропусков.

И конечно же бесценной стала еще одна разновидность печатной продукции городской типографии — многие сотни экземпляров хлебных и продуктовых карточек, которыми, несмотря на строжайший контроль комендатуры и гитлеровской администрации, снабжалось подполье. Впоследствии эти талоны, как правило, с помощью Нины Гриневич, Лидии Островской, Ольги Сорокиной, Марии Саватеевой, Александры Вержбицкой и других реализовывались в хлебном магазине Марии Масюк.

Мария понемногу привыкала к своему нелегкому положению. Покупатели недоумевали: почему она не жалуется оккупантам, почему не отвечает на подковыристые слова в ее адрес, а лишь

отмалчивается? Хозяйевам же торговой фирмы заведующая хлебным магазином нравилась: она досконально знала свое дело и своевременно надлежащим образом отчитывалась за проданный хлеб талонами. Ей полностью доверяли, нередко ставя в пример другим продавцам.

Через некоторое время по решению руководства группы Мария Масюк, Нина Гриневич и Лидия Островская переселились ближе к центру города. Этого требовали условия конспиративной работы. Мария заявила руководителям фирмы, что ей лучше жить поблизости от магазина, и под этим предлогом заняла квартиру в доме, который располагался рядом со зданием бывшей бобруйской автошколы. Вскоре туда же переехала и Нина Гриневич, а чуть позже здесь поселились Иван Химичев и Владимир Дорогавцев.

Новые квартиры Масюк и Гриневич были очень удобны для конспиративных встреч. Они находились по соседству и имели запасные выходы. И, кроме того, между ними существовала двухсторонняя связь — над дверьми была протянута незаметная для посторонних глаз проволока с колокольчиками на концах. Это позволяло своевременно предупреждать друг друга об опасности.

Однако главное преимущество нового жилья, по единодушному мнению подпольщиков, заключалось, как это ни парадоксально, в близости к фашистской комендатуре. Да, да, именно в близости! Ведь все без исключения жильцы выбранного дома пользовались доверием и считались вне всяких подозрений у оккупационных властей. Товарищи, знавшие новое месторасположение штаба антифашистской организации, в узком кругу шутили:

— Да благословит вас комендатура!

Не следует, однако, думать, что степень риска, особенно при проведении конспиративных совещаний и встреч, от этого становилась меньше. Смертельная опасность, грозившая подпольщикам ежечасно, была, как и прежде, очень велика. И в большей, чем кто бы то ни было, степени рисковали наши боевые подруги — Мария Масюк и Нина Гриневич. Тревога за судьбу порученного дела, за товарищей, за родных и близких, которые тоже находились под ударом, и, конечно же, за жизни детей не оставляла их ни на минуту.

Невозможно, пожалуй, выделить какой-то один, особенно сложный, подверженный наибольшему риску участок работы бобруйских подпольщиц в страшные годы фашистской оккупации. Бесконечно опасными, на тонкой грани жизни и смерти, были абсолютно все эпизоды их деятельности. Однако особое мужество

требовалось при распространении в городе многочисленных листовок с воззваниями к местному населению, сообщений радио, а также сводок Совинформбюро.

Практически каждое новое радиосообщение из Москвы на следующий же день становилось достоянием бобруйчан. И огромная заслуга в том принадлежала двум сестрам — Лидии Островской и Нине Гриневич. Именно они с первых же дней вступления в нашу подпольную группу самоотверженно и добровольно взяли на себя инициативу в этом ответственном деле. Большую помощь им оказывали соседки Марии Масюк — Даша и Люба, беженки из Гродно^[1].

Как правило, подпольщицы собирались по вечерам на квартире у Лидии Островской. Надежно заперев двери и плотно завесив прикрытые ставнями окна, при мерцающем свете керосиновой лампы от руки, печатными буквами переписывали они тексты листовок и сводок Информационного бюро. Затем глухими ночами, рискуя в любую минуту встретиться с патрулями или нарваться на автоматный огонь притаившейся засады, уходили к центру города, каждая на свой участок.

По утрам же взбешенным гитлеровцам не оставалось ничего иного, как (в который уже раз!) соскабливать со стен белые листовки. А жители Бобруйска уже успевали прочитать эти листовки и даже поделиться их содержанием с соседями и друзьями.

В середине сентября сорок первого года Лида и Нина расклеили очередную сводку и листовки с воззванием к немецким солдатам. Врач Вольфсон, который работал в оккупационном госпитале и сотрудничал с нашей группой, пронес их в палаты. А Марии Масюк удалось даже один из экземпляров наклеить на двери фашистской комендатуры! Переполох поднялся страшный. Нам стало известно, что гитлеровский комендант распекал на чем свет стоит начальника городской полиции. Это была еще одна победа наших подпольщиц.

К осени 1941 года темпы наступления гитлеровских армий на восток, в глубь страны, резко замедлились. Силой невиданного героизма миллионов красноармейцев, командиров и политработников, ценой огромного множества человеческих жизней, отданных во имя Родины, Красная Армия, изматывая рвущиеся к Москве и Ленинграду вражеские полчища, начала постепенно останавливать их на всех фронтах. Утопические планы гитлеровского верховного командования, хвастливо растрюбившего на весь мир о том, что военная кампания на востоке — дело лишь нескольких недель, терпели крах. Первое в

мире социалистическое государство в кратчайшие сроки перестраивало жизнь огромной страны, мобилизуя и подчиняя все единой цели — скорейшей победе над врагом.

Серьезные неудачи фашистов на фронтах вызывали у них злобную ярость. И жертвами этой злобы, узаконенного произвола, жесточайших репрессий и издевательств становилось прежде всего мирное и незащищенное гражданское население временно оккупированных сел и городов. Массовые аресты и казни, проводившиеся с первых же дней оккупации, были только началом того зверского запланированного уничтожения советских людей, которое последовало позже и продолжалось до самого прихода Красной Армии в 1944 году.

С особенной жестокостью и изуверством обрушились гитлеровские палачи на еврейское население. По малейшему подозрению в расовой «неполноценности» сотни и тысячи советских граждан сгонялись насильно в специальные лагеря, где их ждала единая страшная участь: мучительная смерть после бесконечных издевательств и унижений. Подпольщики Бобруйска, в особенности женщины, делали все от них зависящее, чтобы спасти жизнь этим людям. Длительное время на квартире Марии Масюк скрывалась шестнадцатилетняя Эмма, дочь врача городской больницы Вольфсона, не успевшая эвакуироваться на восток летом сорок первого. Мария знала, на что шла: ведь в любой момент немцы могли узнать, кто у нее живет, и тогда немедленному расстрелу подлежала не только она сама, но и двое ее крошечных малышек!

Однажды поздним октябрьским вечером, когда улицы оккупированного города погрузились в тревожную тишину, на квартире Масюк собрались руководители группы — Иван Химичев и Владимир Дорогавцев. Последняя сводка Совинформбюро, которую они принесли с собой, оказалась необыкновенно радостной. Лаконичным и даже чуть-чуть сдержанным деловым языком в ней говорилось о том, что Красная Армия на всех фронтах остановила наступление фашистов. Радости патриотов не было предела. В скупых строчках короткого радиосообщения они не могли не увидеть самых первых и оттого самых дорогих, волнующих признаков начала перелома в ходе войны.

— Об этом завтра же должен знать весь город! — оживленно воскликнула Мария, в который уже раз перечитывая сводку. — Чего бы это нам ни стоило!

Не теряя ни минуты, подпольщики, а с ними и Эмма Вольфсон, принялись за дело. Склонившись над столом, аккуратно выводя каждую букву, переписывали они строки

обращения к бобруйчанам. Стопка листовок, каждая из которых закапчивалась пламенными словами: «Наше дело правое! Победа будет за нами!», росла на глазах.

Совершенно неожиданно, когда недописанными остались всего лишь несколько экземпляров сводки и Мария уже начала подумывать о том, где в первую очередь следует их расклеивать, массивная входная дверь, тщательно запертая с вечера, загудела под чьими-то мощными, настойчивыми ударами. Убрать стопку листовок в надежный, хорошо замаскированный тайник, проверить оружие и принять позы, которые не внушили бы подозрение посторонним, было делом буквально нескольких секунд.

Но, приготовившись к самому худшему, Мария по странной возне и грубому голосу за дверью поняла, кто именно ломится к ним в дом в столь поздний час и с такой бесцеремонностью. Это был Иоганн, фельдфебель одной из гитлеровских частей, стоящей в городе, который с некоторых пор повадился приходить сюда незванным. Он вламывался в квартиру по обыкновению вдребезги пьяным и, развалившись на диване, приказывал петь русские песни. Приходилось петь ради того, чтобы не провалить общее и такое важное для всех дело.

Вот и на этот раз подпольщики, чтобы избежать скандала, открыли дверь. Фельдфебель ввалился в чисто убранную комнату в залепленных бурой грязью сапогах. С его серо-зеленого мундира стекали на пол крупные капли дождя. Широко расставив ноги и выбросив вперед правую руку, он гаркнул на весь дом:

— Хайль Гитлер!

Мария придвинула ему стул:

— Битте, герр Иоганн, битте...

Но фельдфебель, от которого за версту разило тяжелым водочным перегаром, не обратил на приглашение ни малейшего внимания. Тупо ухмыляясь, он уставился в дальний угол комнаты, где, стараясь не привлекать к себе внимание, сидела с книгой в руках Эмма Вольфсон.

— О, фрейлейн! Зер гут!

Пьяно качаясь и наталкиваясь на мебель, фашист подошел к девушке вплотную. Когда его здоровенные, кирпичного цвета ладони грубо и тяжело легли на испуганно вздрогнувшие плечи Эммы, она резко и негодующе вскочила со стула и что было сил толкнула гитлеровца в грудь. Ее большие, опушенные густыми черными ресницами глаза горели такой ненавистью и отвращением к фельдфебелю, что тот, даже едва держась на ногах, заметил это.

— А, юде?! — внимательно глядяваясь в черты смуглого

лица девушки, прохрипел он.

С перекошенной от злобы физиономией, что-то бормоча, гитлеровец заскреб рукой по кобуре, вытащил пистолет. Мария бросилась к фашисту, не обращая внимания на взведенный парабеллум, повисла на его руке и, путая русские и немецкие слова, стала торопливо убеждать:

— Герр фельдфебель, герр Иоганн, она никс юде, никс! Она моя сестра. Швестер, понимаете, швестер!..

До сознания разъяренного гитлеровца далеко не сразу дошли ее слова.

— Юде, юде! — продолжал выкрикивать он.

— С ним надо кончать, Ваня! И сейчас же! — улучив момент, тихо шепнул Химичеву Владимир Дорогавцев.

— Но только не здесь.

Едва заметно кивнув в ответ, Дорогавцев, а вслед за ним и Химичев присоединились к Марии. Необходимо во что бы то ни стало отвлечь фашиста от несчастной девушки, спасти ее.

Наконец после бесконечно долгих уговоров и просьб фельдфебель начал постепенно отходить. Он с угрюмым видом, не глядя в сторону Эммы, неожиданно потребовал, чтобы все проводили его до комендатуры. Немедленно!

— Пожалуйста, как пан прикажет, — с готовностью отозвался Дорогавцев, выразительно поглядывая на друзей.

На улице густая, плотная темень тотчас же окутала людей. Мелко и нудно моросил затяжной осенний дождь. Резкие порывы ветра, наполненного промозглой сыростью, пронизывали, казалось, до самых костей.

Фельдфебель, опираясь на Володю Дорогавцева, грузно и с трудом переставлял ноги, пьяно бормоча что-то, однако правой рукой по-прежнему крепко держался за расстегнутую кобуру. Впереди, в нескольких шагах, молча шли женщины. Вернее, Мария вела Эмму, полуобняв ее за вздрагивающие плечи.

Прошли метров двадцать пять. Вот наконец и подходящее место: справа темнеет пустыми глазницами окон покинутый хозяевами дом. Выбрав удобный момент, Иван Химичев немного приотстает, а затем, молниеносно размахнувшись, расчетливо и точно бьет гитлеровца рукоятью пистолета по голове.

Подхватив разом обмякшее тело, подпольщики, ни секунды не медля, втащили его в заброшенный дом. Через минуту-две из безмолвной глубины донесся негромкий всплеск. Подвал, затопленный черной стоячей водой, — самая надежная могила для подгулявшего фельдфебеля...

Тогда удалось спасти Эмму Вольфсон. Однако месяц спустя смерть все же настигла ее, как тысячи других ни в чем не

повинных советских граждан еврейской национальности. Она погибла вместе со своим отцом.

Это произошло накануне Октябрьских праздников.

Окраинные кварталы на юго-западе Бобруйска незадолго до этого были превращены гитлеровцами в еврейское гетто. Утром 5 ноября туда со всех концов города эсэсовцы с овчарками начали сгонять толпы полураздетых измученных женщин, детей, стариков.

— Шнель! Шнель! — кричали они.

Причитали женщины, плакали дети, словно предчувствуя, что каждый шаг приближает их к неизбежной гибели. Людей выводили за город, лес, где уже были выкопаны специальные траншеи, выдаваемые фашистами за систему противотанковых укреплений. Недолгие приготовления, суэта палачей возле пулеметов — и вот уже зловещую тишину, нависшую над шеренгами людей, разрывают длинные, захлебывающиеся очереди...

А тем временем в городе, во дворах и квартирах, оставшихся без жильцов, шел безудержный, разнузданный грабеж. Из дверей, из выбитых окон на мостовые летели домашние вещи расстрелянных. Гитлеровцы хватали все, что попадалось им под руки, не брезгуя абсолютно ничем.

Прошло всего несколько дней, и в Бобруйске открылись специальные магазины, в которых гитлеровские палачи, не успев еще смыть с себя кровь своих жертв, начали торговать вещами, снятыми с казненных ими советских граждан. По этим омерзительным лавкам с утра до вечера слонялись фашисты, не успевшие еще вдоволь награть во время недавних погромов и выбиравшие теперь подарки своим семьям для отправки в Германию...

Ужасное известие о массовых расстрелах мирных жителей, подготовка к которым велась гитлеровцами в глубокой тайне, всколыхнула весь город. В тот же день Бобруйский подпольный комитет дал срочное указание группам развернуть немедленную агитацию среди жителей, а также призвать все еврейское население как можно быстрее уходить в леса, под защиту партизанских отрядов. Вскоре патриоты (в основном это были женщины) распространили по Бобруйску выпущенное подпольным парткомитетом обращение к населению города, в котором предлагалось всем гражданам выходить в леса, объединяться и становиться на путь вооруженной борьбы.

Этот призыв нашел горячий отклик в сердцах бобруйчан: вместе с уцелевшим еврейским населением город покидали и многие члены антифашистских организаций и групп, все те, кому

нельзя было больше оставаться в Бобруйске, кто мог вызвать хоть малейшее подозрение у фашистов. Через руководство отдельных групп им выдавались пропуска, заготовленные Иваном Химичевым, Виктором Ливенцевым, Андреем Колесниковым и Алексеем Сарафановым. Активизировало свою деятельность и подполье.

Чудовищным и диким было злодеяние фашистов, уничтоживших в течение одних только суток многие тысячи беззащитных жителей Бобруйска, в основном — женщин, детей, стариков. Однако никто из нас не мог тогда подозревать, что буквально на следующий же день, 6 ноября, в канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в оккупированном городе разыграется новая кровавая трагедия, которая затмит своими масштабами и изуверством только что совершенное гитлеровцами преступление.

В ночь на 7 ноября над северо-восточной частью Бобруйска, там, где находились бастионы старинной Березинской крепости, вспыхнуло и высоко взметнулось вверх огромное багровое зарево. Почти тотчас же оттуда донеслись приглушенные расстоянием крики, частая дробь автоматных и пулеметных очередей. В воздухе запахло гарью. А через несколько минут немного левее, в стороне, вспыхнул еще один сильный пожар и одновременно с ним, заглушая человеческие возгласы, тяжело и размеренно ударили пулеметы.

Ни для кого в городе не было секретом, что на территории бобруйской крепости с первых же дней оккупации фашисты создали один из самых крупных в Белоруссии лагерь военнопленных. Немногие чудом спасшиеся узники, нашедшие приют у гражданского населения, с ужасом рассказывали о невиданном произволе, об истязаниях и голоде, о зверских пытках, терроре и казнях, царивших в лагере. Живущие поблизости от крепости изо дня в день видели за проволоочной оградой лагеря целые штабеля из тел замученных насмерть военнопленных. На колючей проволоке, в два-три ряда окружавшей крепость, тут и там зловеще темнели десятки окровавленных и почерневших трупов. Они висели так неделями для устрашения всех тех, чью волю и стойкость не могли сломить никакие мучения и кто день и ночь мечтал об одном — о побеге из этого ада.

И теперь, видя охваченную пожаром крепость, слыша леденящие душу крики, горожане, так и не сомкнувшие глаз в ту ночь, не могли не понять, что в лагере происходит что-то ужасное. Никто еще не знал всех подробностей творимого

фашистами злодеяния, но в том, что в эти минуты беззащитно и совершенно безвинно гибнут советские люди, сомневаться, увы, не приходилось. И бобруйчане, подавленные сознанием своего бессилия, молча глядели на злоеющее багровое зарево, и большинство из них думали об одном и том же: надо скорее браться за оружие.

А наутро стало известно, что минувшей ночью в бобруйском лагере хладнокровно и умышленно были истреблены тысячи советских людей. Об этом массовом убийстве, жестоком и невероятном, совершенном накануне самого дорогого для всех нас праздника, с болью и гневом рассказывалось в листовке городского подпольного комитета партии, распространенной тотчас же бобруйскими патриотками. Листовка призывала народ беспощадно и сурово карать немецко-фашистских оккупантов:

«Смерть за смерть! Кровь за кровь! Сыновья и дочери свободолюбивого белорусского народа! Вооружайтесь и бейте врага всюду и чем только можно. Становитесь в ряды народных мстителей — этим мы спасем себя и своих родных от уничтожения гитлеровскими убийцами. Партизанская война — война всего белорусского народа. Все, как один, — в ряды партизан!»

Мне не забыть, с каким волнением Лидия Островская, принеся эту листовку в штаб нашей группы, описывала ужасные подробности той ноябрьской ночи.

Выяснилось, что за несколько недель до трагедии в бобруйский лагерь, который мог вместить не более трех-четырёх тысяч человек, стали прибывать один за другим эшелоны, до отказа заполненные военнопленными. Вскоре на территории старинной крепости, где был лишь один каменный дом, а остальные строения — кое-как сколоченные бараки, холодные и дырявые, — не могли вместить и половины согнанных людей. Многие сотни из них, лишённые крова, были вынуждены ночевать, стоя по колено в жидкой грязи. Дневная норма пищи — пол-литра тухлой баланды и одна гнилая репа вместо хлеба. В лагере начались повальная дизентерия, сыпняк и множество других болезней. От невыносимых условий, голода и ран там умирало по несколько сот человек в день.

Но и этого нацистам было мало.

Днем 6 ноября вокруг территории лагеря были наспех выстроены пулеметные вышки, а вечером на чердак трехэтажной каменной казармы охранники доставили бочки с горючим.

Наступила ночь, и, когда изможденные узники забылись в тяжелом сне, эсэсовцы подожгли здание. В забитых до отказа пылающих помещениях тотчас началась паника и давка. На

лестницах и у выхода образовались громадные пробки. Спасаясь от смерти, люди выбрасывались из окон всех трех этажей, но тут же попадали под губительный огонь пулеметов и автоматов.

Расправа длилась всю ночь. Из восемнадцати тысяч человек, которые находились в помещениях, спастись удалось немногим — остальные сгорели. Уцелевших эсэсовские палачи хладнокровно добивали с высокого земляного вала и охранных вышек на ярко освещенном прожекторами плацу.

О зверском, бесчеловечном обращении фашистов с военнопленными в бобруйском лагере нам уже давно и достаточно подробно было известно. Еще в начале октября 1941 года Марии Масюк с большим риском удалось познакомиться и наладить связь с одним из узников крепости бывшим военфельдшером Виктором Фестовым. Ему, как единственному в лагере медику, администрация разрешала время от времени в сопровождении конвоя покидать территорию крепости и появляться в городе, где можно было, хотя и с громадным трудом, все-таки раздобыть кое-что из медикаментов и перевязочного материала.

Используя любую возможность, Мария почти каждую неделю передавала Фестову хлеб, продукты, медикаменты — все, что могла достать для его тяжело раненных и больных товарищей. Несколько позже, когда подпольщики окончательно убедились в добропорядочности Виктора, Масюк по заданию руководства через него наладила связь с военнопленными в самом лагере.

Через Марию узники лагеря передали бобруйским патриотам несколько десятков удостоверений и различных справок, которые принадлежали их умершим товарищам и теперь могли бы принести неоценимую пользу для ведения нелегальной работы в городе. Одновременно Масюк принимала самое активное участие в подготовке и организации побегов военнопленных из крепости — заботилась вместе с другими подпольщицами о надежных квартирах, собирала гражданскую одежду и продовольствие для них.

В середине октября, после того как Виктор Фестов сообщил Марии о том, что гитлеровцы начинают отбор самых здоровых и крепких людей из узников для угона в Германию, было решено немедленно действовать. Поздней ненастной ночью 96 заключенных, сделав несколько подкопов под колючей проволокой, вырвались на свободу. В условленном месте их уже ждали подпольщики. Через некоторое время все военнопленные группами по семь-десять человек были разведены и укрыты на конспиративных квартирах бобруйских патриотов — Лидии

Островской, Нины Гриневич, Ольги Сорокиной, Александры Вержбицкой, Марии Саватеевой, Марфы Миловой, Марии Масюк и других. После недолгого отдыха всех спасенных из фашистской неволи ждала одна и та же дорога — в бобруйские леса, к партизанам.

Вслед за первой группой, с интервалами в несколько дней, совершили удачный побег еще сто пятьдесят-двести узников. И снова женщины мужественно и хладнокровно, каждую минуту рискуя собой и жизнями своих детей, родных и близких, сделали все для их спасения.

Кровавая драма, разыгравшаяся на территории старинной крепости в ночь на 7 ноября, вызвала волну огромного гнева и возмущения среди всего населения города.

Продолжала разворачивать решительные диверсионные действия и наша группа. Ее штабом были разработаны и успешно проведены несколько смелых, рассчитанных на внезапность операций. Одной из них, пожалуй, самой дерзкой и значительной, стал разгром гитлеровской казармы в здании бывшей средней школы по улице Энгельса, где постоянно останавливались на короткий отдых фашистские подразделения, направляющиеся на восточный фронт.

Нужно сказать, что к этому времени членами нашей организации уже было собрано некоторое количество оружия: десять-двенадцать винтовок, пистолеты, два ящика патронов и взрывчатка. Однако для проведения серьезной операции, в ходе которой могли возникнуть любые осложнения, этих более чем скудных запасов было, конечно же, недостаточно.

Нам требовалось раздобыть любыми средствами еще хотя бы три-четыре автомата с запасными обоймами, несколько пистолетов и, пожалуй, главное — десятка два-три гранат. Только в этом случае, штурмуя хорошо укрепленную и охраняемую казарму, группа могла рассчитывать на победу.

Но где и как найти такое количество оружия? Связи с партизанами у городского подполья пока еще не было, и, следовательно, на помощь извне нам рассчитывать не приходилось. Что же касается самого Бобруйска, то поиски здесь своими силами оставались безрезультатными — они ни к чему не приводили.

Операцию не осуществили бы, если бы не смелая и неожиданная инициатива, проявленная нашим замечательным товарищем Ниной Гриневич. Узнав о серьезных затруднениях, которые испытывали подпольщики с оружием, семнадцатилетняя комсомолка предложила довольно опасный, но вполне реальный

план. Забегая вперед, хочу отметить, что именно благодаря Нине и ее плану несколько позже нашей группе удалось наладить надежный канал связи с одним из партизанских отрядов, действовавших к югу от города.

Как выяснилось, вся большая семья Гриневичей, живущая в деревне Ламбово, в двадцати пяти километрах от Бобруйска, — шестидесятилетняя мать Агриппина Петровна и одиннадцать ее дочерей и сыновей (сама Нина была последней) — уже давно собирала оружие, оставшееся после ожесточенных боев на полях. Все, что они находили, будь то винтовка, автомат или граната, тщательно пряталось в укромном месте, а затем старшая из дочерей, Ольга, вместе с односельчанином Василием Назарчуком переносила собранное в надежные лесные тайники.

— Одним словом, дайте мне день-два — и оружие будет в городе, — твердо закончила свой короткий рассказ Нина. — Обязательно будет.

Подпольщики молчали. Риск, на который сознательно и добровольно шла девушка, был огромен. Это понимали все. Однако иного, менее опасного и простого, выхода, по-видимому, не существовало. И после долгих и тщательных размышлений и обсуждения всех подробностей предложение Гриневич было принято.

— Обо мне не тревожьтесь — я везучая, — заметив следы плохо скрытой тревоги на лице Ивана Химичева, мягко улыбнулась Нина. — И сама доберусь, и листовки доставлю, и оружие привезу!

— Это какие же листовки?

— Те, которые вы мне дадите, — кивнув на стопку сводок Информбюро, лежащую на столе, серьезно произнесла девушка. — Не могу же я возвращаться домой с пустыми руками! Вы себе и представить не можете, с каким нетерпением ждут у нас любых весточек, сообщений из Москвы.

В тот же день около тридцати экземпляров последней радиосводки были переданы Нине для распространения в окрестных деревнях.

Рано наступивший осенний вечер застал девушку вдали от города. Позади осталось двадцать с лишним километров тяжелого и небезопасного пути через леса и болота, в обход захваченных врагом деревень.

Вот наконец и знакомые с детства места. Обступивший со всех сторон угрюмый лес медленно редет, незаметно переходя в невысокий, но довольно густой кустарник. Скоро должны показаться и первые дома Ламбово, а среди них, чуть в стороне и на отшибе, — хата Гриневичей. «Ну, кажется, добралась», — с

облегчением подумала Нина. И в тот же момент из кустов впереди неожиданно и резко раздался лязг винтовочного затвора, а затем и хриплый окрик:

— Стой! Кто идет?

«Вот тебе и везучая!»

— Да я из Ламбово! К себе домой иду, — стараясь сохранить в голосе спокойствие, отозвалась Нина.

— А ну, подходи поближе, посмотрим, что это за краля по ночам тут шастает.

Сделав несколько шагов вперед, Нина различила в темноте двух вооруженных винтовками полицаев в черных шинелях и только что остановившуюся поодаль женщину в накинутом на голову платке. Низкорослый «страж порядка», от которого мерзко разило самогоном, пристально вглядываясь в девушку, злобно выдохнул:

— Кто такая? Покажь документ!

В этот момент женщина, очевидно узнав девушку, подбежала к Нине и, оттолкнув полицая, прижала ее к себе:

— А, божечка ж мой! А я ж тебя сразу и не признала! Ой, горе мое, а исхудала-то как! Пойдем, дитятко, по дороге нам! Отведу тебя домой — мать ведь небось заждалась...

— Молчать, старая ведьма! — заорал опешивший поначалу низкорослый. — Не встречай! Сами отведем, куда надо будет! А может, она — партизанка? Тут еще разобраться надо!

— Да что вы, мужики, — продолжала причитать женщина. — Это ж Нинка, Агриппины нашей дочь. Работает в городе, а сюда, к матери, за харчами ходит...

Второй полицай, пожилой, заросший трехдневной щетиной и до сих пор угрюмо молчавший, неожиданно примирительным голосом произнес, обращаясь к своему напарнику:

— Да отцепись ты от них, Степан. Знаю я ее. Гриневича это девка.

Достав из кармана кисет, он неторопливо протянул его приятелю. А Нина, готовая уже к самому худшему и еще не до конца поверившая, что опасность миновала, не оборачиваясь, поспешила к своему дому.

Той же ночью девушка встретилась со своим односельчанином Василием Назарчуком. Были тщательно продуманы все детали предстоящей поездки в Бобруйск, намечен маршрут.

Ранним утром Назарчук, добыв у старосты документ на право выезда в город с сестрой жены, запряг в повозку гнедого коня. Под толстым слоем сена, завернутое в старую рогожку, уже находилось предназначенное для подполья оружие. Гранаты,

завернутые в промасленную тряпку и залитые сверху густым дегтем, лежали в большом ведре, подвешенном под повозкой.

Из деревни Василий выехал один, стараясь не привлекать внимание полицаев. В условленном месте его уже ждала Нина. Расстелив на сене домотканое одеяло, она улеглась поудобнее. Как и было уговорено, Назарчук вез в бобруйскую больницу большую свояченицу.

Тряские, давно неезженные проселки вывели их спустя несколько часов к большому, усиленно охраняемому мосту через Березину. По обе стороны его — постовые, внимательно проверяющие каждого.

— Хальт! — выходит на дорогу здоровенный верзила в каске, угрожающе поводя дулом автомата. — Токумент!

Лошадь, с силой схваченная под уздечку, испуганно шарахается в сторону. Нина громко всхлипывает и, кусая от «боли» губы, кричит:

— Ой, мамочка! Ой, не могу! Скорее! Скорей!

— Вас? Вас ист дас? — Пять-шесть гитлеровцев, не опуская оружия, окружают телегу, с недоумением разглядывая стонущую в ней девушку.

Назарчук, изображая на лице крайнюю степень волнения и обращаясь то к одному из них, то к другому, пытается объяснить:

— Сестра жены это, понимаете? Везу в больницу...

Проходит еще несколько минут в тщетных попытках толковать гитлеровцам, что женщине на повозке срочно нужно в больницу. Наконец один из них начинает понимать, в чем дело. Кивая головой в сторону Нины и делая какие-то жесты, он произносит две-три фразы, адресуя их остальным. И тогда фашист, ухватившись за оглоблю и с размаху ударяя кулаком лошадь, орет что есть силы:

— Шнель! Русиш швайн! Шнель!

Вот и противоположный берег. И снова — грубый окрик, на этот раз по-русски:

— Стой!

Пока Василий предъявляет полицая документ, подписанный ламбовским старостой, немец, по-видимому, старший патруля, нагнувшись, пытается осмотреть повозку снизу. Заметив большое ведро с дегтем, он подозрительно разглядывает его, а затем, не удержавшись, запускает туда палец. Полицейский, уже вернувший документы Назарчуку, случайно замечает это движение и непроизвольно, видя, как брезгливо и с отвращением тот нюхает измазанную черным руку, ухмыляется.

Расплата следует немедленно. Подозвав к себе полицая, гитлеровец, зло выкрикивая что-то, проводит несколько раз

измазанным пальцем крест-накрест по его лицу. Тот, не смея шелохнуться, вытягивается и замирает по стойке «смирно».

На Василия и Нину никто уже не обращает внимания: не до этого. И Назарчук, понимая, что медлить нельзя, нахлестывая лошадь, погнал телегу от моста. Через несколько минут они уже въезжали на окраинные улицы Бобруйска.

Следующей же ночью, 12 ноября, боевое ядро группы во главе с Иваном Химичевым незаметно окружило здание школы. Женщины тоже были здесь. Мария Масюк, Нина Гриневиц и Лидия Островская, прижимаясь к стенам соседних домов, внимательно наблюдали за обстановкой, готовые условными сигналами предупредить об опасности.

Бесшумно сняв часовых, Виктор Горбачев и Сергей Коншин подали знак остальным. Казарма, облитая бензином и обложенная сухой соломой, была подожжена с четырех сторон. Огонь стал жадно лизать стены. Одновременно раздался звон разбиваемых стекол — в окна полетели гранаты, потянулись трассы автоматных очередей.

Оглушительные взрывы, автоматная стрельба, истошные крики вспороли ночную тишину. Испуганные и ничего не понимающие гитлеровцы в одном белье выскакивали из окон горящего факелом здания и тотчас же попадали под меткие пули подпольщиков.

— Вот вам за казни! Вот вам за расстрелы! Вот за березинский лагерь! Получайте за все!

Вскоре, когда большинство гитлеровцев было перебито и группа по команде Химичева глухими задворками отошла к Березинскому фортштадту, на улицу Энгельса примчался крупный наряд полевой жандармерии, запоздало вызванный ближайшими постами. Не разобравшись в обстановке, прибывшие гитлеровцы тут же открыли бешеный огонь по всем, кто в панике бежал или уползал от пылающего здания казармы.

В результате этой боевой операции подпольщики, среди которых были и наши женщины, уничтожили несколько десятков вражеских солдат и офицеров, сожгли немало воинского имущества, оружия и боеприпасов. Это была настоящая и очень важная для всех нас победа!

Во второй половине ноября 1941 года, когда была наконец установлена надежная связь городского подполья с партизанами Октябрьского и Паричского районов, первые группы бобруйских антифашистов начали организованный выход в лес, в зоны действия отрядов народных мстителей. На это были свои, особые

причины.

Резкая активизация боевой деятельности большинства групп в городе вызвала новую, еще более сильную волну кровавых репрессий со стороны оккупантов. Понимая свое бессилие сломить дух и растоптать достоинство советских людей, гитлеровская администрация беспредельно ожесточила атмосферу постоянного террора, ежедневно проводя массовые облавы, повальные обыски, аресты и казни. Людей сотнями и тысячами угоняли в Германию, в фашистское рабство, многочисленные тюрьмы были переполнены, в застенках арестованных подвергали бесчеловечным пыткам. Одновременно с этим был продлен комендантский час, с особой тщательностью проверялись пропуска и документы.

В числе взятых на подозрение оказалась и Мария Масюк. Проведенная оккупационными властями контрольная проверка — сопоставление количества талонов, выданных различными гитлеровскими учреждениями города, с фактическим расходом хлеба — дала свои результаты. Директор торговой фирмы обвинил заведующую 4-м магазином Марию Масюк в хищении хлеба, хотя неопровержимых доказательств у него, к счастью, не оказалось.

Буквально на следующий же день Владимир Дорогавцев, а вслед за ним и другие обратили внимание на двух-трех весьма подозрительного вида субъектов, которые постоянно маячили под окнами квартиры Масюк. Не требовалось особой проницательности, чтобы догадаться и понять, кто они такие и откуда. Дом, где находился штаб нелегальной организации Ивана Химичева, был явно взят под пристальное и неусыпное наблюдение. Одновременно с этим многие из подпольщиков почувствовали на себе чье-то неослабевающее и навязчивое внимание.

В этой крайне тяжелой обстановке, когда любой опрометчивый шаг, малейшая неосторожность грозили гибелью, провалом всего подполья, с таким трудом созданного, необходимо было, не теряя ни минуты, уходить из города, выводить людей из-под удара.

По поручению штаба антифашистской организации во главе с Иваном Химичевым в тот же день Василий Голодов и Владимир Дорогавцев срочно оповестили всех патриотов о немедленном выходе из Бобруйска в южном направлении — на Паричи и поселок Октябрьский. Этот маршрут был выбран не случайно. Лесной массив здесь начинался сразу же за Березинским фортштадтом, а бездействующая железная дорога Бобруйск — Старушки могла послужить надежным ориентиром для всех, кто

был недостаточно хорошо знаком с местностью. Важно было и то, что в этих районах активно действовали партизанские отряды, с отдельными из них нам удалось наладить связь: в Паричском районе, возле деревни Качай Болото, сражался с оккупантами отряд Василия Губина, а в Рудобелке — партизаны отряда «Красный Октябрь», которым командовал Федор Павловский.

Вечером 26 декабря 1941 года в Березинском фортштадте, на квартирах Анны Ивановой, Ольги Сорокиной и Александры Вержбицкой, начали собираться подпольщики. Это была одна из последних групп бобруйчан, уходящих в лес. Владимир Дорогавцев встречал товарищей на улице Малой и направлял по указанным конспиративным квартирам. Александр Глинский и Василий Назарчук, выполняя задание руководства, доставляли туда же собранное ранее и надежно укрытое в тайниках оружие, боеприпасы, медикаменты, а также продовольствие, подготовленное Марией Масюк.

Час спустя все было готово. Владимир Дорогавцев доложил Ивану Алексеевичу Химичеву о том, что все оповещенные подпольщики в сборе. Среди собранного и принесенного оружия было два ручных пулемета, автоматы, взрывчатка, пистолеты и около десяти тысяч патронов в лентах. Не менее ценным был и радиоприемник с аккумуляторной батареей, переданный патриотам Анной Ивановой.

Невероятно тяжелым, мучительным, страшным запомнился этот декабрьский вечер Марии Масюк. Здесь, в оккупированном и разоренном городе, где жизнь каждого висела буквально на волоске, ей приходилось оставлять самое дорогое, самое близкое и родное, что только может быть у матери и чем живет любая мать, — своих детей. Страдания этой необыкновенной женщины, умевшей оставаться хладнокровной во всех, даже самых трудных, ситуациях, были, конечно же, огромны. Вынужденная разлука с малышами, которые поселились теперь в доме Александры Вержбицкой, не предвещала ничего хорошего: в этом был немалый риск.

В последний раз обнявшись с друзьями, которые оставались в городе для продолжения подпольной работы (старшим был назначен Виктор Горбачев), все в тридцатиградусный мороз по глубокому снегу цепочкой направились в сторону темнеющего вдали леса. Идти было нелегко — пронизывающие насквозь порывы декабрьского ветра швыряли в лица людей ледяную крупу, обжигали нестерпимым холодом их руки и ноги.

В небольшом редком пролеске возле бывшего стрельбища подпольщики остановились. Позади, погруженный в ночную темноту, лежал Бобруйск. Лишь над лагерем, где все еще

томились тысячи узников, зловеще мигали, раскачиваясь на ветру, редкие фонари. С болью в сердце, с тревогой за оставшихся товарищей покидали люди успевший стать им родным и близким город, в котором сто пятьдесят дней и ночей вели они борьбу с фашистскими захватчиками.

Ушли, как выяснилось потом, вовремя: через час дом Марии Масюк, где еще недавно располагался штаб нелегальной организации Ивана Химичева, был окружен отрядом жандармерии и подвергся тщательному обыску. Гитлеровцы разломали всю мебель и печи, содрали обои, разворотили полы, но ничего компрометирующего обнаружить так и не смогли. Руководивший операцией жандармский офицер был в бешенстве. Он приказал оставить в доме засаду.

Ранним утром 27 декабря Нина Гриневиц, переночевав у своей сестры, спокойно, ни о чем не подозревая, вошла во двор. Она решила забрать спрятанные в надежном тайнике (жандармы так и не обнаружили его) поддельные пропуска на право круглосуточного хождения по городу.

— Хальт!

Ее немедленно доставили в полевую комендатуру.

«Нашли пропуска или нет? Как вести себя на допросе?» — мучительно думала семнадцатилетняя девушка по дороге.

В камере предварительного заключения — двенадцать женщин и один мужчина. Внимательно взглядевшись в его лицо, Нина едва удержалась от крика: перед ней был один из организаторов и руководителей Бобруйского подполья Андрей Кузьмич Колесников. Волевое лицо его, с резкой складкой у переносья, совершенно спокойно. Неторопливо взглянув на новенькую, он равнодушно, как будто видел ее впервые, отвернулся. Однако в глазах его Нина успевает прочесть безмолвный короткий приказ: «Молчи! Молчи, несмотря ни на что!» В этот же день Андрея Колесникова перевели в другую камеру, и Нина, молчаливо прощаясь с этим человеком, не знала, что вскоре ее ждет еще одна, очень короткая и на этот раз последняя, встреча с ним.

Холодный цементный пол залит кровью. Все избитые, в слезах, опухшие от побоев, в изорванной одежде, лежат на нем женщины. Одна из них, пожилая, подозвала к себе девушку и, по-матерински обняв, участливо спросила:

— Детей-то за что хватают, ироды проклятые? Что они от тебя хотят, девонька?

От женщины Нина узнала, что находится в подвалах бобруйской СД, на Пушкинской улице. С трудом разжимая запекшиеся от крови губы, в изорванном платье, вся синяя от

побоев, та рассказывала о себе. Арестована за то, что прятала знакомую еврейку. Прежде чем бросить в душегубку и увезти сюда, фашисты хладнокровно и жестоко, время от времени приводя в сознание, зверски избили ее до полусмерти. Однако самое страшное началось уже здесь, в тюрьме. За несколько дней пыток каленым железом выжгли груди, вырвали на всех пальцах ногти, отбили легкие, переломали ребра...

Скрипит на ржавых петлях дверь. В камеру вталкивают женщину, незадолго до того уведенную на допрос. Упав на пол, она громко стонет:

— Ой, не могу, ой, проклятые, все печенки отбили...

Собрав последние силы, изувеченная женщина, позаботившаяся о Нине, с трудом подняла голову и сквозь зубы выдохнула:

— Врешь! Расскажи лучше людям, сколько ты наших душ загубила! Не верьте ей, женщины, этой шлюхе продажной! Берегитесь ее!

Договорить до конца ей не удастся: густая, почти черная кровь потоком полилась из ее горла. В ту же минуту в камеру ворвались охранники и стали топтать несчастную тяжелыми, коваными сапогами. Но она уже была мертва...

Когда дверь за убийцами с грохотом и лязгом захлопнулась, женщина-provокатор, заметно осмелев, кричит:

— Вот так и с нами со всеми будет! Господи, да кабы я что знала, то все бы, кажется, им рассказала. Сил моих больше нет терпеть. А немцы тех, кто признаются, отпускают. Вон двоих, что передо мной вызывали, отпустили домой. Ей-богу, отпустили, да еще продуктов разных надавали!..

«Напрасно, гадина, стараешься, — с гневом думает Нина. — Все равно тебе уже никто не поверит!»

Наутро provокатора уводят, и в камере она больше не появляется. А спустя день или два одна из женщин, вернувшись после допроса, рассказывает, что видела ту, уже переодетую, в коридоре СД с немецким офицером. Provокация не удалась!

Нину вызвали на допрос на третий день.

За столом — два жандарма. Один из них почти без акцента говорит по-русски.

— Кого из женщин в камере знаешь?

— Никого.

— А мужчину?

— Которого?

— Того, что был в камере в первый день.

— Не знаю.

— Тогда, может, скажешь что-нибудь о Химичеве, по кличке

Гранный?

— Не знаю я ни Химичева, ни Гранного.

Коротко размахнувшись, офицер бьет девушку по лицу. Удар жандарма точен — на несколько минут Нина теряет сознание. Ее обливают холодной водой, бьют наотмашь по щекам. Постепенно она приходит в себя. Но едва открыв глаза, девушка видит перед своим лицом дуло пистолета:

— Ну как, вспомнила о Гранном или нет? Говори: что о нем знаешь?

И снова тяжелый удар — на этот раз рукояткой пистолета по голове.

Когда Нина снова пришла в чувство, первое, что бросилось ей в глаза, — кровь. Много крови и повсюду — на руках, на одежде, на полу... Это ее кровь...

Жандарм подносит к ее лицу небольшую любительскую фотографию. Кто же это? Напрягая зрение, сквозь мутную пелену Нина вглядывается в карточку: Химичев!

— Этого знаешь?

— Этого? Как же, знаю! Скороходов это!

Она ответила сразу, не раздумывая. И это спасло ее. Выход из нелегкого положения был найден внезапно, неожиданно для нее самой. Теперь бы только не ошибиться!

— Подлец он, Скороходов этот! Приходил ночевать, консервы приносил, хлеб, обещал жениться, а теперь вот бросил...

— И что же, не бывает больше?

— Приходит, но редко, — нашла Нина единственно верный ответ.

— Ну вот, это другой разговор, — примирительно сказал жандарм. — Давно бы так. И голова бы цела осталась. Если не дура, можешь теперь кучу денег заработать...

— А как? — простодушно поинтересовалась Нина.

Гитлеровец постучал пальцем по фотографии Ивана Алексеевича, лежащей на столе:

— Твой Скороходов — совсем не Скороходов. Химичев это, по кличке Гранный. Коммунист и преступник. Если поможешь его поймать — и жизнь себе сохранишь, и деньги немалые получишь. В противном случае — пеняй на себя! Поняла?

— Поняла.

— А ну, повернись теперь! — вдруг рывкнул офицер. — Знаком тебе этот?

В дверях кабинета под конвоем двух автоматчиков стоял Андрей Кузьмич Колесников.

— Ну?

— Видела его.

— Где? Когда?

— А в камере, в первый же день после ареста.

Жандарм пристально, не отрываясь, посмотрел ей прямо в глаза, затем, словно разом потеряв всякий интерес к девушке, повернулся и бросил:

— Ну ладно. Все. Можешь идти!

Нина медленно поднялась, еще не веря до конца, что эти последние слова относятся к ней. Неужели это не сон?..

Вот наконец и выход. Куда же теперь? На любую из явок или к сестре идти ни в коем случае нельзя — за ней могут следить. После короткого раздумья девушка неторопливо, словно спешить ей некуда, направилась в сторону городской больницы: прежде всего необходимо сделать перевязку, а заодно и проверить, нет ли «хвоста».

Из больницы она вышла уже в сумерках, задним двором, и лишь пропетляв по улицам больше часа и убедившись, что наблюдения за ней нет, незамеченной вошла в дом своей сестры Лиды Островской. Окончательно обессиленная, Нина уже не могла говорить: упав ничком на кушетку, она лишь навзрыд плакала.

Но что это? Случайно подняв голову, сквозь слезы Нина увидела (или это ей померещилось?) склонившееся над ней лицо... Химичев!

— Иван Алексеевич! Вы? Здесь?!

— Да, Нина, здесь. Были кое-какие дела в городе.

— Но вас же ищут! В жандармерии есть ваша фотография!

— Знаю, все знаю, — спокойно улыбнулся Химичев.

Той же ночью они вместе ушли в лес, к партизанам.

А на следующий день жители города прочитали на заборах объявление, напечатанное крупным жирным шрифтом:

«Тот, кто поймает или укажет местонахождение Марии Масюк, заочно приговоренной к смертной казни, получит большое денежное вознаграждение...»

Знакомые, читая эти строки, только посмеивались: опоздали, фашистские ищейки, не найти вам теперь Марию! Схватить в качестве заложников ее детей гитлеровцам также не удалось: маленьких Нелу и Севу надежно укрыла в своем доме Александра Вержбицкая.

Штаб группы Виктора Горбачева, оставленной для выполнения особых заданий партийного и партизанского руководства по координации действий и для продолжения борьбы, с первого же дня расположился в неприметном с виду домике Лидии Островской. Этот дом пока еще вне подозрений.

Здесь хранились бланки пропусков на немецком языке, штампы, печати, в тайнике установлен радиоприемник.

Однако развернуть по-настоящему активную работу группе так и не удалось. Прошло чуть больше месяца, и Виктор Горбачев, переоценив свои силы и возможности, допустил роковую ошибку. Окрыленный неизменными удачами: успешно проведенными диверсиями, нашим уходом в лес, безуспешными попытками гитлеровцев раскрыть подполье, — молодой и недостаточно опытный конспиратор почти в открытую начал прослушивать московские радиопередачи. И через несколько дней случилось непоправимое.

Морозным утром, когда ничего не подозревающая Лида, накормив детей, взялась за уборку, в дом неожиданно ворвалась полиция. Следом, держа автоматы на изготовку, вошло несколько гитлеровцев. Одновременно был оцеплен двор и заблокирована улица.

Отшвырнув с дороги малышей, фашисты, ни слова не говоря, с тяжелыми дубинками в руках набросились на молодую мать. Жестокое избиение продолжалось долго, и лишь поняв, что еще немного и женщина будет уже не в состоянии отвечать на вопросы, палачи оставили свою жертву. Один из гитлеровцев, по-видимому старший, поведя дулом автомата в угол комнаты, отрывисто и резко произносит какую-то фразу.

— Я, я, ферштейн! — с готовностью отозвались полицаи и прикладами винтовок начали толкать Лиду в сторону закрытого погреба. — Давай лезь в свое подполье, зови дружков, — приказали они.

И только выждав несколько минут, решились приблизиться сами и осветить погреб карманными фонарями. Окончательно убедившись, что в подземелье пусто, один из фашистов осторожно спустился вниз и начал тщательно и досконально исследовать его стены и пол.

Прошло несколько минут, и из соседней комнаты на весь дом раздался ликующий голос полицая:

— Ага, большевичка! Теперь ты попалась. Вот он, приемничек! Москву слушаешь, листовки пишешь!..

Гитлеровцы оживились — результаты обыска были налицо:

— О! Партизан!

На подпольщицу опять набрасываются трое:

— Где прячешь оружие? Где листовки? Ну? Будешь отвечать?

Удары наотмашь по лицу, по голове, тяжелыми солдатскими кулаками, дубинками, рукоятью пистолета. Но подпольщица упорно молчит.

— Где твой муж? Где остальные? Где они все? Отвечай!

Рыдающие малыши и старушка свекровь не выдерживают страшной сцены допроса. В полном отчаянии, не думая о себе, они бросаются на мучителей Лиды. И снова — удары, кровь, грубые окрики... Дети, отброшенные в угол комнаты, надолго затихают там, потеряв сознание. Та же участь постигает и старушку.

В доме тем временем в поисках оружия и листовок гитлеровцы разламывают всю мебель, рвут матрацы, подушки, одеяла, разбивают массивную русскую печь, перебирают все книги и рвут их, обстукивают стены, вскрывают полы. Однако все напрасно. И только час спустя один из карателей, оторвав наличник двери, обнаруживает в тайнике бланки пропусков на немецком языке, штампы и печать...

Лидию Островскую в полубессознательном состоянии бросили в закрытую полицейскую машину и увезли на Пушкинскую, в СД.

Закончив обыск, фашисты оставили в доме и во дворе засаду. Они ждут Горбачева, которого почему-то принимают за мужа Лидии Островской. Именно он, по их мнению, главарь, руководитель подполья.

Виктор появился часа через два. Его сразу же насторожило, что ворота не заперты и на снегу видны следы автомобильных протекторов. Постояв минуту в нерешительности, он осторожно заглянул во двор. Из раскрытых настежь дверей и окон донесся до него громкий детский плач. Не раздумывая больше, Горбачев бросается к дому.

— Хальт!

Этот окрик застал его посреди двора. Медленно, нарочито медленно поднимая руки, Виктор услышал за спиной тяжелые шаги. Двое! Резко обернувшись, он молниеносно выхватил из кармана пистолет и не целясь начал стрелять по врагам. Те, не успев даже поднять оружие, упали замертво на землю. И тогда со стороны дома, захлебываясь, ударили автоматы... Горбачев как подкошенный свалился в снег.

В те короткие минуты, когда тяжело раненный Виктор приходил в сознание, каратели пытались вырвать у него сведения о городском подполье. Но Горбачев мужественно молчал. Его расстреляли в тот же день.

Лиду Островскую истязали еще на протяжении трех дней.

— Кого из подполья знаешь лично, в лицо, по фамилиям или кличкам? Есть ли связь с партизанами? Кто такой Горбачев? Откуда взялся приемник?

Но все эти вопросы так и остались без ответа. Лида не обмолвилась ни единым словом.

Ее допрашивал офицер, отлично говоривший по-русски. Спокойно, не повышая голоса, он сообщил подробности расстрела Горбачева. Ни единый мускул не дрогнул на Лидином лице. Не торопясь, в деталях рисовал гитлеровец те изуверские пытки, которые ждали Островскую в ближайшие часы в сырых подвалах городской СД. И снова — молчание в ответ.

— Мы доставим сюда вашу мать, ваших братьев и сестер. Их будут расстреливать по одному за каждый вопрос, на который вы не дадите ответа!

В молчании проходит еще несколько долгих, бесконечно долгих минут.

— Но если не поможет и это, фрау увидит мертвыми своих маленьких детей!

Удар рассчитан точно. Для матери это страшнее раскаленного железа, страшнее самой смерти!

— О! Они умрут далеко не сразу, — продолжал гитлеровец тихим, вкрадчивым голосом. — Их будут очень долго пытать, причем здесь, на ваших глазах! И вы не сможете ничем им помочь, абсолютно ничем! Умереть сожженным на костре — я бы назвал это счастьем по сравнению с тем, что придется вынести им!

Лида не выдержала. Сознание, и без того слабое от зверских побоев, на несколько минут покинуло ее. А когда женщина снова пришла в себя, над ней, в который уже раз, склоняется все тот же офицер:

— Надеюсь, теперь фрау будет благоразумней и обо всем расскажет?

Собрав последние силы, Островская с ненавистью плюнула в физиономию своего истязателя.

Еще две ночи палачи зверски мучили эту мужественную женщину. Но Лидия Савельевна Островская предпочла мучительную смерть предательству своих друзей по подполью. О ее нестигаемом мужестве заговорили вскоре многие. Отрицать его не могли даже сами палачи. Через несколько дней после гибели Лидии в одном из коридоров здания СД встретились два полицейских. Одному из них довелось присутствовать при допросах и пытках Островской, и он рассказал своему приятелю о том, как бесстрашно и стойко вела себя наша Лида. Случайным свидетелям этого разговора удалось со временем вырваться на волю. Они-то и рассказали бобруйчанам обо всех подробностях страшной драмы, разыгравшейся в подвалах городской СД.

Яркие страницы бесстрашия и мужества вписали в историю борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в Бобруйске семьи

Ольги Броваренко и Федоры Лозовской. В сорок втором году они основали маленькую подпольную организацию, которая длительное время поддерживала связь с нашим партизанским отрядом, смело и решительно выполняя боевые задания его командования. В состав группы кроме Ольги Броваренко и Федоры Лозовской входили их мужья — Александр Семенович и Павел Иванович. Их надежными боевыми помощниками с первых же дней стали дети Броваренко — подростки Вера, Витя и Жора.

Помощь подпольщиков была немалой. В их задачи входило ведение постоянной разведки в городе, регулярное наблюдение за железнодорожной и шоссейной магистралями, распространение листовок и сводок Совинформбюро. Разведанные о передвижении гитлеровских войск, о намерениях оккупантов они оперативно передавали в отряд. Время от времени командование через подпольщиков получало также последние номера «Бобруйской газеты», издаваемой гитлеровцами на русском языке. Это давало нам возможность в своих листовках и воззваниях разоблачать лживую фашистскую пропаганду, сообщая населению города о последних новостях с фронта, с Большой земли.

Многokrатно Ольга Броваренко и Павел Лозовский выходили из города на связь с разведкой отряда, доставляя при этом добытые сведения и медикаменты. На одной из таких встреч, осенью 1942 года, подпольщики попросили командование отряда выделить им взрывчатку и капсюли-детонаторы. Эта просьба была вскоре выполнена: мы уже знали, что патриоты готовятся к опасной и дерзкой операции в самом центре города.

Поздний ноябрьский вечер. Настороженную тишину, повисшую над безлюдными улицами Бобруйска, нарушают лишь мерные, тяжелые шаги патрулей. Комендантский час... Гражданскому населению под угрозой расстрела запрещено выходить из домов. Патрулирующие в городе автоматчики могут открыть огонь без предупреждения, стреляя в любого, будь то женщина, старик или ребенок.

Нередко случалось так: выйдет вечером мать, чтобы на развалинах дома напротив собрать хоть немного дров для холодного очага, а назад не возвращается. В тяжелом предчувствии непоправимой беды, в тщетном ожидании мучительно долго тянется ночь. А наутро дети вне себя от горя и слез находят рядом с крыльцом неподвижное и давно уже безжизненное материнское тело. Женщина застрелена проходившим мимо патрулем...

И такое случалось в то страшное время нередко, едва ли не каждую ночь.

Близится полночь. Сквозь редкие просветы в низких осенних

тучах, медленно ползущих над землей, показывается и снова исчезает желтоватый диск луны. Порывы ветра гонят по мостовым обрывки бумаг, мусор, пронзительно завывают в подворотнях, в руинах домов. Город кажется вымершим. Лишь иногда из ночного мрака доносятся отрывистые звуки чужой речи: это патруль!

Но вот на одной из темных улиц едва различимо слышатся чьи-то осторожные шаги. Двое мужчин. Бесшумно пробираясь вдоль заборов и стен домов, они временами замирают на месте, настороженно прислушиваясь к тишине. Она обманчива, эта тишина. Совсем рядом — действующий военный аэродром, справа — железная дорога, по которой нередко проносятся на восток тяжело груженные армейские составы.

Но кто же они, эти двое, рискнувшие, несмотря ни на что, бросить отчаянный вызов суровым законам военного времени?

Запомним их имена: на задание идут подпольщики Павел Лозовский и Александр Броваренко. Задуманный ими план чрезвычайно дерзок и смел. Завтрашний день для этих отважных людей, как и для любого советского человека, необыкновенно дорог и памятен: 25-я годовщина Октября. И в этот день оккупанты должны еще раз убедиться и надолго запомнить: сломить волю советского народа ни жестоким террором, ни насилием, ни казнями невозможно. Бобруйское подполье по-прежнему живет и борется!

Не в первый уже раз покидают патриоты свои семьи, свои дома, уходя каждый раз в неизвестность. Однако сегодняшнее задание особое: предстоит диверсия в самом центре города, где гитлеровцы буквально на каждом шагу, на каждой улице, повсюду. И шансов вернуться назад, успешно выполнив план, у подпольщиков совсем немного, гораздо меньше, чем обычно.

Ласково попрощался с детьми Александр Броваренко. Младшие, Светланка и Володя, с тревогой глядя на отца, тянут к нему ручонки: не уходи, папа! Старшие, Витя, Жора и Вера, стоят молча, притихшие и серьезные. Им объяснять ничего не надо — они уже достаточно взрослые и все понимают без слов.

Ольга Васильевна, надев на плечи мужа сшитый своими руками прочный холщовый мешок (в нем двенадцатикилограммовый заряд взрывчатки), с трудом скрывая волнение и слезы, говорит:

— Будь осторожен, Саша! Береги себя!

Утешать ее сейчас бессмысленно.

Выйдя во двор, Александр Семенович обнимает за плечи сына:

— Ты уже мужчина, Виктор, и должен меня понять. Возьми этот пакет. Здесь документы: партийный билет, паспорт. Если

случится так, что я не вернусь, спрячь все понадежнее и немедленно уходи с мамой, с ребяташками в лес, к партизанам. Иначе погибнете! — Отец на минуту замолкает, а затем, глубоко вздохнув, глуховатым голосом негромко добавляет: — И береги маму, очень тебя прошу!

Время не ждет: пора! Осторожно приоткрыв калитку, подпольщики один за другим бесшумно исчезают в темноте.

Затаив дыхание, не шелохнувшись, смотрят им вслед Ольга и Федора. С этой минуты и надолго у них единственный нелегкий и бесконечно мучительный удел — ожидание. Тревожное, томительное, страшное. Выдержать и пережить такое дано далеко не каждому.

Подпольщики приближаются к цели. Вот наконец и центр города. Поблизости, рядом с мармеладной фабрикой, темнеет полотно железной дороги, усиленно охраняемое оккупантами. И это не случайно. Здесь следуют на восток, в сторону линии фронта, тяжело груженные эшелоны с боеприпасами и продовольствием. Взорвать один из них именно тут, в самом центре Бобруйска, — боевая задача Лозовского и Броваренко.

Выбрав удобный момент, когда шаги очередного патруля смолкают вдали, Павел и Александр бросаются вперед. Через несколько минут все готово: заложен заряд взрывчатки. Тонкий двухжильный провод, едва заметный в темноте, протянут в сторону от дороги.

Томительно долго тянется время. Уже половина первого, а эшелона все нет. Не раз по шпалам проходят патрули. Солдат не видно, лишь приглушенно доносятся обрывки речи да гулкие шаги кованых сапог.

Но вот вдалеке раздается едва слышный перестук колес. Эшелон! С каждой минутой звуки нарастают.

— Идет! — радостно шепчет Павел Лозовский.

— Слышу.

Взрывная динамо-машина — в руках Броваренко. Напряжение достигает предела. Теперь главное — не ошибиться!

Проходит еще несколько секунд, и едва паровоз, грохоча буферами, втягивается в намеченный сектор, Александр Семенович резко и с силой поворачивает ручку.

Ослепительно яркая вспышка и мощный взрыв раскалывают густую темноту осенней ночи. Словно живая, вздрагивает земля, и вокруг отчетливо и гулко разносится многоголосое эхо. Свершилось!

Разбиты паровоз и несколько вагонов с боеприпасами и продовольствием, остальные сброшены с рельсов и надолго выведены из строя. При взрыве погибли десять гитлеровцев из

охраны эшелона. Таков итог диверсии подпольной группы семей Лозовских — Броваренко!

Однако гораздо более важным было другое. Буквально на следующий же день весь город, от мала до велика, ликовал: в канун годовщины Великого Октября, в честь праздника Революции, в самом центре Бобруйска взорван вражеский эшелон!

Еще одна замечательная победа патриотов, еще один подарок Родине!

Бобруйское подполье продолжало жить и бороться, активно действовать и побеждать. И незаменимыми членами его, бесстрашными и стойкими, продолжали по-прежнему оставаться советские женщины, мужественные, отважные патриотки, готовые ради общего дела на любой подвиг.

Подпольщицы Бобруйска... Их беззаветный и героический вклад в общенародное дело борьбы с фашизмом был огромен. Они сражались наравне с мужчинами, принимали участие в подготовке и проведении диверсий, занимались сбором оружия, боеприпасов, медикаментов и продовольствия, спасали сограждан своих от нацистской каторги, вели прием и распространение советской радиоинформации и многое-многое другое. Своим нелегким и бесконечно опасным трудом они ковали грядущую победу.

Глава вторая

МАТЕРИ ПРОВОЖАЮТ СЫНОВЕЙ

Крепло и набирало силу партизанское движение на просторах Белоруссии. На суровую и священную борьбу с врагом поднимался, от мала до велика, весь народ. Из больших и малых деревень, из городов, поселков и дальних хуторков уходили люди. Уходили отцы и дочери, сыновья и внуки, уходили все, кто мог держать в руках оружие, в ком не умолкала боль о страданиях и муках родного народа. На партизанские тропы вступали тысячи, десятки тысяч молодых юношей и девушек, вчерашних школьников, комсомольцев и комсомолок. И покидая родной кров, уходя, чтобы во многих случаях никогда уже не вернуться назад, все они уносили в сердцах своих простые, но незабываемые слова материнских напутствий.

Слова эти, произносимые самым дорогим, самым близким и родным человеком: «Иди, сынок, иди, родной, бей и гони эту нечисть, сил своих не жалея!» — были сильнее и выше любого приказа. В них как призыв, как клятва, как святой наказ к борьбе звучали материнская боль и нежность, материнские горькие слезы и любовь.

А чего они стоили матерям, эти слова! На смертный бой с заклятым врагом, за правое дело, под пули, а может, и на гибель шел сражаться собственный сын, ее, матери, кровинка, сын, вскормленный и выращенный в тревогах и в радостях, с такими трудами и заботами.

Но испокон веков — это уж закон! — мужчина был воином, мужчина был защитником своей родной земли. И в суровый для Родины час, в тяжелую годину военного лихолетья, матери не удерживают своих сыновей дома, понимая, что священный долг

их мужающих детей, их гражданское право и обязанность — быть там, где всего трудней, там, где с оружием в руках нужно отстоять свою свободу и независимость!

И матери, украдкой вытирая слезы, а иногда и не сдерживая рыданий, провожали своих сыновей:

— Возвращайтесь с победой, родные!

Ведь это они, женщины, и далеко уже не молодые, приняли на свои натруженные работой, усталые плечи тяжелый груз забот наших. Это они выпекали нам хлеб, снабжали продуктами, врачевали, чем могли, наши раны, а нередко и спасали от верной гибели!

Мне хочется в первую очередь рассказать об удивительно простой и скромной белорусской женщине, о матери четверых партизан, с которой судьба свела меня при довольно необычных обстоятельствах.

На исходе был морозный декабрь сорок первого.

Бойцы партизанского отряда Василия Губина, быстро растущего за счет бобруйских подпольщиков и местного населения, дружно вгрызаются лопатами в промерзлую землю. Тут же, невдалеке, глухо ухает топор. Партизаны строят землянку.

И вдруг в чуткой тиши леса разносится звонкая команда:

— Троценко и Яковенко, к командиру взвода!

Передав свои лопаты товарищам и утерев пот с лица, мы поспешили к командиру.

— Троценко, на хуторе Тетерино, у тети Проси, был?

— Так точно, был!

— Тогда вдвоем берите санки, мешки и мигом — к ней!

До хутора — километра три. Узкая тропинка вьется среди огромных вековых елей с застывшими белыми шапками на развесистых лапах. Снег, ослепительный до голубизны, искрится под яркими лучами зимнего солнца.

— Слушай, Афанасий, а что мы будем делать у тети Проси? И вообще, кто она? — интересуюсь я.

Троценко от удивления даже приостанавливается:

— Что же ты, в отряде больше месяца, а тети Проси до сих пор не знаешь? Ну и теленок! Да это же «директор» нашего хлебокомбината!

Лукавая улыбка скользит по губам моего друга.

— Хлебокомбинат на хуторе? Так я тебе и поверил! Дуришь ты что-то.

Афанасий от души смеется:

— Ну ладно, идем быстрее, а то совсем замерзнем. Еще

немного, и все увидишь своими глазами. Потерпи!

Вот и опушка леса. Впереди, на другой стороне широко раскинувшегося поля, виднеются строения хутора. Это и есть Тетерино.

Подойдя поближе, невольно останавливаемся. От дома с громким хриплым лаем к нам устремляются два здоровенных лохматых пса. Отступить некуда, позади — поле, и мы, сорвав с плеч винтовки, пытаемся неуклюже защищаться прикладами.

Положение спасает хозяйка. Услышав шум и возню возле дома, она выбегает на улицу, и от одного ее окрика свирепые волкодавы оставляют нас в покое.

— Целы, хлопчики? — с улыбкой спрашивает женщина, откидывая со лба светло-русую прядь.

— Целы! — в один голос бодримся мы, все еще с некоторой опаской поглядывая на собак.

Хозяйка от души смеется, и я понимаю, что передо мной очень добрый и веселый человек. Голубые и чистые глаза этой женщины, которой на вид можно дать лет пятьдесят-пятьдесят пять, удивительно молоды. Несмотря на годы, энергия, кажется, бьет в ней ключом.

— Ну, новичок, давай знакомиться, — протягивая мне руку, припорошенную до локтя мукой, произносит она. — Прасковья Мартыновна Боровая. А можно и короче — тетя Прося.

Называю себя и не могу удержаться от вопроса:

— Прасковья Мартыновна, а Федор Боровой, из нашего отряда, вам не родственником случайно доводится?

— Сын это мой, — с заметной гордостью отзывается тетя Прося и, улыбнувшись, поясняет: — Старший. Добрый хлопец, верно?

— Добрый, — в один голос соглашаемся мы.

— С Афанасием мы уже знакомы, — продолжает между тем хозяйка, пожимая руку моему товарищу. — Ну, ребята, пошли в дом.

Входим в сени, а из них — в просторную светлую хату. И первое, что невольно бросается в глаза еще с порога, — множество расставленных тут и там больших и совсем маленьких деж и кадок, доверху заполненных крутым подходящим тестом. Они повсюду — на полу и на скамейках, на добротной сделанной двухъярусной лежанке, обшитой аккуратно строганными досками. Густой кисловатый запах, заполнивший весь дом, вызывает ощущение давно забытого уюта и тепла.

Так вот он, партизанский хлебокомбинат! Настоящий, действующий!

Теперь становится понятной и цель нашего задания.

Прасковье Мартыновне нужна, очевидно, помощь — где же ей одной справиться с таким хозяйством? Ну что ж, помогать так помогать!

Ловко выдернув из горячей печи несколько готовых караваев, тетя Прося оборачивается к нам:

— Ну что, хлопчики, есть хотите?

В один голос мы благодарим: только что обедали, спасибо!

— Тогда пошли!

Рядом с домом — большой вместительный сарай, из которого доносится гул жерновов. Дверь нам открывает беленькая лет десяти девочка. Вежливо поздоровавшись, она отступает на шаг, и мы попадаем внутрь.

В первый момент разобрать что-либо в полумраке помещения невозможно. Повсюду — и в воздухе, и над земляным полом — вьется и оседает плотным слоем густая беловато-серая пыль. Но вот постепенно глаза привыкают к темноте, и мы уже можем разглядеть двух невысоких подростков лет 16–17, которые с завидной энергией и, кажется, неумоимо вращают тяжелые, почти аршинные жернова. Оба удивительно похожи на Прасковью Мартыновну — такие же светловолосые, голубоглазые. Я сразу же догадываюсь: сыновья!

— Привела вам смену, ребята.

Братья устало распрямляют плечи, и только теперь я замечаю, что их нательные льняные сорочки насквозь мокры от пота. А ведь на дворе декабрьский мороз!

— Ну, хлопчики, приступайте, — деловито кивает на жернова тетя Прося и, пересыпав в мешок намотую Павликом и Никиткой муку, уходит с ними в дом.

Мы остаемся одни и, скинув ватные фуфайки, начинаем работать. Массивные жернова, отдавая дрожью в руках, с грохотом вращаются все быстрее и быстрее. Серая мучная пыль припорошивает наши лица, плечи, руки, одежду. Не успев еще почувствовать усталость, мы посмеиваемся, подзадориваем друг друга:

— А ну, еще! Быстрее! Еще, еще!

Так продолжается минут десять-пятнадцать, и вот тут-то постепенно, оборот за оборотом, незаметно приходит усталость. Жернова, и без того тяжелые, словно прирастают теперь один к другому, вращать их становится все труднее и труднее. По лицам нашим, оставляя неровные грязноватые потеки, струится пот. Перерыв? Да, уж надо передохнуть.

Садимся на какие-то мешки и переводим дух. Едва придя в себя и отдышавшись, вновь беремся за огромные жернова. На этот раз сил хватает чуть дольше — на полчаса. И снова — перерыв.

Громко скрипнув, открывается дверь. На пороге — тетя Прося:

— Ну что, хлопцы, притомились с непривычки?

— Опыта маловато, Прасковья Мартыновна. Правда, не привыкли еще.

— Надо привыкать. Мука да хлебушек с неба не сыплются. Постарайтесь-ка лучше силы свои распределить. Менять вас пока никому.

Нельзя сказать, что мы обрадовались, услышав последние слова нашей хозяйки. Однако совет ее нам пригодился. Помня о нем, мы постарались сделать все, чтобы на этот раз наши жернова работали как можно дольше.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем в сарае опять появилась тетя Прося. В каждой руке у нее было по кружке парного молока и по большущему ломтю ржаного хлеба.

— Теперь можно и передохнуть, хлопцы. Вот вам хлеб, вот вам молоко, ешьте на здоровье!

Пожалуй, никогда в жизни кусок обычного ржаного хлеба не казался мне таким вкусным и аппетитным, как в тот вечер. А молоко было просто сказочным!

Пока мы старательно уписывали за обе щеки ужин, Прасковья Мартыновна не отходила от нас ни на шаг. Казалось, что какие-то свои, глубокие мысли тревожат ее, не дают ей покоя.

— Хлопцы, — после долгого раздумья начала она. — А вы знаете, что во многих деревнях окрестных люди вот-вот голодать начнут.

— Как это? — насторожились мы.

— А вот так. Пока вы сидите в лесах да ушами хлопаете, немцы начали вывозить колхозное зерно, скотину угонять. Добро общественное врагу достается, мародерам фашистским. Разве можно так?

— Тетя Прося, — возразил Троценко, — а ведь в десятках деревень бойцы нашего отряда уже раздали и зерно и скотину населению. А сколько раз отбивали с боем у гитлеровцев?

— Раздать-то раздали, да только где? Все больше тут, под боком. А в других деревнях кто это сделает? — Прасковья Мартыновна на минуту замолчала, а затем все так же сурово продолжала: — Поймите, хлопцы, вас с нетерпением ждут в весках под Бобруйском, под Мозырем. У самих селян руки связаны: немец лютует, при малейшем подозрении у него разговор недолгий — расстрел на месте. Вам же легче. Пришли и раздали. Да и пошуметь не грех: вся вина потом на вас, и население от врага не пострадает. Ну попадись только ваш командир или мой Федор на глаза — я уж им всыплю!

Мы горячо пообещали тете Просе добраться в самое ближайшее время до тех дальних деревень. И, взявшись опять за работу, я долго не мог забыть того волнения и тревоги, с которым Прасковья Мартыновна, мать партизана, рассказывала нам о заботах и горестях народных. Не о своих, которых было у нее более чем достаточно, а об общих, о наших!

Наступила глубокая ночь. Тусклый свет фонаря, висящего на поперечной балке над нашими головами, подрагивал и мерцал, выхватывая из темноты крутящиеся жернова. Силы наши были на исходе, ноги предательски подрагивали, гимнастерки на спинах пропитались потом — хоть выжимай.

Прошло несколько часов, а тетя Прося все не приходила. В окнах ее хаты неярко поблескивал огонек лучины. Казалось, о нас забыли.

Наконец около трех часов ночи на тропинке, ведущей к нашему сараю, послышались голоса. Хозяйка была не одна.

— Смену вам привела, — деловито кивнув на сыновей, сказала она.

Мы передали жернова ребятам и, с трудом распрямляясь, начали одеваться. Теперь-то нам была известна настоящая цена партизанского хлеба. Ох как нелегко, каким трудом и потом он доставался!

Вскоре, отведав еще раз парного молока с хлебом, мы собрались в отряд. Два мешка свежеиспеченных караваев, часть из которых принесли к этому времени соседки тети Проси, с трудом уместились на наших санях. Тепло попрощавшись с неутомимой хозяйкой и приветливыми хуторянами, мы поспешили в лагерь.

— Ну как тебе понравился хлебокомбинат тети Проси? — добродушно улыбаясь, поинтересовался Троценко, едва мы отошли от хутора.

— Хорош комбинат, слов нет, — чуть помедлив, отозвался я. — Только в следующий раз возьми, пожалуйста... кого-нибудь другого!

И, позабыв об усталости, мы весело рассмеялись.

Ровно через неделю, в один из воскресных дней, нас ждала еще одна и, к счастью, далеко не последняя, встреча с Прасковьей Мартыновной Боровой. На этот раз мы увиделись уже не случайно — «директор» партизанского хлебокомбината просила прислать ей в качестве помощников именно нас как опытных, прилежных мукомолов. Ну что ж, мы были этому только рады.

Знакомая дорога выводит к хутору, и вот уже возле дома нас встречает добрая и радушная хозяйка. Сегодня ее и не узнать! Цветной шерстяной платок с кистями аккуратно повязан на голове, на белом суконном пальто ярко выделяется красочный

белорусский орнамент, сапожки — кожаные, шнурованные снизу доверху.

— Что это вы, Прасковья Мартыновна, такая нарядная сегодня? — спросили мы.

— Праздник у меня, дорогие мои хлопчики, настоящий светлый праздник! Еще двух сынов своих, Алешу и Никитку, в партизаны проводила. Может, и сожгут меня скоро немцы, а они всю войну пройдут и в живых останутся! А что до одежды моей нарядной, — тетя Прося с едва заметной грустью улыбнулась нам, — так хочется мне остаться в памяти сыновей своих такой, как сегодня, — веселой, молодой да счастливой!

— А вы и вправду очень молодо выглядите, — подметил Афанасий. — Никогда и не подумаешь, что у вас такие взрослые сыновья.

В тот день нам работалось особенно споро и легко. Как-то светло и радостно было на душе оттого, что помогали мы нашей партизанской матери, такой родной и близкой своими заботами и тревогами о нас.

А спустя всего лишь несколько дней с нашей тетей Просей едва не случилась беда. И не подоспей вовремя партизаны, все могло бы обернуться трагедией.

Наш взвод возвращался в тот день после удачной операции. Невдалеке от деревни Качай Болото удалось отбить у оккупантов крупное стадо колхозного скота. Его предстояло вернуть жителям окрестных деревень: время было трудное, люди голодали.

Дорога в лагерь давалась нелегко. Около двадцати пяти километров пробирались мы по глубокому снегу, минуя топи, овраги и лесные чащобы. Шли без привалов, не отдыхая. На пути взвода лежали и Тетеринские хутора. Их мы достигли уже утром, на рассвете.

О том, чтобы сделать даже короткую остановку здесь, не могло быть и речи. Поэтому бойцы лишь издали приветствовали хозяйку хутора, которая, несмотря на ранний час, уже давно была на ногах. Рассеянно улыбнувшись, она кивнула в ответ, и все мы, утомленные тяжелой дорогой, едва ли обратили внимание на озабоченный и чем-то взволнованный вид Прасковьи Мартыновны. Позже нам пришлось об этом пожалеть.

Несколько минут спустя дом Боровых остался позади. Мы уже миновали поле и начали постепенно втягиваться в лес, когда со стороны хутора совершенно неожиданно и резко затрещали автоматные очереди, длинно и размеренно ударил пулемет. Это могли быть только немцы!

— Приготовиться к бою! — громко скомандовал взводный Дмитрий Лепешкин.

Немедленно заняв оборону, партизаны открыли ответный огонь. И вовремя: на другом конце поля, поднявшись в рост, пошли в атаку гитлеровские цепи. Однако попав под дружный огонь четырех партизанских пулеметов, они не выдержали и залегли в снег. Завязалась перестрелка. Бой принимал затяжной характер.

К счастью, стоянка нашего отряда была разбита в те дни совсем неподалеку — километрах в трех от места схватки. И вскоре, поднятые по тревоге, на помощь к нам подошли и с ходу начали окружать хутор два других партизанских взвода.

Сменив диски и обоймы, бойцы готовятся к атаке. Через минуту-две должна последовать команда.

Но что это?

От хутора одна за другой отделяются несколько санных повозок. С каждой минутой они несутся все быстрее и быстрее напрямик через поле, прямо на нас. Четыре, шесть, восемь... Неужели гитлеровцы идут на прорыв? Похоже на то. Мы прекращаем огонь и подпускаем сани поближе. Двести метров, сто, пятьдесят. Еще немного — и прозвучит залп.

И вдруг...

— Отставить! — разносится по цепям неожиданная команда.

И почти тотчас же, приглядевшись повнимательней, все мы заметили, что на санях, летящих через поле, нет ездовых. Лошади неслись сами...

— Видно, несладко им у Гитлера жилось, конягам, коли они к нам прибежали! — слышится озорной голос кого-то из бойцов. — Правда, ребята?

Перепуганные лошади и воинский обоз с боеприпасами и имуществом попали в руки партизан.

Наступил полдень. Закончив окружение хутора, по сигналу ракеты мы переходим в атаку. Гремят автоматные очереди, гулко ухают взрывы гранат, над заснеженным полем разносится дружное партизанское «ура!».

И вот после короткой, но яростной схватки карательный отряд численностью более шестидесяти гитлеровцев во главе с комендантом Паричей наголову разбит.

Но что же с Прасковьей Мартыновной? Где она?

Не теряя ни минуты, бежим что есть сил к дому. Двери его распахнуты настежь. И перед нашими глазами предстает картина недавнего погрома.

Вся комната усеяна обломками разбитых деж и кадок, мебель переломана, повсюду валяется растоптанный недавней выпечки хлеб. Сама же Прасковья Мартыновна, окровавленная, но, к нашей великой радости, живая, с трудом поднимается с пола.

Успели!

Как выяснилось вскоре, причин для расправы с Прасковьей Боровой, которую в последний момент нам удалось предотвратить, у гитлеровцев было немало. Кроме постоянной выпечки хлеба для партизанского отряда Василия Губина женщину подозревали также и в том, что она причастна к исчезновению фашистского пособника Василия Дашковского, вора и уголовника. Этот тип перед началом войны, работая в одном колхозе с Прасковьей Боровой, был осужден за хищение народного имущества и угодил в тюрьму. Но эта же грязная биография сослужила Дашковскому отличную службу у гитлеровцев — лучших рекомендаций в «благонадежности» им и не требовалось. Используя своих родственников, отщепенец узнал о том, что трое сыновей Прасковьи Мартыновны — партизаны, а сама она поддерживает связь с отрядом. Этого оказалось достаточно, чтобы у предателя немедленно созрел гнусный план. Явившись в дом Боровых, Дашковский нагло потребовал от тети Проси и ее мужа Михаила Климовича, чтобы они вместе с сыновьями Федором, Алексеем, Никитой и Павлом перешли на сторону врага, стали работать на оккупантов. Подонка особенно интересовали данные о численном составе, вооружении и о местах стоянок партизанского отряда.

С гитлеровским прихвостнем Боровые поступили очень просто. Прасковья Мартыновна разговором отвлекла Дашковского, а Михаил Климович, вооружившись тяжелым толкачом от ступы, объявил ему свой партизанский приговор. Затем труп Дашковского вытащили в лес и закопали в снегу, однако своевременно доложить о происшедшем в отряд не успели.

Исчезновение гитлеровского пособника не могло остаться для оккупантов незамеченным. Подозрения фашистов, уверенных в том, что он исчез именно на хуторе Тетерино, пали на семью Прасковьи Боровой.

Нетрудно представить, какая незавидная участь ждала нашу мужественную тетю Просю, не подоспей ей вовремя на помощь партизаны.

Налет карателей на хутор, едва не стоивший жизни Прасковье Мартыновне, нисколько не сломил ее воли, не отнял горячего желания помогать народным мстителям. Буквально на следующий же день, едва оправившись после случившегося, тетя Прося вместе со своим младшим сыном двенадцатилетним Николаем принимается за восстановление разрушенного «хлебокомбината». И снова натруженно гудят жернова, и снова по дому Боровых разносится запах свежееиспеченного хлеба.

В начале марта 1942 года крупные силы вражеских войск блокировали партизанскую зону в Октябрьском районе Полесской области. Захватили они и Тетеринские хутора. Семья Боровых решила немедленно уходить в лес. Однако сделать это непросто: на руках Прасковьи Мартыновны и Михаила Климовича — тяжело больной тифом сын Никита и девятилетняя дочурка. Вот почему до последнего момента они вынуждены были оставаться дома.

И только когда на хутор ворвался карательный отряд фашистов под командованием помощника убитого партизанами коменданта Паричей, тетя Прося вместе с детьми укрылась в подвале, откуда подземный лаз вел в огород. Однако женщина не торопилась им воспользоваться, рассчитывая дожидаться здесь ночи или ухода карателей.

Во дворе трещали автоматные очереди, раздался оглушительный взрыв гранаты, брошенной в окно дома. Вскоре огонь охватил хату, а потом каратели подожгли сарай и все остальные постройки хутора.

Удушливый, едкий дым проникал в погреб и лаз. Понимая, что здесь спасения нет, Прасковья Мартыновна вместе с сыном и дочерью выбралась на поверхность. Удача сопутствует им. Столб яркого пламени и густые черные клубы дыма прикрыли их от врагов. Раздетая, босая женщина вместе с детьми поспешила под защиту леса. Немцы их не заметили.

Мартовский лес... Тетя Прося с обмороженными, окровавленными ногами, неся на руках Никиту, наугад бредет к поселку Калинина. Здесь она встретилась с мужем, покинувшим дом раньше. Но прийти в себя и отдохнуть женщина не успела — на следующий день каратели появились и там.

Снова — лес. Снова — изматывающая дорога по ледяной воде, по болотам. И вот наконец партизанская деревня Шкава. Рядом с ней — районный центр Октябрь, упорно обороняемый в эти дни народными мстителями.

В Шкаве Прасковья Боровая вместе с девятилетней дочерью Таней, с сыном и мужем находит приют в доме Ирины Титовны Бабинич. Проводив мужа и трех сыновей в Красную Армию, а четвертого, Николая, — в партизанский отряд, Ирина Титовна не могла оставаться равнодушной к людскому горю. Кроме семьи Боровых она приняла еще и жену вскоре ставшего комиссаром партизанского отряда «Смерть фашизму» Макара Михайловича Каковки с двумя малолетними детьми, а чуть позже — еще трех детишек из партизанских семей.

Через некоторое время, после упорных и кровопролитных боев, партизанские подразделения были вынуждены оставить

Шкаву, отходя к райцентру Октябрь. В деревню с ходу ворвались гитлеровцы и немедленно приступили к наведению своих порядков. Каждый дом, каждая семья подверглись тщательному обыску, всех допрашивали: фашисты прекрасно понимали, что в деревнях нашли приют жены, матери, сестры и дети партизан, не успевшие вовремя уйти в лес.

Дошла очередь и до хаты Бабиничей. Ирина Титовна, ни минуты не сомневаясь, что страшная участь ждет Прасковью Мартыновну и партизанских детей, если откроется правда, под дулами направленных на нее автоматов сказала, что женщина — ее родственница, а ребятишки — внуки и племянники.

Однако рассеять подозрение гитлеровцев далеко не просто: допрос продолжался. Но Ирина Титовна твердо стояла на своем. Тогда разъяренные каратели, выгнав хозяйку вместе с родственницей и детьми во двор, на глазах у всей деревни подожгли дом. Ревет и бушует огромное пламя, огонь жадно лижет стены и крышу. А в это время гитлеровцы учиняют Ирине Титовне новый, невиданный своей жестокостью допрос.

— Чьи это дети? Кто их родители? Откуда они?

Однако добиться признания у Ирины Титовны Бабиниц карателям так и не удастся. Мужественная женщина, мать семерых детей, из которых четверо уже сражались за Родину, осталась непреклонной.

Но вернемся вновь к первой героине нашего рассказа. Тяжелые испытания, выпавшие на долю Прасковьи Мартыновны Боровой весной сорок второго года, на этом, к сожалению, не закончились. Ей суждено было еще пережить немало страшных часов и дней, недель и месяцев.

Покинув Шкаву, тетя Прося вместе со своей семьей поселилась в лесу, в построенном на скорую руку шалаше. Лесная чащоба — ненадежная защита от оккупантов. Непрерывные карательные операции, проческа массивов вынудили Прасковью Мартыновну постоянно кочевать с места на место, строя каждый раз новые буданы и днями оставаясь без пищи. Михаил Климович Боровой, которому было к этому времени уже около шестидесяти лет, вступил в ряды партизанского отряда «Смерть фашизму», и вся тяжесть забот о детях, о больном сыне легла целиком на плечи тети Проси. Но и теперь, испытывая невероятные лишения, физические и моральные страдания, партизанская мать не падала духом, не теряла своего оптимизма, стремилась быть полезной партизанам, поддерживала с ними постоянную связь.

В конце мая 1942 года ее постигла страшная невосполнимая утрата — гибель старшего сына.

Двадцатитрехлетний танкист Федор Боровой в боях под Полтавой попал в плен. Однако вскоре ему удалось бежать, и в ноябре сорок первого после долгих и мучительных скитаний Федор появился наконец дома. В тот же день Прасковья Боровая, не успев еще до конца поверить в то, что сын ее жив и невредим, проводила его в партизанский отряд.

Мне не забыть того дня, когда Федор Боровой в армейской форме, со своим оружием появился в нашем отряде. Богатырского роста, плечи — в аршин, веселый, но с очень волевым, в мать, характером, он сразу же пришелся по душе партизанам. Завоевать полное доверие и авторитет у бойцов — дело далеко не простое. Для этого мало личной отваги и бесстрашия. Необходим еще талант взаимопонимания с людьми, умение мыслить, оперативно и точно оценивать постоянно меняющуюся обстановку, безошибочно находить то единственное порой решение, цена которому — успех в бою и сохраненные жизни товарищей.

Но всеми этими качествами Федор Боровой обладал в полной мере. Иначе и не избрали бы его партизаны сначала командиром первого взвода, а вскоре и командиром отряда «Смерть фашизму»...

20 мая 1942 мая объединенные силы нескольких партизанских отрядов выступили на разгром фашистского гарнизона в большой полесской деревне Любань Октябрьского района. В их числе был и отряд Федора Борового.

Ожесточенный бой, завязавшийся на окраинах деревни, вскоре переместился на ее улицы. Гитлеровцы, окруженные со всех сторон, упорно сопротивлялись, цепляясь за каждый дом, за каждую постройку. Грохот пулеметных и автоматных очередей, оглушительные взрывы гранат не замолкали ни на минуту.

В цепях наступающих кроме самого командира — еще три сына Прасковьи Боровой: девятнадцатилетний пулеметчик Алексей, широкоплечий, рослый хлопец с удивительно добрыми голубыми глазами, Никита, на два года моложе, и шестнадцатилетний Павел. Вместе с товарищами они — в самом пекле боя, там, где труднее всего и опаснее. Прикрывая друг друга автоматными очередями, братья решительно и хладнокровно преследуют отступающих фашистов.

Враг еще не сломлен. При штурме одного из укреплений гарнизона падают, скошенные пулеметной очередью в упор, несколько молодых партизан. И среди них — смертельно раненный в живот командир отряда Федор Боровой. Быть в первых рядах атакующих молодой командир всегда считал своим неперенным долгом.

Партизан Федор Дудко, рискуя жизнью, на руках вынес

своего командира с поля боя и, бережно уложив на повозку, погнал ее в лес, в сторону лагеря. Но все было напрасно. Не доезжая нескольких километров до стоянки отряда, недалеко от деревни Смыковичи, партизанский богатырь Федор Боровой скончался.

Безмерно было горе матери, потерявшей сына. Безмерно было горе партизан, потерявших бесстрашного, волевого командира, чуткого и надежного товарища.

Солнечным майским днем, уже по-летнему жарким, хоронил весь отряд Федора и погибших вместе с ним боевых друзей. У простой могилы в скорбном молчании рядом с поникшей матерью стояли ее сыновья-партизаны: Алексей, Никита, Павел. От них ждала она поддержки в постигшем ее огромном горе, в них видела она свою надежду, опору и утешение.

Всю ночь до утра пролежала Прасковья Мартыновна на земле, прижавшись к могиле своего первенца...

Жила она по-прежнему в лесных шалашах, в землянках, но теперь уже поближе к сыновьям, к партизанам — в семейном лагере отряда «Смерть фашизму». Тетя Прося, любимица бойцов, выполняла для них всю посильную, хотя и далеко не легкую работу — стирала одежду и белье, шила, готовила пищу, помогала ухаживать за ранеными. Одним словом — настоящая партизанская мать, заботливая, сердобольная, хлопотливая и, конечно же, бесконечно добрая!

Лето сорок второго проходит в непрерывных боях и стычках с фашистами. В борьбе, в тяжелых походах мужают и закаляются бойцы отряда. И среди них — сыновья Прасковьи Боровой. На боевом счету Алексея, бесстрашного пулеметчика и партизанского подрывника, — четыре вражеских эшелона с техникой и живой силой, пущенные под откос. Он, как и Никита, Павел и Николай, — активный участник дерзкого штурма и взрыва крупного, хорошо охраняемого гитлеровцами железнодорожного моста на реке Птичь.

13 августа 1942 года им предстоял новый тяжелый бой. Незадолго до того гитлеровцы — в который уже раз! — ворвались в партизанскую деревню Шкаву. Здесь поспешно укрепился сильный вражеский гарнизон. Оккупанты намеревались собрать и увезти весь урожай зерновых. Командование бригады приняло решение разгромить фашистов.

На операцию вышли пять отрядов народных мстителей — «Красный Октябрь», «За Родину», «Смерть фашизму», И. С. Губина и А. Д. Сарафанова. Бойцов Федора Борового вел в бой новый командир отряда, уроженец здешних мест, бывший председатель колхоза Адам Емельянович Папруга. Его жена, Евдокия

Федоровна, вместе с Прасковьей Мартыновной Боровой и десятками других женщин из семейного лагеря провожали партизан в опасный путь:

— Удачи вам, родные!

К двенадцати часам отряды заняли исходные рубежи.

Гитлеровский гарнизон, штурм которого нам предстоит, постепенно берется народными мстителями в плотное кольцо. Более шестисот бойцов, на вооружении которых 4 станковых и 15 ручных пулеметов, 3 миномета и две пушки, ждут условного сигнала для атаки.

И вот началось! Артиллерийским и минометным огнем разрушаются укрепления фашистов, подавляются их пулеметные точки, уничтожаются посты. В гарнизоне — явное замешательство. Чувствовалось, что нападение на Шкаву застало оккупантов врасплох. Это только на руку атакующим: их цепи с криком «ура!» приближаются к деревне. И в первых рядах, как всегда, братья Боровые.

А в это же самое время на опушке леса, скрытые ото всех редкими деревьями и кустарником, безмолвно, затаив дыхание, замерли несколько женщин. Судорожно теребя платочки, вздрагивая всем телом от каждого нового взрыва, пулеметной очереди, винтовочного выстрела, они до боли в глазах, вытирая невольные слезы, вглядываются в густые и неровные шеренги наступающих. Это — матери.

Губы женщин безмолвно что-то шепчут. Порой, угадав материнским сердцем в самой гуще партизан сына, то одна, то другая, боясь еще поверить, он ли это, тихо охает:

— Жив! Жив сыночек, жив родной!

И столько в этих словах затаенной радости и любви, гордости и тревоги... До чего же ты трепетно, чутко, беспокойно, материнское сердце!

Проходит около часа, и отзвуки яростного боя на улицах села постепенно стихают. Соппротивление вражеского гарнизона сломлено. Шкава опять партизанская!

Уже под вечер, когда увешанные трофейным оружием, уставшие, но радостные бойцы возвращались на стоянку отряда, первые, кого они встречают еще задолго до лагеря, — их счастливые матери, жены, сестры и дочери. Прасковья Мартыновна Боровая вместе с Евдокией Федоровной Папругой нетерпеливо отыскивают взглядами своих:

— Живы! Целехоньки! С победой вас, родные!

20 мая 1943 года... Для партизанской матери Прасковьи Боровой этот весенний день остался памятен и страшен до самого конца ее жизни, до последнего вздоха. Ровно год назад, день в

день, война и фашизм отняли у нее Федора. Не раз и не два за этот год мужественной женщине приходилось провожать в бой Алексея, Никиту, Павла и Николая. Только материнское сердце знает, чего ей это стоит каждый раз. Дети для матерей всегда остаются детьми, какими бы взрослыми, возмужавшими и самостоятельными они ни были!

И вот сегодня им снова предстоит бой. Но отчего же так беспокойно, так тревожно на душе у партизанской матери?

С первых же минут завязавшегося боя вражеские гарнизоны в деревнях Грабье и Ломовичи, на одновременный разгром которых выступили отряды Октябрьского района, оказали неожиданно яростное и упорное сопротивление. Ожесточенная схватка, инициатива в которой принадлежала все-таки партизанам, затянулась надолго. Обе стороны несли серьезные потери.

Постепенно, однако, сопротивление оккупантов начало ослабевать. Одна за другой замолкали пулеметные точки врага, подавленные огнем народных мстителей. И в этот момент, когда победа была, казалось, так близка, со стороны райцентра Озаричи показалась крупная колонна фашистских войск. Это были подкрепления, срочно высланные для поддержки гитлеровских гарнизонов.

Обстановка резко изменилась. Силы подошедшего противника значительно, в несколько раз, превосходили силы партизан. И командир отряда Адам Папруга принял единственно верное в этих условиях решение: начать организованный, с боем, отход. Прикрывать его вместе с другими вызвался пулеметчик Алексей Боровой.

Ожесточенная схватка разгорелась с новой силой. Вокруг, тяжело вздымая землю, рвутся снаряды: гитлеровцы, подтянув артиллерию, пускают ее в ход. Плотный автоматно-пулеметный огонь, обстрел из минометов не прекращался ни на минуту. Но этим невозможно было сломить волю народных мстителей.

Осколком снаряда перебита нога у партизана Федора Белого, ступня держится лишь на тонком лоскуте кожи, обильно хлещет кровь. Не раздумывая ни минуты, боец единым взмахом ножа отсекает искромсанную ступню и, пересиливая наступающую от потери крови слабость, продолжает отстреливаться от наседающих врагов. Гитлеровцы окружили Федора, и тогда молодой комсомолец, выхватив последнюю гранату, с криком «За Родину!» подорвал себя вместе с группой наседавших оккупантов.

Алеша Боровой, расчетливо расходуя патроны, в упор расстреливал гитлеровские цепи. Пулемет, словно живой, дрожал и бился в его руках. Но вот на исходе последний диск, холщовый подсумок, лежащий рядом, пуст.

С оглушительным грохотом и визгом взрывается рядом мина. Упругая, тяжелая волна прижимает партизана к земле. И в тот же момент острый, раскаленный осколок попадает в него.

Собрав последние силы, Алексей пытается дотянуться до пулемета. Приподнявшись на локтях, он наводит свое оружие на приближающихся вражеских солдат. На короткие доли секунды «Дегтярев» оживает, однако через десяток выстрелов замолкает вновь. Две или три автоматные очереди, слившись в одну, гремят навстречу...

В тот же день в Ломовичах, при штурме фашистского гарнизона, тяжело ранен в живот третий сын Прасковьи Мартыновны — Никита. С большим трудом товарищи вынесли его, потерявшего сознание, с поля боя. Только бы выжил!

Да, не напрасно тревожилось материнское сердце! Весенним майским днем пришло к ней новое горе. Из тяжелого похода вернулись невредимыми лишь двое ее сыновей — Николай и Павлик. Никита в жестокой горячке, почти не приходя в сознание, метался с вечера в лесном будане матери. Судьба же Алексея осталась для всех неясной. Партизаны уже поведали убитой горем Прасковье Мартыновне о том, что сын ее прикрывал отход всего отряда и был при этом тяжело ранен в грудь. Однако что с ним случилось потом, не знали. Одни предполагали, что он мог уцелеть и спастись где-нибудь в лесной чаще, другие считали, что Алексей Боровой погиб.

Но разве может мать поверить в смерть сына, если остается хоть капля призрачной надежды, пусть самой зыбкой и несбыточной, в то, что он жив? И Прасковья Мартыновна, потеряв покой, забыв об отдыхе и сне, начинает разыскивать Алешу.

Неделями бродила она по окрестным лесам, не раз и не два пробиралась к гарнизону в Грабье, упорно расспрашивала местных жителей и партизан. Но все безрезультатно. Прошли месяцы, а выяснить судьбу сына не удалось. И эта безвестность, эта неопределенность страшнее всего — она мучила и терзала убитую горем мать, ни на минуту не давала ей покоя.

Бойцы отряда, его командир Адам Папруга и, конечно же, сыновья Павел и Николай делали все от них зависящее, чтобы хоть как-нибудь облегчить страдания женщины. В свободную минуту Прасковью Мартыновну нередко навещали партизаны, помогая ухаживать за тяжело раненым Никитой, заботились о ней самой. И партизанская мать не падала духом, зная, что она нужна людям.

В августе сорок третьего Прасковья Мартыновна проводила на боевое задание Павлика. Взрыв вражеского эшелона с живой

силой и боевой техникой на железной дороге Брест — Гомель, неподалеку от Житковичей, отозвался в ее сердце новым горем: во время операции сын был тяжело контужен. На глухой просеке, вдали от лагеря, партизанская мать встретила группу бойцов, несших по очереди самодельные носилки. На них без сознания, с запрокинутой головой лежал ее Павлик.

И с этого дня в своем тесном лесном будане женщина выхаживала, спасая от смерти, уже двух своих сыновей. Вставая с зарей и ложась поздней ночью, она успевает буквально все — приготовить еду и заштопать, постирать одежду для партизан, набрать в лесу трав для отвара, ягод, грибов и починить прохудившийся шалаш, окопать картошку и принести несколько раз воды из реки. А ведь ей уже за пятьдесят.

Заботливые руки матери надежней и верней любого лекаря. Осенью того же сорок третьего вернула Прасковья Мартыновна сыновей своих, Никиту и Павлика, в строй отряда. Вернула, чтобы с тревогой и болью в душе опять и опять провожать их на боевые задания в нелегкие бесконечные походы. Провожать, ожидая с нетерпением, с затаенным страхом и надеждой их возвращения.

Именно такой самозабвенно любящей свою Советскую Отчизну, мужественной, чуткой женщиной запомнилась всем нам, бывшим партизанам, Прасковья Мартыновна Боровая, легендарная партизанская мать, «директор хлебокомбината» на хуторе Тетерино.

Вот слова ее родного сына, Павла Михайловича Борового. Письмо, полученное от него, лежит передо мной:

«...Вспоминая нашу мать, я каждый раз думаю о том, что она была матерью особой. Вся наша семья, сплоченная вокруг мамы, понимала и чувствовала ее с полуслова. А партизан она любила, отдавая должное их подвигам боевым и героизму, не меньше, чем своих детей...»

Такой она и была, простая белорусская женщина, посвятившая себя служению народу, делу Победы, воспитавшая Родине замечательных сыновей. Перед светлой памятью ее мы благодарно склоняем свои головы...

Без меры полита кровью человеческой земля. Много горестных памятников погибшим за Родину, за ее свободу. Они везде, эти символы бессмертия, едва ли не в каждой деревне, в больших и малых городах, на лесных дорогах и в полях, на берегах многих рек и озер. Народ свято и бережно хранит память миллионов жертв отгремевшей войны.

Хатынь...

Под тяжелыми мраморными плитами этого величественного

мемориала среди многих других покоится урна с землей сожженной дотла Парщахи. В этой небольшой белорусской деревушке, затерявшейся среди густых лесов под Осиповичами, не раз и не два находили надежный приют партизаны нашего отряда. Здесь, в Парщахе, жили, боролись с фашизмом и погибли от руки врага замечательные советские патриоты Татьяна Васильевна и Антон Викентьевич Семенчуки. Об их дружной семье, в которой все от мала до велика принимали самое активное участие в борьбе против оккупантов, и, конечно же, о хозяйке дома, об удивительно чуткой, человеческой женщине, о матери, проводившей в партизаны двух сыновей и дочь, — мой следующий рассказ.

Солнечным майским утром сорок второго молодежный отряд имени Ворошилова, в котором я недавно был избран комиссаром, входил в небольшую, окруженную с трех сторон сплошной стеной леса деревушку Парщаху, лежащую в пяти-шести километрах от шоссе. Жители деревни тепло и радушно приветствовали партизан, приглашая на горячую бульбу, угощая чудесным весенним напитком — березовым соком.

Наше появление в гостеприимной Парщахе в тот день было далеко не случайным. За неделю до этого в окрестностях деревни Борок состоялась важная для всех нас встреча. Как новый, только что появившийся в этих местах, наш отряд особенно остро нуждался в надежных связях с населением, в поддержке партийного и советского актива. И оказать нам необходимую помощь в этом должен был Семен Миронович Ольховец, бывший командир эскадрона чапаевской дивизии, а ныне уполномоченный Минского подпольного обкома партии по Осиповичскому треугольнику.

— Горячие боевые дела ждут вас здесь, — сказал нам тогда Семен Миронович. — Меня уже дважды запрашивал обком партии, прибывает ли сюда партизанское пополнение и как обстоят дела на железных дорогах. Коммуникации врага надо выводить из строя решительно, умело и везде. В этом заключается наша с вами основная помощь Красной Армии.

После неторопливого, но подробного рассказа о положении в районе и за его пределами, о тех трудностях, с которыми могут столкнуться партизаны при нанесении ударов по вражеским магистралям, Ольховец задумчиво произнес:

— Надо вам иметь хотя бы несколько партизан, хорошо знающих местность, знакомых с жителями окрестных деревень и сел. Без этого не обойтись — и живая связь с народом будет, и самые точные, проверенные разведданные. Передам-ка я вам,

пожалуй, семью Семенчуков! Им вы можете довериться во всем.

Так мы впервые услышали об этих людях, ставших впоследствии нашей надежной опорой и поддержкой.

И вот наконец первая встреча. Вся семья в сборе. Хозяин дома, мужчина лет пятидесяти, сухощавый и подвижный, знакомит командира отряда Евгения Качанова и меня со своей женой Татьяной Васильевной.

Статная, высокого роста женщина с натруженными работой крестьянскими руками смотрит на нас ласково и доверчиво. Ее задумчивые темно-карие глаза, в которых светятся материнское тепло и доброта, то и дело обращаются к сыновьям — Николаю и Жене.

Старшему из них, Николаю, на вид лет восемнадцать. Рослый, красивый парень, чем-то неуловимо похожий на мать, он стоит, опираясь на немецкий ручной пулемет. Через плечо у него перекинута уже не новая, но аккуратно протертая и стянутая ремешком гармонь, в левой руке — темно-серая широкополая шляпа. Лицо парня, открытое и приветливое, светится радостью: судя по всему, Коля уже знает, зачем мы здесь. И мысль о переходе в наш отряд, крупный, хорошо оснащенный автоматическим оружием и минометами, ему явно по душе.

Рядом с ним — Женя, едва достигший своего шестнадцатилетия. Он, не мигая, будто замороженный, рассматривает своими большущими синими глазами подтянутого, в армейской гимнастерке и с автоматом на груди Евгения Качанова. Боевой вид командира отряда, видимо, зачаровывает Женю.

— Вчера я виделся с Ольховцом, — сразу же приступил к делу Антон Викентьевич. — Разговор был серьезный. Семен Миронович считает, что настала пора переходить мне и сыновьям в ваш отряд. Что ж, мы готовы!

Брови Качанова удивленно взметнулись. Разве можно при ребятах говорить о таком?

Наступила неловкая пауза.

— Неужто раздумали? — расценил по-своему наше молчание Семенчук, однако тотчас же, догадавшись обо всем, скупой улыбнулся: — У нас, знаете, в семье друг от друга секретов нет. Говорите смело о чем угодно. Все свои... — И он ласково положил руку на плечо дочери.

— Ольховец нам посоветовал, — заговорил Качанов, — оставить вас, Антон Викентьевич, здесь, в деревне.

— Согласен. Здесь я смогу больше пользы принести. А Николая забирайте — он уже давно партизанит. Проводником вам будет и добрым разведчиком.

Вскоре все наши дела были обсуждены. Решено было, что Коля уходит с нами, а через несколько дней придет в отряд и Евгений. Антон Викентьевич и Татьяна Васильевна остаются в Парщахе, будут собирать подробные сведения о силах, вооружении и замыслах врага и поддерживать с нами постоянную связь.

Настало время расставаться с нашими новыми друзьями.

— Ну, Николай, прощайся с родителями, — надев пилотку, сказал я.

— А что мне с ними прощаться, товарищ комиссар? Не в первый уже раз из дома ухожу. С прошлого года в партизанах. Привыкли все...

— Будь счастлив, сынок, — горячо обнимая старшего, прошептала мать и, тотчас же обернувшись к нам, едва дрогнувшим голосом спросила: — Проводить разрешите?

— Конечно, — взглянув на Николая, отозвался командир.

По чуть глуховатому голосу Татьяны Васильевны, по ее повлажневшим глазам нетрудно было понять: волнуется мать! Нелегко, видно, даются эти проводы ей — каждый раз словно впервые!

Отряд растягивается по лесной дороге. Татьяна Васильевна, едва поспевая, идет рядом с сыном. Кто знает, что ждет его впереди? Быть может, уже завтра...

Николай, положив тяжелый ствол пулемета на плечо, шагает размашисто, упруго и укоризненно поглядывает на мать: что, мол, скажут товарищи? Он негромко, вполголоса, просит:

— Ну хватит, мама, иди домой!

Но женщина непреклонна. Когда еще доведется свидеться... Вот и лагерь. Среди густого, уже зазеленевшего кустарника и листвы деревьев партизанские шалаши едва приметны. Лишь голубой дымок костра робко вьется над лесной поляной.

Впервые строжайший закон лесной жизни — посторонним нет места в лагере! — нарушен. Однако на то были причины. Хорошо помня прощальные слова Семена Ольховца: «Доверяйте Семенчукам во всем. Они для вас — живая и крепкая связь с народом!», мы умышленно демаскировали перед Татьяной Васильевной лагерь нашего отряда. Теперь дорога сюда открыта для нее в любое время дня и ночи.

Подождав, пока сын устроится в одном из шалашей, мать тихонечко присаживается возле него, долго, словно прощаясь, молчит. Невеселы, нележки, конечно, думы.

Минут через двадцать она медленно поднимается, прижавшись напоследок к широкой груди сына.

— Поберегите его, — просит на прощание Татьяна

Васильевна и, словно извиняясь перед нами, с тревогой в голосе добавляет: — Уж больно горячий он у меня. Везде впереди быть хочет!

Мы с командиром твердо пообещали выполнить ее материнский наказ.

Быстро и незаметно летят дни. Николай, веселый, общительный и не из робкого десятка (это сразу же замечают и признают все), по душе партизанам. Вскоре его уже считают своим, старожилом.

К исходу недели погожим солнечным утром у наших шалашей вновь появляется Татьяна Васильевна. Она не одна. Рядом, с трехлинейкой за плечами, шагает Женя.

— Ну вот, товарищ комиссар, и второго к вам привела!

— Мама! — паренек смущенно посмотрел в сторону Качанова. — Я же не маленький, сам пришел!

— Ну ладно, партизан, не обижайся, — Татьяна Васильевна ласково ворошит густые кудри Евгения. — Но запомни навсегда: слово матери для тебя — закон. Не отпустила бы тебя — до конца войны дома сидел бы! Понял?

— Понял, — юношеским ломающимся баском буркнул сын.

Его заветная, давняя мечта наконец-то сбылась: он боец, равноправный боец партизанского отряда.

Близилось лето сорок второго. В бесконечных походах и боях мужали и закалялись молодые партизаны. Основные удары молодежный отряд производил по тщательно охраняемым, прикрытым крупными гитлеровскими гарнизонами железнодорожным магистралям Минск — Бобруйск, Осиповичи — Слуцк. Диверсионные группы и днем и ночью одна за другой уходили на «железку». Нередко в их числе были и сыновья Татьяны Васильевны Семенчук.

Стоянки отряда в этом районе, быстро ставшем для оккупантов жарким, нам приходилось менять довольно часто. Однако лесной массив, в котором мы базировались, был настолько ограничен в размерах, что каждый раз лагерь разбивался где-то неподалеку от Парщахи. И это было настоящим счастьем для Татьяны Васильевны: она довольно часто виделась с сыновьями-партизанами.

В июне 1942 года Николая Семенчука включили в состав диверсионной группы, которой дали задание подорвать воинский эшелон на перегоне Осиповичи — Бобруйск. Эта операция — уже не первая, в которой он принимал участие. Но тем не менее молодой партизан был просто счастлив, когда узнал о задании. Его не пугали ни трудности, ни огромный риск.

Маршрут подрывников пролегал недалеко от Парщахи, и

Николай решил на несколько минут забежать в родной дом. Радостно сияя, он рассказал матери о своем задании.

— И где же вы будете минировать дорогу? — спросила Татьяна Васильевна.

— Рядом со станцией Ясень, — спокойно отозвался сын, не заметив ни тревоги в голосе матери, ни ее поникшего разом вида.

Вскоре он ушел. Проводив Николая далеко за деревню, Татьяна Васильевна еще долго, не отрываясь, смотрела ему вслед. Сомнений в том, что задание, предстоящее сегодня Николаю, одно из опаснейших и трудных, у нее не было. Разве может она забыть, как не раз уже за последний год приходилось ей хоронить своими руками партизан, погибших на «железке»? Но ведь теперь навстречу смерти идет ее родной сын!

И мать не выдержала. Забыв обо всем на свете, не в силах уже побороть тревогу, пошла она вслед за группой. Шла торопливо, иногда бежала. Но разве может она угнаться за молодыми, здоровыми парнями, для которых несколько килограммов тола за плечами — едва заметный груз!

Вскоре наступили сумерки, потом — ночь. Татьяна Васильевна, хорошо знакомая с этими местами, миновала Тарасовичи, Корытное, Кохановку и Белое. Где-то впереди — железная дорога. Однако лесных тропинок, ведущих к ней, здесь немало, и по которой из них прошли партизаны, женщина могла только гадать.

После недолгих раздумий Татьяна Васильевна выбрала одну из них: будь что будет!

Незаметно прошло еще несколько часов. Силы на исходе. Давали себя знать напряжение, усталость и постоянная тревога.

— Сыночек, родной, где же ты? — шептала измученная мать, все чаще и чаще припадая к стволам деревьев, чтобы не упасть.

Одежда ее во многих местах была изорвана ветвями, ноги сбиты в кровь, но женщина всего этого не замечала: только бы успеть, во что бы то ни стало успеть!

И лишь на рассвете где-то совсем рядом услышала она в тиши леса тяжелый, все нарастающий гул. Это шел эшелон. А вскоре от оглушительного, мощного взрыва дрогнула и загудела под ногами земля.

Не раздумывая, женщина бросилась к полотну дороги. Минут через тридцать в предрассветных сумерках заметила Татьяна Васильевна среди редкого сосняка силуэты нескольких мужчин с оружием. Торопливо уходя в глубь леса, они часто оглядывались назад, туда, где на фоне светлеющего неба поднимались вверх густые клубы черного дыма. То горел взорванный партизанами вражеский эшелон.

Подойти хоть немного поближе или окликнуть людей она не решалась. И не потому, что боялась чужих. Не хотелось матери подвести сына, уронить его авторитет в глазах товарищей, друзей.

Но ее уже заметили, узнали. И вот уже рядом с Татьяной Васильевной, обнимая ее и глядя в покрасневшие от слез радости глаза матери, стоит ее Коля. Живой и невредимый!

— Мама, ну как ты могла? — с ласковой укоризной басит он. — Ну зачем, зачем все это?

Еще не веря до конца, что самое страшное уже позади, тесно прижимаясь к широкой груди сына, женщина взволнованно шептала:

— Как же ты не понимаешь, сынок! Боюсь я за тебя... Не дай бог, ранят или убьют. Ночами давно уже не сплю! Нет ведь у меня никого, кроме вас. Зачем мне будет жить, если вас не станет?

Многого не дано было знать в то раннее июньское утро Татьяне Васильевне. Не могла она знать о том, что ее старшой, Николай, вскоре станет лучшим командиром диверсионной группы, что на его счету окажется немало замечательных побед, пущенных под откос вражеских эшелонов и что год спустя, после очередного выхода на «железку», вынесут его друзья, без сознания, окровавленного. Не могла она знать и того, что меньше чем через месяц, в июле сорок второго, ей предстоит пережить страшное несчастье, а вслед за этим — и нелегкое, опасное испытание...

Горе пришло неожиданно. Провожая младшего, Женю, на операцию по подрыву торфодобывающей машины, мать, как всегда, тревожилась, но не могла и подумать о том, что для ее сына этот поход окончится трагически. Четверо партизан под командованием Ивана Гацмана, преодолев более пятнадцати километров тяжелой дороги по лесам и болотам, к вечеру добрались до карьеров торфозавода «Татарка». Но уже ночью, подбираясь в глубокой темноте с зарядом тола к массивному остову торфомшины, подрывники внезапно напали на крупную гитлеровскую засаду.

Ночной бой, разгоревшийся на открытом болоте в абсолютном мраке, был для горстки партизан тяжелым и неравным. Плотный огонь врага, бьющего трассирующими очередями из крупнокалиберного пулемета и полутора десятков автоматов, прижимал их к земле, не давая поднять головы. Упорно отстреливаясь, прикрывая друг друга, бойцы были вынуждены медленно отползать в сторону леса. И когда до первых деревьев оставалось уже совсем немного, разрывная пуля раздробила Евгению кость правой руки.

Вот наконец и лес. Оторвавшись от фашистов, партизаны, время от времени сменяя друг друга, вели истекающего кровью юношу все дальше и дальше в чащу. Медикаментов ни у кого из них не было, и лишь повстречав на своем пути маленький лесной ручеек, друзья тщательно промыли рану водой и, разорвав на полосы нательные рубахи, туго перебинтовали се.

Но что делать дальше? Идти с Евгением, потерявшим немало крови и обессиленным, в лагерь не имеет смысла — врача в отряде нет. Рана же, серьезная и опасная, требует без промедления хирургической обработки и лечения. Иначе может случиться непоправимое...

После недолгих раздумий Иван Гацман и его друзья приходят к единственному решению: надо идти в Парщаху. До нее более пятнадцати километров, но зато там, в деревне, — отец Жени, Антон Викентьевич, опытный, известный на всю округу медик.

С каждым шагом силы у парнишки таяли, рана горела огнем, мучительная, изнуряющая боль не оставляла его ни на минуту. Последние два-три километра Женю по очереди несли на руках. И вот наконец Парщаха. Словно почувствовав, что с сыном случилась беда, на порог родного дома выбежала мать.

— Жив? — только и смогла вымолвить она.

— Живой, живой, — успокоили ее партизаны. — Руку вот только подранило.

Через несколько минут рану начал обрабатывать отец.

— Где же тебя так угораздило, родной? — перетягивая потуже выше локтя руку Евгения ремнем, сокрушенно и горестно шептал он.

Когда о ранении Жени стало известно в отряде, мы с командиром, не теряя ни минуты, выехали в Парщаху. Едва взглянув на руку Жени, мы сразу же поняли, что помочь ему еще чем-либо мы не сможем — все необходимое и возможное в таких условиях уже сделано. Нам оставалось лишь ждать и надеяться на лучшее.

А назавтра едва не случилась новая беда. Ранним утром в деревню в поисках партизан неожиданно ворвался крупный отряд фашистов. Тщательно осматривая каждый дом, они появились вскоре и в хате Семенчуков. В горнице — Татьяна Васильевна и Женя, неподвижно лежащий на кровати.

— Кто такой? — пристально вглядываясь в бледное, без единой кровинки, лицо раненого, процедил сквозь зубы переводчик.

— Сын это мой. Вторую неделю уже хворает, — с завидной выдержкой и спокойствием ответила женщина.

— Сын? Это правда?

— Ну да, конечно. Разве не видите, как он похож на меня?..

Подойдя к стене, на которой висела семейная, еще довоенная фотография Семенчуков, гитлеровец внимательно стал ее изучать, бросая время от времени цепкие, колючие взгляды на юношу. Но явное сходство во внешности его и хозяйки и снимок, по-видимому, несколько утихомирили его подозрительность.

Обшарив весь дом и забрав все продукты, фашисты вскоре ушли. Опасность, кажется, миновала. Но еще долго после этого Татьяна Васильевна не могла прийти в себя. Ведь жизнь сына только что висела на волоске...

А несколько дней спустя на лесной стоянке нашего отряда неожиданно появились взволнованные, не находящие себе места Семенчуки. Известие, которое они принесли с собой, было страшным: у Жени только что обнаружили признаки развивающейся газовой гангрены. Этого мы больше всего боялись.

— Только операция может спасти его жизнь. И причем немедленная, — невесело заключил Антон Викентьевич.

Раненого срочно перевезли в лагерь. Возле него неотлучно, день и ночь, дежурила мать. Но разве могло это изменить течение страшной болезни? Темные, синеватые пятна медленно, но неотвратимо ползли все выше и выше по искалеченной руке. Лишь немедленная ампутация руки сохраняла еще юноше некоторые шансы на жизнь.

Обсуждая один план спасения Жени за другим, мы, зрело поразмыслив, тотчас же их сами отвергали. Все они были, к сожалению, нереальны.

— Что же делать? Неужели нельзя ничего придумать? Ведь погибнет же сын!

Слышать эти слова, произносимые убитой горем матерью, нам с Евгением Качановым было нелегко. Немой, полный молчаливого укора вопрос невольно читали мы в ее иссушенных бесконечными слезами, глубоко запавших глазах.

И все-таки выход был вскоре найден. Антон Викентьевич после долгих раздумий предложил свой, на редкость рискованный, дерзкий план. Должен сказать, что поначалу он показался нам совершенно невероятным.

— Нужно везти Женю в город, — твердо, словно решив уже для себя окончательно, сказал Семенчук. — Только там, в Бобруйске, его можно еще спасти.

Мы с Качановым произвольно переглянулись. В Бобруйск? В самое логово врага?

— Теперь о том, как это сделать, — словно не замечая наших взглядов, продолжал Антон Викентьевич. — В Заволочичах ни в самой деревне, ни в комендатуре никому не известно, что семья

наша — целиком партизанская. В этом не сомневайтесь. Все давно уже знают меня как простого доктора, человека тихого и новой властью не обиженного. Одним словом, в доверии я. Так что же, спрашивается, мешает мне сходить в деревню, на разведку? Если повезет, может, и пропуск в город достану!

— А что? — поддержал я старика. — В конце концов это мысль неплохая.

— Татьяна Васильевна, а вы что на это скажете? — Качанов взглянул на мать.

— Я согласна на все, лишь бы не сидеть сложа руки. Только сына я повезу сама.

Понять ее было нетрудно. Разве способна мать покинуть сына в такую страшную минуту?

Ближе к ночи в лагерь вернулся измученный, но тем не менее повеселевший Антон Викентьевич. Как выяснилось, он успел побывать в гитлеровском гарнизоне. Там комендант после долгих уговоров пообещал ему на завтра пропуск в город, для тяжело раненного «лесными бандитами» сына. Однако фашист поставил непереносимое условие: увидеть перед этим юношу, допросить его. Что ж, иного выхода не было.

Утром, едва рассвело, в лагере прозвучала команда дежурного: «Подъем!» Одеваясь с привычной армейской сноровкой, я, не переставая, думал о том важном и, очевидно, нелегком разговоре, который должен был состояться сегодня между Женей и мной. Всего лишь через несколько часов ему предстояло вместе с матерью отправиться в чрезвычайно рискованную и опасную поездку в оккупированный Бобруйск. И подготовить юношу к этому надо было именно теперь, не откладывая.

Женя лежал неподвижно на своей повозке, стоящей чуть в стороне от партизанских шалашей. Испарина, обильно выступавшая у него на лбу, глубокие, синеватые тени, запавшие вокруг глаз, и плотно, почти до крови закусенные губы — все говорило о том, каких тяжелых, невероятных мучений стоил ему каждый час, каждая минута.

— Как самочувствие, Женя?

— Жарко, товарищ комиссар, — слабым голосом отозвался он.

В лесу между тем было по-утреннему свежо и прохладно.

— Ты Николая Островского «Как закалялась сталь» читал? — спросил я.

— Читал. Очень хорошая книга...

— У нас и теперь немало таких ребят, как Павка Корчагин. Взять хотя бы тебя. Получил в бою ранение, но не раскис, не

потерял силы духа. Командование уверено, что ты и впредь будешь держать себя мужественно и сможешь выполнить любой приказ.

— А к чему вы это все сейчас говорите, товарищ комиссар?

— Вот что, друг мой. Не хочу скрывать — рана у тебя сложная. Очень сложная. Рука основательно поражена газовой гангреной. И если мы не примем срочных мер, то может случиться большая беда. Врача в отряде нет, ты сам это знаешь, и помочь тебе, прооперировать руку некому. Поэтому выход остается один — немедленно ехать в Бобруйск, в городскую больницу.

Тревожный, полный удивления взгляд Евгения был красноречивее любого ответа. «В Бобруйск, мне, партизану?» — без труда читалось в нем. Однако, подумав с минуту, юноша проговорил:

— Ну что ж. Если это действительно единственный выход, я готов!

Теперь Жене предстоял неблизкий и опасный путь в самое логово врага, в оккупированный Бобруйск.

Ближе к полудню со стоянки партизанского отряда имени Ворошилова, расположенной в то время в лесном массиве неподалеку от шоссеиной магистрали Брест — Бобруйск, выехала запряженная лошадью крестьянская повозка. На ней, бережно укрытый одеялом, лежал без движения заметно осунувшийся и побледневший Евгений. Татьяна Васильевна, часто оборачиваясь к сыну и стараясь не потревожить его неосторожным движением, держала в руках вожжи. Рядом размеренно и широко шагал отец.

Спустя час за деревней Евсеевичи дорогу впереди пересекла искрящаяся под солнцем речка. Это — Птичь. Длинный деревянный мост через нее днем и ночью усиленно охраняется. Проверка!

— Хальт! Документ?

Семенчуки спокойно подали свои довоенные паспорта.

— Мы — к коменданту!

Пропустили.

Вот и двухэтажное кирпичное здание заволочицкой комендатуры. Оно превращено в настоящую крепость. Окна, узкие, как бойницы, ошетинились пулеметными дулами, повсюду мешки с песком, заграждения. Здесь же располагается и часть гарнизона: на каждом шагу, тут и там серо от солдатских мундиров.

Попасть на прием к герру коменданту — дело далеко не простое. Несколько часов Семенчуки терпеливо, понимая, что иного выхода нет, ждали под палящими лучами солнца посреди

пыльной и душной улицы. Проходящие мимо патрули внимательно и настороженно скользили цепкими взглядами по убогой крестьянской повозке с лежащим на ней пареньком, по лицам взрослых.

Наконец появился комендант. Десяток вопросов, заданных на ломаном русском языке, дается ему с большим трудом. Но вид Жени, совсем еще мальчика («О, киндер!»), «подстреленного бандитами», вроде бы даже размягчил хмурого фашиста. Вскоре он подписал и выдал пропуск. Впрочем, комендант ничем не рисковал: ему-то отлично было известно, как много проверок и допросов предстоит еще выдержать юноше. И если тот действительно окажется партизаном, ничто не спасет его от гибели!

За околицей Татьяна Васильевна и Женя попрощались с отцом, дальше они поедут одни. Их ждут сорок километров опасного пути через десятки вражеских гарнизонов, через многочисленные заставы и охрану на мостах, в деревнях. Но Татьяна Васильевна готова к любым испытаниям, к любому риску...

Впереди — снова Птичь. И снова на мосту — тщательная проверка и обыск. На хмурых, испитых лицах гитлеровцев написано недоверие и подозрительность: в каждом человеке им видится «бандит-партизан». Однако пропуск, подписанный комендантом, которому они подчинены, и заверенный печатью с имперским гербом, оказывает свое действие.

— Ладно, езжайте! — слышат Семенчуки, и повозка неторопливо, поскрипывая колесами, движется дальше.

«Если бы вы только знали, кого сейчас пропускаете!» — с облегчением подумал Женя.

Когда позади осталось уже более десятка километров, Татьяне Васильевне и Жене пришлось выдержать новый подробный допрос и проверку документов. На этот раз на мосту через реку Красная. Но и теперь удача сопутствует им: пронесло!

Через полтора километра — поселок Глуша. Здесь, в этом крупном гарнизоне врага, находящемся в прямом подчинении бобруйских властей, действие пропуска заволачицкой комендатуры ослабляется.

Женщина знает об этом и очень тревожится: ведь снова предстоит нелегкий допрос. И посерьезней тех, что уже были!

Так оно и выходит. Жандармский офицер, вызвав переводчика, начинает допытываться:

— Когда ранили мальчика? Кто ранил? Где?

— Ранили в лесу, бандиты, когда мальчик собирал грибы, — уверенно и спокойно отвечала мать.

— А знает ли об этом деревня?

Рассказывать о том, что вся деревня, и не раз, видела Женю с винтовкой, а Николая — с пулеметом в партизанском строю, совсем ни к чему. Но Татьяна Васильевна знает: оккупантам не составит особого труда схватить и подвергнуть жестокому допросу любого из жителей Парщахи. И тогда... Нет! Быть этого не может — предателей им не найти!

Уже поздно вечером, так ничего и не добившись и, очевидно, поверив Семенчукам, их наконец отпустили.

Ехать в город уже не имело смысла, да и опасно было — близилась ночь, и Татьяна Васильевна решает остаться в Глуши на ночлег, здесь еще с довоенных времен живут ее старые и добрые знакомые. Эту ночь, как и все предыдущие, женщина проводит без сна: самое страшное и тяжелое впереди. Да и до сна ли теперь матери?..

Ранним утром, едва кончается комендантский час, Семенчуки снова в дороге. И снова тревожное, томительное ожидание, бесконечные придирчивые допросы патрулей и караульных, проверки документов и обыски в крупных немецких гарнизонах: Каменке, Горбачевичах, Слободке...

Наконец вдали показались окраины Бобруйска. При въезде в город — мощная застава. Рядом с караульным помещением — пулеметные расчеты.

— Хальт! — На женщину и мальчика в упор направлены несколько автоматов.

— Документ!

Офицер, неторопливо листая паспорт, внимательно поглядывает на мать с сыном. По его знаку жандармы начинают обыск повозки. Бесцеремонно отодвинув раненого юношу в сторону, они перетряхивают и сбрасывают сено, заглядывают под телегу, роются в вещах. «Эх, гранату бы сейчас!» — устало подумал Женя, с потаенной ненавистью глядя в нагловатые физиономии оккупантов.

Документы перешли в руки еще одного жандарма, и тот, мельком заглянув в них, удалился в караулку. «Что это значит? — тревожно глядя ему вслед, терялась в догадках женщина. — Неужели в чем-то заподозрили?»

Жандарм долго не возвращался, и Татьяна Васильевна, оставаясь внешне спокойной, начинает не на шутку волноваться: такого еще не бывало! Заставив себя через силу улыбаться, она развернула узелок с едой и с любезным видом стала предлагать охранникам сало, яички, яблоки, припасенные в дорогу:

— Битте! Битте!

— О, шпик! — оживились гитлеровцы, и огромные

солдатские ручки потянулись к провизии.

«Чтоб вам подавиться этим салом!» — по-прежнему не находя себе места от волнения, думала Татьяна Васильевна, глядя на фашистов.

Минут через десять, то ли благодаря щедрому угощению, то ли еще почему-то, документы Семенчукам возвратили. Лениво махнув рукой, охранник поднял шлагбаум.

Спросив у редких прохожих адрес больницы, Татьяна Васильевна погнала лошадь туда. «Лишь бы только успеть!»

И она успела. Операция, сделанная в тот же день (Жене пришлось удалить правую руку выше локтя), прошла успешно. Вздвинутой матери, не находившей себе места во дворе больницы, сообщила об этом молоденькая медсестра.

— Не переживайте, все образуется! — улыбнулась она напоследок. — Идите-ка лучше домой.

Но измученная, давно потерявшая покой и сон Татьяна Васильевна не могла заставить себя уйти отсюда, где ее сыну, хоть и спасенному только что от гибели, все же грозит смертельная опасность. Ведь именно здесь, в оккупированном городе, где ее Женя всецело во власти гитлеровцев, и начинаются самые тяжелые испытания. До глубокой ночи стояла она у крыльца больницы, неотрывно глядя на окна второго этажа.

На следующий же день (тревожные опасения матери начали сбываться гораздо быстрее, чем она могла предположить) в дверях маленькой палаты, где был помещен Женя, появился жандармский офицер с папкой в руках. Потребовав у санитарки стул и жестом приказав оставить их вдвоем, он подсел к кровати раненого.

— Как себя чувствует партизан? — тщательно подбирая русские слова, спросил гитлеровец.

— Вы меня с кем-то путаете, дяденька. Я не партизан.

— Не отпирайся. Тебе это все равно не поможет! Где, кто и когда тебя подстрелил? Немецкие солдаты или полиция? Рассказывай подробно.

И юноша, собрав последние силы и волю, начал без запинки, без колебаний отвечать на вопросы жандарма. Ошибиться, даже в самом малом, в самой незначительной, несущественной мелочи, было нельзя. И Женя, прекрасно понимая это, тщательно взвешивал каждое свое слово, каждый свой жест и взгляд.

Напряжение, однако, слишком велико. Ведь после мучительной операции не прошло еще и суток! И постепенно ответы юноши становятся сумбурными: силы оставили его.

— Был офицер! Допрашивал... Называл партизаном! — взволнованно шептали медсестры Татьяне Васильевне, которая с

утра уже была под окнами больницы.

«Вот оно, начинается!» — похолодела от ужаса мать. Но тотчас же другая, более острая мысль заслоняет все остальное: «Неужели им что-либо известно? Что именно? Откуда?»

Неопределенность — мучительнее, страшнее всего. И те короткие летние ночи, которые проводила Татьяна Васильевна без сна у знакомых, окончательно изнурили ее.

Медленно, в постоянной тревоге и ожидании тянутся дни. Сколько их уже позади? Татьяна Васильевна потеряла счет. Она жила лишь одной надеждой: во что бы то ни стало спасти сына. И когда наконец после долгих уговоров и просьб ей разрешили короткое свидание с Женей, это показалось ей несбыточным счастьем.

А через несколько дней, когда юноше стало немного лучше и он уже всерьез начал подумывать о побеге из больницы, ему пришлось пережить еще одно испытание, которое едва не кончилось трагически.

Два рослых автоматчика в серо-зеленых мундирах и тяжелых кованых сапогах замерли без движения у дверей палаты. Гитлеровский офицер (Женя видел его впервые) холодно и бесстрастно чеканит, глядя в упор:

— Германским властям все известно. Ты — партизан! Ты был в лесной банде и стрелял в доблестных немецких солдат. На пощаду не рассчитывай... Тебя ждет казнь на городской площади, на виду у всего Бобруйска!

Появление жандарма в сопровождении автоматчиков, его тон, которым он надменно и уверенно бросал грозные обвинения, — все это было настолько неожиданно, что юноша в первую минуту слегка растерялся. «Все! Это — конец! — проносится в его голове страшная мысль. — Докопались, все разузнали!»

И только огромным усилием воли он заставил себя сдержаться, сохранить внешнее хладнокровие.

— Молчишь, партизан? Нечего сказать перед смертью?

— А что мне говорить? — спокойно отозвался Евгений. — На прошлом допросе я уже объяснял: в партизанах никогда не был и, где они, представления не имею...

— Не отпирайся! Нам известно все. Слышишь, все! И даже то, что отец твой — партизан, замаскированный разведчик, мы тоже знаем!

Обернувшись в сторону двери, офицер небрежно щелкает пальцами. Почти тотчас же в палату, с опаской поглядывая на солдат, входит немолодой уже мужчина и, замерев у порога, подобострастно кланяется. Его лицо, несомненно, знакомо Жене. Однако вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах они

встречались, он, как ни стремился, не смог.

— Ну что? — холодно процедил сквозь зубы фашист.

— Он! Это точно он, — едва взглянув в сторону Жени, угодливо шептал неизвестный.

— Хорошо. Можешь идти!

«Теперь я раскрыт. Раскрыт окончательно!» — решает в отчаянии юноша, и слезы сами собой навертываются на его глаза.

— Жидок на расплату? — ликовал фашист. — Заплакал. Благодарю за все своего отца — ведь это он отправил тебя в банду.

«Я ушел в отряд сам. Чтобы бить без пощады и жалости таких, как ты, убийц и палачей! — едва удерживается, чтобы не выкрикнуть прямо в лицо гитлеровцу, Женя, но в тот же момент в голове его проносится мысль: — Стоп! Называя отца партизаном, он ни единым словом не обмолвился о брате. А ведь Николай давно уже партизан. И об этом в Парщахе знают едва ли не все! Отца же заподозрить нелегко — в округе его считают человеком мирным, далеким от войны. Он вне подозрений. Получается, что все это — провокация?»

— А ты неглупый малый, — понимает по-своему молчание юноши офицер. — И умереть в свои семнадцать лет совсем не торопишься. Ведь так? Ну ладно, перейдем к делу. Нам нужны от тебя некоторые сведения. От них, и только от них, зависит теперь жизнь твоя.

— Что вы от меня хотите? — выкрикнул Женя. — Я не партизан, и мой отец тоже. Вы это слышали? Так зачем же обвинять нас в том, к чему мы не причастны?

— Ого, малыш! А ты, оказывается, можешь и огрызаться? Напрасно, совершенно напрасно. Честно говоря, мне тебя жаль. Да, да, именно жаль! Ты ведь так молод и в банду попал явно по ошибке. Учитывая это, германские власти могут, пожалуй, сохранить тебе жизнь. Однако при одном условии, если...

— Я не партизан!

— Не горячись, Евгений. У тебя один выход — честно, ничего не утаивая, рассказать нам о своем отряде, о его численности, вооружении, о стоянках, о лицах, сочувствующих и помогающих партизанам. Ты выйдешь на волю и будешь спокойно, не вызывая ни у кого подозрений, жить в своей деревне. В банду тебя без руки не возьмут... Тем лучше! А нам ты понадобишься и будешь полезен. Будешь хорошо работать — немецкие власти простят тебя и могут даже вознаградить. Подумай хорошенько. Мы даем тебе для этого несколько дней...

Поправив фуражку, офицер решительно встал и, сделав знак солдатам, покинул палату.

Женя решил бежать той же ночью. Но как это сделать? За больницей, конечно же, следят. К тому же где-то в городе его мать. И если не найти ее, не предупредить — на следующий день она может оказаться в лапах жандармов.

«Палата не охраняется, — рассуждал юноша. — Почему? Будь фашисты уверены в том, что я партизан, меня бы сразу бросили в тюрьму, начали бы пытаться. Однако ничего этого нет. Значит, жандармы что-то замышляют или... ждут моей попытки бежать, чтобы схватить с поличным!»

На следующее утро о допросе сына узнала мать. Помочь ему она по-прежнему не могла. Оставалось одно — ждать.

В тревоге прошло еще несколько дней. И вот однажды в комнату к Жене, осторожно прикрыв за собой дверь, вошел незнакомый мужчина в накинута на плечи белом халате. Придвинув стул поближе, он тихо зашептал:

— Женя! Слушай и мужайся. Сегодня утром в город привезли твоего отца и арестовали мать. Тебе надо немедленно бежать. В жандармерии знают, что ты партизан. Бежать тебе помогут наши люди. Как только начнет темнеть, одевайся. Вот здесь, — мужчина положил в изголовье кровати небольшой сверток, — одежда. И спокойно выходи на улицу. Выходи смело, словно ты посетитель или работник больницы. Через дорогу тебя будет ждать человек в темном плаще и в шляпе. Он укроет тебя в безопасном месте, а чуть позже переправит в отряд. Вот и все. Ну будь здоров, сынок. Я спешу...

И он встал, собираясь покинуть маленькую палату.

— А ты не спеши, дядько, — удивленно пожав плечами, сказал Женя. — Бежать мне отсюда незачем, потому что и отец мой и я сам к партизанам никакого отношения не имеем. А если батьку и арестовали, то скоро выпустят. Он ни в чем не виновен!

— Дело твое, — смущенно промямлил посетитель. — Очень жаль, что ты мне не поверил. Смотри, не раскаялся бы. Ведь решается твоя судьба...

И он исчез.

Раздумья юноши наедине были нелегкими. «А вдруг это наш, советский человек, на свой страх и риск решивший мне помочь?» Но что-то подсказывало Евгению, что он не ошибся в незнакомце: провокатор!

Минула еще неделя. Как-то к вечеру, бледная и измученная, в палате появилась Татьяна Васильевна. Бессильно опустившись на край кровати, она прижалась к сыну и заплакала.

— Нам с тобой пора отправляться домой... нас очень ждут... Соскучились все...

Больше ничего сказать она не могла: рядом посторонние.

Однако Женя и так все понял, что случилась беда.

Той же ночью без пропуска и выписки одной из санитарок удалось вывести юношу из больницы. В условленном месте его уже давно ожидала мать:

— Наконец-то! А я уже все глаза проглядела!

Обратный путь им предстоял нелегкий — глухими, безлюдными проселками, иногда по бездорожью, в обход «варшавки» и многочисленных гитлеровских гарнизонов — в сторону деревни Тарасовичи. А там и Парщаха рядом.

А что же происходило в те дни в стане врага?

Как выяснилось несколько позже, после первого же допроса Жени бобруйская жандармерия тщательно и всерьез занялась его делом. Задание все досконально и в самые короткие сроки проверить получила и заволочицкая комендатура. В поселке Глуша, где юноша учился в десятилетке перед войной, в Симоновичах, в Парщахе и в самих Заволочицах гитлеровцы наводили подробные справки о семье Семенчуков. И именно из Глуши был вызван человек, хорошо знавший Женю и его отца, с тем чтобы удостоверить и подтвердить личность раненого.

Но и партизаны были начеку. По поручению командования отряда связные, живущие в Заволочицах, Симоновичах и Глуши (и, конечно же, сам Антон Викентьевич), неотрывно следили за действиями врага. С их помощью нам вовремя удалось узнать о том, что в Парщаху направлен человек, которому поручено раздобыть данные о возможных связях Семенчуков с партизанами. Однако найти предателей в деревне ему не удалось. Назад он вернулся ни с чем.

А несколько дней спустя произошло событие, которое прямо касалось судьбы Жени. Ранним августовским утром из гарнизона Заволочицы на грабеж местного населения выехало на велосипедах два десятка гитлеровцев. Между деревнями Мосты и Парщаха их плотным огнем встретила партизанская засада. Николай Семенчук, стоя в полный рост и держа ручной пулемет на весу, в упор расстреливал оккупантов. Вскоре вся банда мародеров была уничтожена. Однако одному из фашистов каким-то чудом все-таки удалось спастись, и во вражеском гарнизоне становятся известными все подробности происшедшего. Само по себе это еще ничего не значило. Но буквально через день-два, вызывая немалую тревогу и беспокойство Антона Викентьевича, по окрестным деревням, из дома в дом, разнесся слух о бесстрашии и отваге партизанского пулеметчика Николая Семенчука, который принимал, как говорили всюду, самое активное участие в разгроме банды велосипедистов под Мостоми и Парщахой.

Волнение Семенчука-старшего понять нетрудно: ведь этот слух вполне может достичь и комендатуры Заволочиц, если уже не достиг! И это именно теперь, когда Татьяна Васильевна и Женя находятся в Бобруйске. Когда каждую минуту им грозит смертельная опасность!

И в тот же день в город отправился связной, которому поручено разыскать Татьяну Васильевну и предупредить ее обо всем.

— Пусть немедленно уходят из Бобруйска! Оставаться им там больше нельзя! — с тревогой в голосе повторял на прощанье Антон Викентьевич.

Словом, побег из больницы был осуществлен, как говорится, в самое время.

А буквально через несколько дней после возвращения из оккупированного Бобруйска, после тяжелейшей и опаснейшей поездки туда, едва не обернувшейся трагедией, Татьяна Васильевна и Женя вновь появились в лагере отряда.

— Вот и мы! — немного застенчиво отвечая на наши радостные приветствия, улыбалась она.

Несколько недель, проведенных в бесконечной тревоге, в душевных переживаниях за жизнь сына, без единого часа покоя, наложили свой отпечаток на внешность мужественной женщины. Еще совсем недавно представительная и статная, стояла она теперь перед нами разом поседевшая, поникшая и обессиленная. В глазах ее, покрасневших от слез и горя, застыло выражение безмерной печали.

— Не тужи, сынок! — обнимая Женю, ласково шептала Татьяна Васильевна. — Без руки прожить можно... Скорее бы врага изгнали!

Матери провожали сыновей в партизаны. Так было почти в каждой белорусской деревне, хуторе. А сыновьям было в ту пору нередко по четырнадцать-семнадцать лет!

До деревни Кохановка, протянувшейся вдоль большака Глуша — Осиповичи, мы с бойцом отряда Григорием Васильевым добрались лишь к полудню. По решению командования отряда в этот день здесь должен был состояться митинг, на котором нам предстояло рассказать селянам о последних новостях с фронта, о том, чем живет наш советский тыл, и, конечно же, о самом главном — о разгоравшейся с каждым днем на временно оккупированных территориях борьбе с ненавистным врагом. Население окрестных деревень каждый раз с большим нетерпением ожидало таких собраний. Люди внимательно, затаив дыхание, слушали, стараясь не пропустить ни слова, ту

единственную и близкую им правду, в которую они так верили, которая была им так дорога!

Однако на этот раз село словно вымерло. Безлюдна и тиха улица, пустынные дворы и палисадники, лишь две-три женщины да несколько стариков, заслышав цоканье копыт, выглянули из домов. В чем же дело?

Удивленно переглянувшись с Григорием, мы подъехали к седобородому древнему деду, с видимым удовольствием гревшемуся на солнышке возле крыльца своей хаты.

— Народ-то где? — приветливо поздоровавшись с нами, переспросил он. — А в поле. Вся деревня с утра на рожь вышла. Самое время — деньки-то какие стоят погожие!

И действительно, приглядевшись повнимательней, мы заметили на прилегающих к селу полях тут и там косынки и платки работающих женщин и детей.

— Понятно! Что ж, придется нам, Гриша, ждать вечера — раньше, пожалуй, людей не собрать.

И мы, поблагодарив старика, неторопливо тронули коней. Солнце, по-прежнему неумолимое, печет так, что гимнастерки наши, уже давно потемневшие на спинах и влажные от пота, можно сейчас хоть выжимать! Жарко! Поравнявшись с одним из домов на окраине деревни, я заметил чуть впереди, у плетня, еще не старую, лет пятидесяти на вид, женщину, которая внимательно, словно пытаясь узнать, разглядывала нас. Устало проведя рукой по волосам и, очевидно, убедившись наконец, кто перед ней, женщина сделала шаг навстречу:

— Стой, комиссар!

Мы при держали лошадей:

— Доброго здоровья!

— Здравствуйте! Разговор у меня к вам, товарищ комиссар. Можно?

— Конечно. Давайте поговорим. — Я спешил и, взяв лошадь под уздцы, подошел поближе. — Так чем могу служить?

Женщина немного смущена, вроде бы не знает, с чего начать. Наконец решившись, она говорит:

— Были у нас в селе недавно твои партизаны. Хлопцы они ладные, хорошие, ничего не скажешь. Только уж больно строги они к нашим ребятам. Разговаривать даже не хотят.

— Как это не хотят?

— А вот так, — заметно оживляется женщина. — Сына моего, Николая, в отряд не взяли. Когда ребята твои здесь в последний раз были, он сразу же к ним: возьмите, мол, с собой!

— Не взяли?

— Наотрез отказали! Поговорили, посмеялись и ушли. Вот я

и хочу, комиссар, у тебя спросить: почему? Разве можно так?

— Не знаю, мать, почему. Может, оружия у твоего Николая не было, потому и не взяли...

— Об оружии никто с ним и не говорил. И оно-то как раз нашлось бы! Дело не в том. Лучше вспомни, как красиво и складно ты звал парней в партизаны на последнем собрании, слова разные говорил. И они тебе поверили, потянулись за тобой. А как до настоящего дела дошло, так сразу же — от ворот поворот... Разве можно так?

— погоди, мать, не волнуйся. Сейчас разберемся. Где твой Николай?

— Дома он, где ж ему еще быть?

— Ну так зови его сюда. Посмотрим, чего он на самом деле стоит.

Через минуту передо мной уже стоял высокий, широкоплечий парень с открытым, приветливым лицом.

— Ладный хлопец, — здороваясь с Николаем за руку, сказал я. — Это не ты ли в прошлый раз на посту стоял, когда я собрание у вас в Кохановке проводил?

— Я, товарищ комиссар.

— Молодец. Ну и почему же тебя не взяли в отряд? Чем это объяснили?

— Посиди пока, мол, дома, говорят. Надо будет, позовем!

— Так прямо и сказали?

— Так, в точности так! — вмешалась мать. — Я сама рядом стояла и все слышала. Только кто ж им дал такое право распоряжаться: принимать или не принимать в отряд бойцов? Сами-то небось в отряде без году неделя. А туда же... Это уж, комиссар, твоя да командира забота. Ты и решай!

— Не надо горячиться. Сейчас мы это дело поправим. Только сначала, орел, ответь мне на такой вопрос: места ты здешние хорошо ли знаешь?

— Знаю, товарищ комиссар, — оживился хлопец. — Километров на двадцать вокруг, не меньше.

— Хорошо. Теперь вот еще что, парень. Оружия-то лишнего у нас нет. Так что придется тебе его в бою добывать...

И снова женщина запальчиво перебивает меня:

— Есть у нас оружие, комиссар, есть! Беги, Николай, доставай...

— Подождите! Разве можно так? Может, лучше вечером?

— Вечером? А зачем? Бояться нам некого — люди в деревне свои, надежные.

Минут через пять со стороны сарая, держа на плечах четыре винтовки, а в руках полмешка патронов, появился Николай.

— Вот это здорово! Откуда же у вас столько?

— А вон видишь — бор рядом? — Женщина обернулась к синееющей вдаль полосе леса. — Там прошлой осенью фашисты окружили наших кавалеристов. Может, слышал о них, немецкие тылы трясли? А потом и им досталось... Немало их тут полегло. Больше недели мы хоронили бойцов и командиров. Прямо там же, в лесу, вместе с оружием. — Она замолкает на минуту и уже со слезами на глазах продолжает: — Вот теперь и приходится нам те могилы тревожить. Но разве можно иначе? Оружия-то не хватает.

— Спасибо тебе, мать! Спасибо за все. И за оружие, и за сына. Доброго хлопца вырастила — из такого, видно, настоящий партизан выйдет.

Женщина радостно улыбается. Улыбается сквозь слезы, и в этой улыбке, трогательной и робкой, светятся ее материнское счастье и гордость.

— Так говоришь, комиссар, выйдет из него толк?

— Непременно выйдет!

— Стало быть, можно в дорогу собирать?

— Ну что ж, можно и собирать. Ближе к вечеру, как митинг закончится, с нашими партизанами и уйдет. Договорились?

— А не лучше ли прямо сейчас? Вместе с вами?

— С нами? Да что ты, мать! Мы ведь верхом, а он пеший.

— Ну, это не беда. — В глазах женщины промелькнула решительность. — Беги, сынок, в сарай, выводи гнедого! — И ко мне: — Раздобыл и конька себе, собираясь в отряд...

Николай мигом вывел под уздцы коня. Винтовка, аккуратно протертая, перекинута через плечо, вместо седла — мешок с буханкой хлеба, шматком сала да со сменой белья и рубашкой. Что еще надо партизану?

— Товарищ комиссар! Ежели что — посеять, убрать, дров подвезти, — не откажи уж, пришли коня!

— Что за вопрос? Дайте только знать — сын подъедет и поможет!

Разлука всегда нелегка. А особенно теперь, когда впереди — неведомое, страшное... Когда еще доведется свидеться? Да и доведется ли?

— Удачи тебе, Коленька! — обняла мать сына. — Не забывай, родной.

И она снова заплакала... Пойми их, матерей: упрашивала взять сына в партизаны с плачем, расстается с ним — и опять слезы. Видно, так уж у славян издревле ведется: пусть и радостное расставание, а материнской слезой окропить его надо. А сыновья уходят. Уходят, чтобы стать мужчинами.

Так Николай Дубинчик стал партизаном. Вслед за ним, в тот же день, едва дождавшись окончания митинга, ушли в отряд и остальные ребята-односельчане.

Новое пополнение отряда оказалось боевым: через месяц новички (так называли парней бывалые партизаны) уже на равных со всеми принимали участие в тяжелых и долгих походах, в опасных и трудных операциях, мужественно и стойко перекосили все тяготы суровой военной жизни. Не подкачал и Коля Дубинчик. Вскоре, убедившись в том, что из него действительно получается находчивый и решительный боец, не унывающий и рассудительный при любых обстоятельствах, я стал ездить по деревням южнее Осиповичей только с ним.

А через несколько месяцев Коля от имени матери попросил взять в отряд и его младшую сестру Лиду, беленькую, стройную, боевую дивчину. К тому времени мы уже знали о том, что у Екатерины Климовны Дубинчик есть свои, особые счеты с фашистами: незадолго до этого в деревне от рук оккупантов погиб ее второй сын — Федор.

— Отомстите за все, за беды, за горе народное, — напутствовала она своих детей. — За Федю отомстите!..

Попав в отряд, Лида вместе с другими девушками участвовала во многих боях, в тяжелых походах. В бою под Протасами ей доверили станковый пулемет: точным и метким огнем она прикрывала партизанские цепи. Осенью сорок третьего после тяжелого ранения Лиду отправили за линию фронта, в Москву. Долго, нестерпимо долго тянулись дни в госпитале. А девушка жила лишь одной мыслью: как можно быстрее вернуться в боевой строй. И она добилась своего: едва дождавшись выздоровления, ушла в действующую армию. Суровая закалка партизанской жизни, конечно же, очень пригодилась ей на фронте, а прощальное напутствие матери всегда удесятеряло ее силы в суровой борьбе с фашизмом.

Осенью 1942 года наш отряд, выполняя решение подпольного обкома партии, перешел в Житковичский район для проведения диверсий на железнодорожной магистрали Брест — Гомель. Но и оттуда продолжали мы поддерживать связь с населением деревень в междуречье Березины и Птичи, в районах Бобруйска, Осиповичей и Старых Дорог, где совсем недавно вели бои с оккупантами. Сюда нередко наведывались партизанские группы нашего отряда, добывая разведанные о передвижении войск по железным и шоссейным дорогам, проводя диверсии на коммуникациях врага.

В один из ноябрьских дней командование предложило мне с

группой бойцов, среди которых был и Николай Семенчук, отправиться в нашу старую зону, в Осиповичский район.

— Давайте навестим батю? — предложил мне Николай.

— Что ж, Парщаха рядом. Навестим!

Антон Викентьевич, несказанно обрадованный нашим появлением, подробно познакомил нас с обстановкой в районе. Новостей было немало, однако одна из них заслуживала особого внимания. Как оказалось, на днях из соседней деревни Тарасовичи приходила в Парщаху большая группа молодежи.

— Вас искали, — пояснил Семенчук. — Рвутся в бой ребята!

— Обязательно зайдем туда, — пообещал я.

В Тарасовичи мы пришли уже во второй половине дня. Узнав об этом, вся деревня, от мала до велика, высыпала на улицу.

— Партизаны идут! — слышались отовсюду возбужденные голоса. — Собрание скоро будет!

Буквально через несколько минут просторный, рубленый пятистенки, самый большой и вместительный в деревне, оказался заполненным до предела. Те, кому не хватило места внутри, толпились в дверях и у распахнутых настежь окон — настолько велико было желание людей узнать о положении на фронте, в советском тылу, о боевых действиях партизан.

А рассказать мы собирались о многом. В нашем распоряжении были последние сводки Совинформбюро и сравнительно свежая газета «Правда», доставленная недавно самолетом из Москвы. К этому времени начал успешно действовать партизанский аэродром на острове Зыслав в Любанском районе Минской области. Благодаря усилиям ЦК Компартии Белоруссии многие отряды теперь регулярно получали с Большой земли газеты, листовки и другую литературу, которая позволяла нам достоверно и оперативно информировать население деревень о ходе Великой Отечественной войны, о действиях Красной Армии, о героизме бойцов и командиров, партизан и тружеников тыла. Мы рассказывали советским людям об обстановке в стране, пытаясь подсказать, что необходимо в первую очередь делать в тылу врага, как развернуть народную борьбу и ускорить тем самым разгром гитлеровской Германии.

Тем, кому пришлось побывать в свое время в глубоком тылу врага, хорошо известна цена любой, пусть даже зачитанной до дыр и месячной давности, газеты оттуда, из-за линии фронта, с Большой земли. Владелец ее всегда принимался с особенным вниманием и уважением в любом партизанском отряде, в любом селении. Так было в тот день и в Тарасовичах.

После доклада, выслушанного в абсолютном молчании, мне

пришлось ответить на множество самых разнообразных вопросов.

— Товарищ комиссар, — услышал я сразу несколько голосов, — оставьте нам газету!

— Рад бы, товарищи, но не могу, — ответил я. — Газету надо почитать и в соседних деревнях, а потом передать в другие отряды.

Обо всем уже было переговорено. Несколько часов длилось наше собрание, однако народ, судя по всему, расходиться не собирался. Между тем приближалась ночь, вот-вот начнет темнеть, и мы должны были возвращаться в отряд: дорога предстояла неблизкая!

Попрощавшись со всеми, начали сквозь плотную толпу пробираться к двери. Но едва вышли во двор, как сразу же попали в окружение нескольких десятков юношей. На них теплая одежда, вещевые мешки за плечами.

— Никак, в партизаны собрались?

— Так точно, товарищ комиссар! — ответил за всех невысокий паренек, на вид которому было меньше четырнадцати.

— Да куда ж тебе в партизаны? — едва сдерживая улыбку, спрашивает Николай Семенчук. — Тебе еще возле мамки на печке сидеть да греться, а ты на зиму глядя в партизаны собрался. Смотри, нос к сосне приморозишь!

— Это я с виду маловат, а так мне уже семнадцать!

Остальные ребята дружно вступились за паренька, наперебой рассказывая, какой он смелый и сильный, как бесшумно он умеет ползать и быстро бегать.

Что же делать? Среди ребят были и рослые, могучие парни, которым не хотелось отказывать: они были бы неплохим пополнением нашего молодежного отряда.

Но я все же посоветовал им до весны остаться в деревне. Однако юноши и слышать об этом не хотели: бери их теперь же в отряд, и все тут!

Мои размышления прервали несколько женщин и стариков, с трудом пробившихся сквозь толпу.

— Товарищ комиссар, — решительно начала одна из женщин. — Я ото всех матерей, ото всех селян говорить буду! Давно мы уже порешили: отправить наших сыновей к вам, в партизаны. Ну чем отряду не пополнение? Ловкие, решительные, места здешние наизусть знают. Кому же, как не им, германца бить? Вот мой Федор, взгляните, ну чем не партизан? Пусть идет, записывайте!

А тут и ребята насели:

— Ни за что мы от вас не отстанем, что хотите с нами делайте! Куда вы, туда и мы!

Один из них, протягивая нам листок, вырванный из школьной тетрадки, ломающимся баском попросил:

— Стройте нас! Список готов: вот он...

Читаю:

— «Петр Долгий, 1925 года рождения.

Максим Долгий, 1924 года рождения...»

Толпа расступается, и вот уже перед нами, построившись в две шеренги, застыли ребята. Их сорок девять.

«Что же мне делать с ними, с безоружными? — думал я между тем, глядя на парней. — В отряде и так более десятка бойцов без винтовок. А тут еще эти... Нет, риск слишком велик!»

— Товарищ комиссар, в чем дело? — пытаются понять причину моего молчания матери. — Чем наши хлопцы не хороши?

— Дело в оружии, — объясняю я. — Не хватает его на всех. Да и много малорослых среди ребят ваших. Страшно даже брать таких в отряд.

— Это не беда, — слышится сразу несколько голосов. — Парни они сильные, сметливые — оружие добудут. А малых мы и сами не пустим!

Молчавший до этого старик стукнул самодельным посохом оземь:

— Пусть бьют нещадно наши внуки супостатов! Старость лишила меня сил... Не то и я бы пошел!

Толпа росла. В глазах матерей и юношей я читал уже не просьбу, а требование. Ну что ж, придется, видно, уступить. Отобрали 28 человек. Почти все комсомольцы. Остальным велели ждать до весны. Партизанами в тот вечер стали: Петр, Федор, Максим и Иван Долгие, Александр, Петр и Костя Зенько, Аркадий и Петр Белые, Анатолий Кузьмин, Иван Швед, Владимир Манько и многие другие.

Провожали ребят всей деревней.

В Кохановке колонна на некоторое время останавливается. Заметив в рядах партизан ребят из Тарасовичей, здешние парни окружают нас и тоже требуют принять в свои ряды. Среди нового пополнения Михаил и Иван Дубинчики, Николай Бед, Александр Романовский, Иосиф Барташевич, Александр Исай.

— Бейте врага без пощады! — напутствовали матери юных партизан. — Уж коли беретесь за оружие, так громите фашистов так, чтобы ни единого не оставалось на земле нашей!

Колонна юношей уходит в ночь, но улица еще долго не пустеет. Матери, вытирая платочками глаза, стоят молча, неподвижно, не решаясь произнести ни слова. Их мысли, их сердца там, в партизанских шеренгах, рядом с сыновьями, разом

повзрослевшими, возмужавшими.

Так, лишь за один осенний вечер 5 ноября 1942 года наш молодежный отряд пополнится сразу тридцатью шестью бойцами. Впереди у них долгие месяцы суровой жизни, тяжелые походы и нескончаемые бои с оккупантами.

Проходит время — и юное пополнение наше, окрепшее и закаленное в борьбе, выполняя волю матерей своих, становится грозной и страшной для врага силой. Вот личный и далеко не полный счет лишь некоторых из них:

Федор Долгий:

7 апреля 1943 г. — подрыв вражеского железнодорожного эшелона с живой силой на магистрали Осиповичи — Слуцк.

22 мая 1943 г. — подрыв дрезины с оккупантами недалеко от города Осиповичи.

25 мая 1943 г. — подрыв моста на дороге Осиповичи — Слуцк.

17 июля 1943 г. — подрыв железнодорожного эшелона на одном из перегонов трассы Барановичи — Лунинец.

18 июля 1943 г. — подрыв еще одного эшелона на том же участке. Под откосом — 2 паровоза, 31 вагон и 22 цистерны.

Аркадий Белый:

11 февраля, 25 и 31 августа, 7 сентября 1943 г. — подрывы вражеских эшелонов с живой силой и техникой на различных участках железнодорожных магистралей.

Иван Гацман, возглавивший диверсионную группу из молодежи, уничтожил 5 эшелонов, 2 паровоза были обстреляны из противотанкового ружья.

Петр Белый пустил под откос 3 воинских эшелона, а Иван Долгий — 2.

Однако радость побед над врагом, торжество ратных подвигов юных партизан омрачались порой и горькими, тяжелыми утратами. Таков уж суровый лик войны. И опять для материнских сердец новые страдания и ни с чем не сравнимая боль...

Не суждено было встретить сына, отважного пулеметчика Ивана, Ольге Дубинчик из Кохановки.

Он погиб смертью храбрых в январе 1943 года вдали от родных мест, в Полесье.

До сих пор не могут забыть тяжелой утраты Матрена Александровна Долгая и ее дочь. Максим Долгий, девятнадцати лет, был сражен вражеской пулей в деревне Стрижи Глусского района.

В Брестской области, в деревне Тышковичи, что под Ивановом, погиб и похоронен сын Нины Тимофеевны Долгой —

Петр. Ему было тогда только восемнадцать. Совсем рядом с деревней Тарасовичи вместе с товарищами попал в засаду карателей и в упорной схватке погиб Иван Зенько из Тышковичей. Он похоронен на месте боя, в лесу.

Недолго пришлось сражаться с врагом и Николаю Беду. В ноябре сорок второго в составе диверсионной группы он вышел на подрыв воинского эшелона к железнодорожной магистрали Минск — Гомель в район станции Ясень. Возле деревни Дубовое партизаны были встречены залпом фашистской засады, в упор. В неравном бою погибла почти вся группа, среди них — и Коля Бед. Тела погибших остались лежать в лесу, вынести их с места схватки было некому.

На второй день, с ужасом узнав о страшной потере и едва опомнившись от горя, Евдокия поспешила на поиски Николая. Трое суток, нескончаемо долгих, словно в страшном сне, без отдыха искала она сына. Десятки километров по лесам, болотам, оврагам и полям с первых проблесков рассвета и до темна исходила разом поседевшая и состарившаяся мать.

На четвертые сутки, когда последние силы уже готовы были покинуть обезумевшую, измученную переживаниями женщину, в редком перелеске, где все деревья были иссечены осколками гранат и следами автоматных очередей, наткнулась она на мертвое тело юноши. За секунду до того, как Евдокия Бед потеряла сознание, она поняла, что перед ней лежит ее сын.

Пришла в себя она не скоро. И еще долго рыдала, безутешно и горько, безразличная уже ко всему, прижимаясь к заледеневшему, с бурыми пятнами застывшей крови, мертвому телу ее Коленьки...

Матери партизанские! Как много пришлось вам испытать и пережить за долгие годы войны! И голод, и бесчинства жестокого врага, и мучительные переживания за самое родное и близкое, что есть у каждой женщины, — за детей, — и боязнь потерять их, так рано повзрослевших и взявших в руки оружие.

Вам было трудно, бесконечно трудно. Но, несмотря на все лишения и постоянный, изо дня в день, смертельный риск, у вас хватило мужества и воли выдержать и вынести все это ради свободы родного народа, нередко ценой своей жизни, исполнив до конца свой долг перед Отечеством.

ГЛАВА 3

Глава третья РАЗВЕДЧИЦЫ

Суровы и нележки тропы партизанские. Бездонные топи белорусских болот, ледяные, студёные ветры, обжигающие лицо и руки январскими ночами, холодные, изнуряющие осенние дожди, которым, казалось, никогда не будет конца, жестокий голод и болезни — вот только малая доля тягот и невзгод, перенесенных за долгие годы оккупации народными мстителями. Но самым страшным, коварным и беспощадным врагом партизан, врагом помер один, были, конечно же, многотысячные, до зубов вооруженные и хорошо обученные тыловые гарнизоны и специальные карательные части гитлеровских войск. А было их на территории оккупированной Белоруссии в те страшные годы тысячи.

Беззащитно и обречено на скорую гибель любое, даже самое крупное и отлично оснащенное, партизанское формирование без правильно организованной и хорошо поставленной разведки. Залогом безопасности отрядов, бригад и целых соединений, их успешных операций были прежде всего находчивость, мужество и отвага партизанских разведчиков. И если само по себе участие в партизанском движении, борьбе с врагом в его глубоком тылу по праву считается подвигом, то работа в отрядной или бригадной разведках — подвиг вдвойне.

Постоянный, ежедневный, а подчас и ежеминутный риск, с которым добывались по крупицам разведданные, требовал от людей колоссальной выдержки, стойкости и бесстрашия. И именно здесь, на этом трудном и смертельно опасном участке борьбы, особенно ярко и наглядно проявились лучшие качества советских женщин-патриоток. Ради победы над фашизмом они

готовы были пойти на любые жертвы.

И их было немало, этих жертв. Могилы павших хранят имена тысяч женщин и девушек, отдавших жизни свои во имя свободы и независимости нашей Родины. И многие из них погибли, выполняя разведздания партизанского командования.

Морозный февральский день сорок второго. Весело искрится, поскрипывает под полозьями партизанского обоза недавно выпавший снег. Раскидистые лапы могучих елей, вплотную подступивших к извилистой лесной дороге, которая ведет из оккупированного Бобруйска на юг, склоняются низко под тяжестью громадных белоснежных шапок.

Бойцы отряда Василия Губина, где был я в ту пору взводным, возвращались с очередного задания. Операция прошла успешно — несколько гитлеровских постов в окрестных деревнях истреблено, и колхозный скот вместе с запасами зерна, награбленного, но еще не вывезенного оккупантами, возвращены населению. Пришлось, правда, сжечь несколько старых, полуразвалившихся сараев: иначе селян могли заподозрить в помощи партизанам, в поддержке их. Тогда пощады ждать не приходилось.

Под вечер заснежило. Небо, до этого ясное, медленно затянулось низкими сероватыми облаками, и на запорошенный лес, на дорогу мягко повалили крупные густые хлопья. Они падали на разгоряченные, лоснящиеся от пота крупы лошадей и тут же таяли, исчезая без следа. Через несколько минут весь обоз было не узнать: шапки, плечи, сани с поклажей покрывал толстый слой снега.

Вокруг сразу же потемнело, и дорогу впереди уже в нескольких метрах завесила плотная белая мгла. Сбиться с пути мы не боялись — места были знакомые, давно исхоженные. Но, по сведениям нашей разведки, здесь время от времени появлялись крупные отряды немцев, встреча с ними в такую погоду в наши планы, конечно, не входила.

Передав по цепи приказание сбавить ход, я напряженно, до боли в глазах вглядывался в снежную пелену.

Так прошло минут десять-пятнадцать. И вдруг среди снежного безмолвия, нарушаемого лишь скрипом полозьев да отрывистым пофыркиванием уставших лошадей, мне смутно послышались невдалеке чьи-то приглушенные голоса. Почти тотчас же наша лошадь, встряхнув припорошенной гривой, остановилась как вкопанная.

«Неужели немцы?» — мелькнула тревожная мысль. Подав бойцам знак приготовиться, я соскочил с саней.

Передернув затворы оружия, партизаны залегли в сугробах по обе стороны дороги. И вовремя: впереди начали медленно проступать неясные контуры крестьянского возка. Запряженная тощей лошадежкой, повозка двигалась неспешно, поскрипывая на ходу полозьями.

На немцев не похоже. Но осторожность — прежде всего. Я кивнул Ване Безбородову, и над дорогой раздался его зычный бас: — Стой! Кто такие?

Но лошадежка и сама, видно, учуяв незнакомых, замерла на месте, не дожидаясь окрика хозяина.

— Крестьяне мы, из Крюков, — донесся до нас мужской голос.

— Из Крюков? Далековато забрались. Документы есть?

Подошли поближе. Мужчина на саниах не спешит с документами. Его внимательный взгляд красноречив: кто вы, друзья или враги? Рядом с ним на розвальнях припорошенная снегом фигура, тепло укутанная от мороза несколькими платками. Разобрать сразу, кто перед тобой, мужчина или женщина, невозможно.

Услышав голос, пассажир зашевелился, протер лицо и, широко улыбнувшись, произнес неожиданно тонким, женским голосом:

— Ах, Володя, черт проклятый! Какие тебе еще документы?

«Какой знакомый голос», — мелькнула мысль, и, пристально всмотревшись в лицо этой «снежной бабы», как окрестил я уже ее про себя, узнал: Мария Масюк! Вот это встреча!

Мы пропускаем взвод вперед, и Мария знакомит меня с комсомольцем Борисом Пигулевским, членом Бобруйского партийного подполья. В партизанах он недавно, с тех пор как попал на подозрение городской жандармерии.

— Далеко путь держите?

— Далеко, Володя. В Бобруйск.

— Ты с ума сошла, Марийка. Тебя же там ищут!

— Что ж из того? Город я знаю как свои пять пальцев, да и друзей там много — помогут, — улыбаясь, говорит Масюк. И тут же, переходя на серьезный тон, поясняет: — Командованию отряда срочно нужны разведданные по гарнизону. Обстановка в Бобруйске сложная. Это во-первых. А кроме того — к подпольщикам нашим заглянуть пора: предстоит вывезти к нам медикаменты, лекарства. В отряде немало раненых, больных, а лечить людей уже давно нечем: которую неделю из боев не выходим.

— А что с семьей, с ребятами? Нашла их?

— Если бы так, Володя... — сразу же изменившимся голосом

ответила Мария. — С той поры как ушла из города, вестей никаких. Словно в воду канули. Как подумаю о них, беззащитных, маленьких, готова, кажется, в любое пекло идти, лишь бы отыскать детишек.

Вскоре мы распрощались.

Провожая взглядом медленно удаляющиеся в сторону Бобруйска сани, я не мог знать, что эта встреча с Борисом Пигулевским последняя: в одном из боев несколько недель спустя он погиб. Не знал я и другого: как много опасностей будет подстерегать моих друзей при выполнении их задания, нелегкого, чрезвычайно опасного.

Повозка давно уже растворилась в снежной круговерти, а я, глядя ей вслед, по-прежнему думал о Марии, о ее улыбке, с которой эта молодая, обаятельная женщина шла в самое логово врага. Шла, быть может, на верную гибель.

Прошло чуть больше месяца, и партизанские дороги опять свели меня с Марией Масюк. В районе рабочего поселка Октябрьский, к югу от Бобруйска, отряды народных мстителей несколько дней подряд отбивали яростные атаки фашистов, пытавшихся блокировать партизанскую зону. Здесь мы и встретились.

— Чем же закончилась твоя поездка в город? — спросил я, едва нам удалось увидеться в перерывах между боями.

И Мария рассказала мне обо всем.

До города партизаны добрались уже к вечеру. Наезженная дорога вывела из лесу и заснеженным полем, минуя раскинувшуюся недалеко территорию крупного вражеского аэродрома, повела к окраинам Бобруйска. Совсем рядом, надсадно завывая моторами, с интервалом в несколько минут поднимались в воздух тяжелые бомбардировщики и, медленно набирая высоту, устремлялись на восток.

Один, второй... пятый... восьмой!

Наблюдая за часто стартующими самолетами, партизаны не заметили, как из пригородной деревни навстречу им на дорогу выполз большой санный обоз. Это могли быть только немцы.

И действительно, едва расстояние сократилось до двух-трех сотен метров, на повозках отчетливо засерели мышинного цвета шинели. Мария заметила приближающуюся опасность слишком поздно: кругом открытое, без единой тропки, заснеженное поле. До синевшего вдали леса, из которого они недавно выехали, было, по крайней мере, около километра.

Все ближе и ближе гитлеровцы. Нащупав под курткой пистолет, Борис незаметно передернул затвор. Две гранаты лежат рядом, под тонким слоем прелого сена. Чем закончится эта

встреча?

Не доехав до них несколько метров, головная повозка остановилась. И сразу же — отрывистый, гортанный выкрик:

— Партизан, хальт!

Вороненные дула трех автоматов нацелились на Бориса и Марию. С восьми других саней, остановившихся чуть поодаль, за происходящим внимательно наблюдали еще двадцать пять — тридцать фашистов, держа оружие на изготовку.

— Мы крестьяне, — неторопливо, но услужливо отозвалась Мария и, опустив руку в широкие складки одежды, начала там что-то искать.

Офицер, стоявший перед ней, резко вскинул парабеллум, дуло пистолета почти уперлось в лицо партизанки.

Мария достала небольшой, аккуратно свернутый цветастый платок, а из него — спокойно, с чисто крестьянской обстоятельностью — свой потерянный, старенький паспорт.

Немец тщательно просматривал документы, с заметной брезгливостью, но внимательно листал странички, время от времени бросая цепкий взгляд на стоящих перед ним людей. Второй офицер, очевидно рангом ниже, занимался Пигулевским.

— Кто есть это? — небрежный кивок в сторону Бориса.

— Это? — переспрашивает Мария, стараясь найти правдоподобный ответ, — это... знакомый. В одной деревне живем. Вот вызвался проводить до города. — Она в притворном смущении опускает глаза и кокетливо смахивает снег, густо запорошивший ее платок. Офицер, видимо, с трудом поняв ее, цинично ухмыльнулся и произнес несколько слов по-немецки, полуобернувшись к солдатам. Те громко заржали.

— Что нато в гороте? — спросил фашист, едва гогот солдатни начал смолкать.

— За солью едем, господин офицер. У нас в деревнях достать невозможно, просто беда...

— А, зальц? А где будете купить?

— Нам обещал помочь господин обер-лейтенант из комендатуры. Все это для него, — Мария кивнула на две большие корзины, аккуратно прикрытые кусками холста, — мясо, сало, немного яиц.

— О, шпик! — оживился второй офицер и, подойдя поближе, приподнял холстинку.

Одна из корзин немедленно перекочевала в повозку оккупантов. Небрежно протянув Борису документы, гитлеровец кивнул в сторону города: проезжайте!

Вторую проверку, куда более серьезную, Марии и Борису

пришлось выдержать на посту при въезде в Бобруйск. Офицеры фельджандармерии долго вертели в руках паспорта Марии и Бориса, а потом устроили настоящий допрос, выясняя цели поездки. Однако упоминание об обер-лейтенанте из городской комендатуры и здесь возымело свое действие: минут через пятнадцать разрешение на въезд было получено.

На узкие и кривые улочки Березинского форштадта партизаны попали, когда совсем уже стемнело. Проплутав с полчаса, Мария отыскала наконец неприметную с виду улочку, на которой стоял дом ее сестры Александры Вержбицкой. Здесь несколько месяцев тому назад она оставила двух своих малышей, сынишку и дочь.

Чем ближе подъезжала Мария к занесенному снегом двору, в глубине которого прятался небольшой деревянный домик, тем сильнее, тревожнее и нетерпеливее билось ее сердце.

Дом Александры Вержбицкой был совсем уже рядом...

Далеко не сразу решилось командование отряда Николая Храпо на эту рискованную поездку, прекрасно понимая, как настойчиво и активно ищет бобруйское СД внезапно исчезнувшую из города подпольщицу. Несмотря на постоянные просьбы и даже требования Марии послать ее с заданием в Бобруйск, штаб вплоть до февраля сорок второго года не давал на это согласия.

Как позже выяснилось, опасения и тревоги были далеко не напрасны. После тщательных и долгих поисков Марии Масюк гитлеровцам удалось напасть на след ее сестры Александры Вержбицкой. Больше того, некоторое время спустя они установили, что дети, живущие с ней, носят фамилию Масюк.

С этого момента смертельная опасность нависла над близкими Марии и ее малышами.

Однако один из предателей в служебном рвении перед гитлеровцами, к счастью, допустил крупный просчет. Не доложив в СД о результатах слежки за родственниками Марии Масюк, он, боясь, очевидно, разделить с кем-либо позорные «лавры» доносчика, решил действовать в одиночку. Однажды поздним вечером он ворвался в дом Вержбицких и, применив силу, пытался вырвать у женщины сведения о сестре. Тяжелые, расчетливые удары сыпались один за другим. Ни рыдания беззащитных детей, охваченных ужасом, ни стоны хозяйки не действовали на палача, он был неумолим. Наконец грубо подхватил маленького Сашу и с силой швырнул его на угол массивной печи. Потеряв сознание, мальчик затих на полу...

Зверский допрос продолжался еще около часа, прежде чем изменник, поняв, что вырвать признание у Александры ему не удастся, покинул дом. Оставив окровавленную хозяйку дома на

полу рядом с племянником, он исчез, чтобы появиться через некоторое время в сопровождении немцев.

Но когда гитлеровцы ворвались в дом Вержбицких, там уже никого не было. Получасом раньше муж Александры, вернувшись домой, понял все без слов. Он быстро запряг лошадь и, перенеся жену и измученных малышей в розвальни, окраинными улицами погнал за город. Там, в Паричском районе, к югу от Бобруйска, в маленькой деревушке Искра, жили его дальние родственники.

Обшарив весь дом и ничего не обнаружив, фашисты на долгое время оставили там засаду. Несколько полицейских постоянно, днем и ночью, дежурили в доме, надеясь, что рано или поздно кто-нибудь из городского подполья или из партизанских связников попадет им здесь в руки. Но до сих пор все эти усилия были напрасными.

Медленно ползли розвальни по темной улице, с каждой минутой приближаясь к дому Вержбицких. Тянутся бесконечные серые заборы, частоколы изгородей. Вокруг безлюдно. Лишь одинокая фигура женщины, несущей на коромысле ведра с водой, мелькнула за калиткой.

И вдруг негромкий голос из-за ограды:

— Марийка, ты?

Неужто послышалось? Натянув вожжи, партизанка осмотрелась по сторонам. За забором — едва различимый в темноте силуэт женщины. Приглядевшись повнимательней, Мария узнала подругу Александры. Осторожно приоткрыв калитку и подойдя к повозке, та взволнованно зашептала:

— Туда нельзя, Марийка! Там засада. Гитлеровцы уже месяц живут!

— Что? А дети?

— Зайди к нам. Не торопись! — тихо сказала женщина, кивнув на свой дом.

Ноги не слушались Марию, когда она вместе с Борисом поднималась на высокое крыльцо. Едва успев закрыть за собой дверь, она повторила вопрос:

— Что с детьми? Они... живы?

— Не знаю, Марийка. Но уже больше месяца в доме их нет. Там только немцы. Засада! Значит, Саша с мужем и детьми ушли. Не волнуйся.

Она рассказала о том страшном январском вечере, когда из дома Вержбицких сначала раздавались ужасные крики, а потом, спустя часа полтора, подъехали гитлеровцы. Больше она ничего не знала.

Неловко утешая рыдающую Марию, Борис Пигулевский

немного растерялся и лихорадочно пытался найти выход из создавшегося положения.

Ехать на конспиративные квартиры подполья сейчас, когда наступала глубокая ночь, было делом немыслимым: улицы города, особенно в центральной части его, кишели патрулями. Привлечь к себе их внимание означало бы верную гибель не только для самих себя, но и для хозяев явочных квартир.

Можно было, конечно, не выполнив задания, попытаться уйти из Бобруйска в обход многочисленных постов и засад. Шансов на это было, правда, немного. Но, если бы даже сомневаться в успехе не приходилось, ни Масюк, ни Пигулевский никогда не выбрали бы такого пути.

— Вы из лесу? — участливо обнимая Марию за плечи, спросила соседка Вержбицких у Бориса.

— Нет. Из деревни, — осторожно отозвался тот. — За детьми приехали. Куда вот теперь податься...

— А что думать? Оставайтесь у меня, — решительно предложила женщина. — Дом большой, места всем хватит. А то ведь с комендантским часом шутки плохи: расстрел на месте!

Наутро, после тревожной ночи, в течение которой Мария не сомкнула глаз, партизаны приступили к сбору разведанных. Город был забит гитлеровскими войсками. Здесь развернули свои штабы несколько крупных соединений вермахта: воинские моторизованные колонны проходили через Бобруйск почти постоянно. В районе Березинского форштадта, где провели ночь Масюк и Пигулевский, располагался крупный аэродром, на котором базировались бомбардировщики люфтваффе. Тут же, вблизи, тянулись пути железнодорожной станции Березина, всегда заполненные воинскими эшелонами.

Немалых усилий и риска стоила партизанским разведчикам та информация, те данные, которые удалось им собрать. Ближе к вечеру они знали уже многое: о расположении казарм и караульных помещений, о местах стоянок боевой техники, о вооружении частей.

Однако сведения эти, при всей их ценности, были, конечно же, далеко не полными: за несколько часов работы в городе трудно было рассчитывать на большее.

Более детально обстановку в бобруйском гарнизоне Мария и Борис узнали лишь при встрече на одной из конспиративных квартир с городскими подпольщиками. Здесь же партизанам передали несколько ящиков с патронами, добытыми патриотами в Бобруйске, и соль, которую за пределами города достать было действительно невозможно.

Подпольщики, в свою очередь, с радостью приняли те

продукты, которые Мария и Борис доставили в Бобруйск: ведь жили они очень голодно.

Незадолго до наступления комендантского часа, когда начало уже смеркаться, Масюк и Пигулевский отправились к дому Марии Анодиной, медицинской сестры одной из городских больниц, связанной с подпольщиками. В специально оборудованном тайнике она хранила медикаменты и хирургические инструменты, которые с большим риском выносила с работы. Набору скальпелей, перевязочным материалам, вате в те трудные годы, особенно у партизан, не было цены.

Тщательно замаскировав все это в санях, разведчики тронулись в обратный путь. Задание, полученное от партизанского командования, было выполнено. Мария и Борис везли в отряд, который располагался в те месяцы более чем в пятидесяти километрах от Бобруйска, разведанные по городскому гарнизону, боеприпасы и жизненно необходимые медикаменты.

Успешно пройдя многочисленные проверки, Масюк и Пигулевский глухими лесными дорогами медленно приближались к партизанской зоне. Позади была уже большая часть нелегкого пути. И здесь, когда, казалось, никаких неожиданностей уже не будет, их подстерегала еще одна опасность.

Усталая лошаденка, плетясь из последних сил, вынесла повозку на маленькую лесную полянку, которой заканчивалась длинная и узкая просека. Мария, державшая в руках вожжи, в этот момент зачем-то обернулась к Борису. А снова взглянув вперед, она не поверила своим глазам: прямо на них с другого конца поляны мчались сани, набитые людьми в серо-зеленых шинелях...

— Гранаты, Борис!

Рука Пигулевского, уже понявшего, что впереди опасность, зашарила под слоем сена: там было оружие.

Расстояние между повозками тем временем быстро сокращалось.

Натянув вожжи, Мария придержала лошадь, уступая колею немцам. Однако дорога была слишком узка, чтобы на ней могли свободно разъехаться двое саней. Масюк поняла это слишком поздно: когда сани с гитлеровцами, зацепившись за их розвальни и едва не опрокинув их, остановились.

Наступило короткое замешательство.

Положению разведчиков едва ли можно было позавидовать: в санях боеприпасы, медикаменты, оружие. Достаточно найти их

фашистам — и все будет кончено...

Медлить нельзя. Пигулевский, прекрасно понимая это, взял инициативу в свои руки. Молча соскочив с саней, он торопливо обошел вокруг них, прикидывая, с какой стороны лучше взяться за розвальни, чтобы сдвинуть их в сторону. Сила у Бориса была недюжинная: это оказалось для него делом минутным.

Все это время Мария, ни жестом, ни взглядом не выдавая своего напряжения, молчала, внимательно наблюдая за гитлеровцами, а рука ее в любой миг готова была юркнуть за полушубка и выхватить оттуда пистолет.

Однако фашисты, принявшие, очевидно, Масюк и Пигулевского за местных крестьян, не проявили, как ни странно, никакой враждебности. Громко переговариваясь между собой и посмеиваясь, они явно забавлялись происходящим. Такое в то время случалось нечасто.

Поправив упряжь, Борис, по-прежнему не произнося ни слова, уселся в сани и, будто бы ничего и не случилось, кивнул Марии:

— Трогай потихоньку.

Вскоре лесная полянка, а вместе с ней и опасность остались позади.

Немало бесстрашных разведчиц узнал я за долгие годы войны на партизанских тропах и помню их всех, очень молодых, отважных и преданных своему народу. Но образ Марии Масюк память хранит особо. Наверное, это потому, что она была первой. Первой партизанской разведчицей, которую я встретил на белорусской земле.

Наступала весна сорок второго года. Ширилось и крепло народное движение на временно оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии. В глубоком тылу у фашистской армии под руководством подпольных комитетов партии возникали сотни новых партизанских отрядов. Борьба на вероломно захваченной, но непокоренной земле республики разгоралась с новой силой. Летели под откос эшелоны с боевой техникой и живой силой врага, выводились из строя немногочисленные, с трудом восстановленные фашистами после отхода Красной Армии заводы и фабрики, повсеместно повреждались коммуникации, линии связи, шоссейные и грунтовые дороги, имеющие стратегическое и оперативное значение. В деревнях подвергались нападению, а нередко уничтожались гарнизоны и посты вермахта и полиции. Срывался сбор продуктов и скота у населения, успешно велись бои против карательных экспедиций. Появлялись даже партизанские зоны, целиком освобожденные от врага, занимавшие порой очень значительные территории.

Народ поднялся на борьбу.

Гитлеровское командование было вынуждено отзывать целые дивизии с восточного фронта и направлять их в свои тылы, чтобы задушить борющийся народ, сломить его волю и дух.

Усложнявшаяся с каждым днем обстановка требовала от партизанского командования резкого повышения бдительности, постоянного совершенствования и активизации деятельности разведорганов. Ведь только благодаря своевременной и абсолютно точной информации можно было успешно противостоять жестокому, коварному и очень сильному врагу. В этих условиях командиры и штабы отрядов все чаще и чаще привлекали к сбору разведданных советских женщин и девушек, и они вели эту работу не хуже, а порой даже и успешнее, чем мужчины.

Почти все они жили в деревнях, отлично знали местность и все ее особенности, и это позволяло разведчицам с относительной безопасностью заниматься сбором сведений. Без их бескорыстной, предложенной ими самими помощи нам, партизанам, пришлось бы очень трудно.

Конец марта и начало апреля сорок второго года для партизанских групп и отрядов, располагавшихся к югу от Бобруйска, оказались на редкость тяжелыми. Все или почти все населенные пункты в этой зоне были заняты гитлеровскими войсками. Кровавопролитные столкновения с ними происходили ежедневно. Стоянки отряда приходилось менять тоже почти каждый день. Холод, нехватка боеприпасов и продуктов остро давали о себе знать.

В середине апреля молодежный партизанский отряд Евгения Качанова, в котором я был комиссаром, по указанию областного подпольного комитета партии должен был переместиться на северо-запад и вести активную борьбу с врагом в Могилевской области, в районе крупного железнодорожного узла Осиповичи.

К концу апреля мы с боями совершили переход в осиповичские леса и вместе с партизанскими отрядами Александра Шашуры, Алексея Кудашева и Николая Анисимова включились в борьбу против гитлеровцев внутри небольшого «треугольника», ограниченного Осиповичами, Бобруйском и Старыми Дорогами.

Обстановка в новом районе была сложной, особенно в первые месяцы. Но, к счастью, нам быстро удалось найти всестороннюю поддержку у местного населения, в том числе у девушек, женщин. Многие из них стали нашими верными и надежными помощниками, оказывая молодежному отряду неоценимые услуги

сбором разведанных. Это был наш крепкий и незаменимый тыл.

Вскоре нами были достигнуты и первые успехи. После ряда тщательно подготовленных и удачно проведенных операций мы разгромили значительную часть гитлеровских гарнизонов и постов в «треугольнике». Однако вдоль участков железной дороги, таких, как Осиповичи — Бобруйск, Осиповичи — Старые Дороги, а по шоссейной магистрали Брест — Бобруйск на отрезке от Бобруйска до Старых Дорог враг был по-прежнему силен. Здесь его гарнизоны, хорошо вооруженные и укрепленные, нам были пока еще, как говорится, не по зубам.

Потеряв большинство гарнизонов внутри «треугольника», где мы находились, гитлеровцы резко активизировали свои действия против нас извне, в особенности силами подразделений, располагавшихся в Осиповичах, Бобруйске, в поселке Глуша, в деревнях Заволочицы, Симоновичи. Их, разумеется, интересовали боеспособность, вооружение и численность партизанских отрядов и групп, точное расположение наших лагерей. Зная все это, каратели, используя ограниченные размеры «треугольника» и выбрав удобный момент, могли бы внезапно подтянуть свои находившиеся поблизости силы и расправиться с партизанами.

Совершенно естественно, что в этих условиях самыми важными, жизненно необходимыми для нас стали высокая организованность, дисциплина и, конечно же, осторожность. Вот почему вопросам тщательной, детальной разведки уделялось особое внимание. Без нее мы были обречены на гибель.

Отряд наш, хотя и малочисленный, насчитывающий в своих рядах лишь сорок пять человек, был вместе с тем довольно подвижным и хорошо вооруженным.

В первые же недели на новом месте штаб столкнулся с серьезной проблемой. Подыскать в каждом из крупных гарнизонов противника надежных разведчиков, людей, которые бы, не вызывая подозрения у врага, работали на нас, мы некоторое время не могли. Желающих помогать нам было много. Однако по тем или иным причинам все они не подходили. Не теряя надежды, мы продолжали свои поиски, твердо зная, что рано или поздно найдем нужных людей.

Солнечным майским полднем два взвода нашего отряда неторопливо входили в небольшую, с трех сторон окруженную густыми лесами деревушку Парщаха. Всего в пяти километрах отсюда, по шоссейной магистрали Москва — Брест на восток двигались гитлеровские войска, монотонно ревели моторы танков с крестами на башнях и тяжелых грузовиков в грязно-зеленых разводах камуфляжа. Враг был рядом.

Посмотреть на партизан вышла вся Парщаха. Деды, старухи, босоногие ребятишки, веселой гурьбой бежавшие впереди колонны, домовитые матери с детишками на руках и, конечно, девчата, молодые, задорные, с улыбками разглядывающие хлопцев. Теплые приветствия, приглашения зайти в хату раздавались со всех сторон.

Проходя мимо одного из домов, мы с Евгением Качановым обратили внимание на статную молодую женщину, стоявшую возле невысокой изгороди. Две совсем еще маленькие девчушки, крепко ухватившись за мамину юбку, с живым интересом изучали нас, а третья, немного постарше и посмелей, даже вышла на дорогу:

— Здравствуйте, дяди партизаны!

— Ух ты, какая бедовая, — улыбнулся Качанов. — Как же тебя зовут?

— Валя.

— А сестричек?

— Надя и Лиза, — ответила Валя.

— Заходите к нам в гости! — позвала хозяйка.

— Непременно зайдем, — пообещали мы. — Но только не сегодня — очень торопимся!

И действительно, в Парщахе нас ожидало несколько важных встреч, назначенных заранее, и лишним временем мы не располагали. Поэтому, еще раз поблагодарив за гостеприимство хозяйку, которая назвалась Тиной Слезиной, и «погрозившись» обязательно навеститься на бульбу, мы отправились дальше.

Прошло несколько дней, прежде чем вновь мы оказались в этой тихой деревушке. И снова нас окружили добрые, радушные люди, на помощь и поддержку которых, как мы уже успели понять, всегда можно было рассчитывать.

Поздоровавшись с нами как со старыми и добрыми знакомыми, хозяйка пригласила в дом. На столе появился дымящийся чугунок с горячей бульбой, без которой, пожалуй, не мыслит жизни своей ни один белорус, и запотевший, прямо из погреба, кувшин молока.

Постепенно, слово за слово, мы разговорились. Хозяйка поделилась последними новостями из жизни окрестных деревень, подробно описала обстановку в них. Через полчаса, когда мы уже собирались уходить, она поинтересовалась к слову: почему с недавнего времени в деревнях перестали появляться сводки Информбюро, которыми до этого их регулярно снабжали наши партизаны?

Вопрос был вполне закономерным. Переглянувшись с командиром, мы честно признались, что аккумулятор нашего

старенького отрядного приемника безнадежно сел, и, пока нам не удастся раздобыть новый, партизаны и, конечно, местное население будут, к сожалению, лишены возможности слушать голос родной Москвы, узнавать последние новости с фронтов.

Немного подумав, Тина, к нашему великому удивлению, сказала:

— А я ведь, пожалуй, могла бы вам помочь...

Эти слова были восприняты нами в первый момент как шутка. Но женщина была настроена абсолютно серьезно, и мы, видя это, естественно, заинтересовались предложением.

— У вас что же, есть аккумулятор? — спросил Качанов.

— Пока нет, но, думаю, вскоре появится.

И Слезина обстоятельно изложила свой, только что созревший у нее, как нам показалось, довольно рискованный план поездки в Осиповичи. Там, по словам Тины, у нее были надежные друзья. Они-то и могли помочь достать новое питание к нашему отрядному приемнику.

Затея была заманчивой. Однако Евгению Качанову и мне было хорошо известно, как досконально и тщательно контролируются органами СД и местной комендатуры Осиповичи, крупный железнодорожный узел, через который непрерывным потоком следуют на восток тяжело груженные воинские эшелоны, боевая техника. Охота за городскими подпольщиками и партизанскими связными была в ту пору в самом разгаре.

После долгих колебаний мы решили все-таки отказаться от предложения Тины: слишком велик был риск. Посылать многодетную мать, муж которой находился на фронте, в опасную, грозящую гибелью поездку мы не имели никакого права.

Но у женщины и на это нашлись свои аргументы.

— Вы думаете, что я еду в Осиповичи впервые? — широко улыбнулась Тина, выслушав наши доводы. — Что вы! Только за последний месяц я была там три раза. Вот взгляните...

И она, достав из буфета небольшую жестяную баночку, поставила ее на стол перед Качановым. Крупные беловато-серые кристаллы заполняли ее почти доверху. Соль! Даже хлеб, пожалуй, не ценился в тяжелую военную годину среди жителей оккупированных городов и деревень Белоруссии так высоко, как обыкновенная соль. Люди тщательно берегли и крайне экономно расходовали каждую ее крупицу.

Доставать соль было чрезвычайно трудно. Захваченные после отступления Красной Армии продовольственные склады оказались в полном распоряжении врага, снабжение населения многими продуктами, и в первую очередь солью, практически

прекратилось. Это вынуждало людей на кабальных условиях выменивать ее у предприимчивых солдат и офицеров гитлеровских войск за мясо, масло, яйца, молоко и сало. Нередко односельчане в складчину собирали продукты и посылали кого-то одного из деревни, кому больше доверяли и кто умел по возможности договориться, в гарнизоны — на обмен. Уходила поутру телега с полными до краев корзинами с едой, а возвращалась к вечеру с несколькими небольшими кулками соли.

Тина рассказала о том, что, начиная с этой зимы, ей приходилось несколько раз ездить в Осиповичи за солью, выменивая ее у гитлеровских офицеров, служивших на железнодорожной станции, в жандармерии и в комендатуре. Но гораздо более важным было другое. По ее словам, с некоторыми из офицеров-коммерсантов у Тины даже установились настолько прочные «деловые» отношения, что они давали ей повод с относительной, конечно, безопасностью в любое время появляться в городе. А частые поездки в Осиповичи и «влиятельные знакомства», о которых в Парщахе знали, делали Тину и в гарнизоне человеком, который пользовался у гитлеровцев доверием.

Внимательно слушая женщину, мы прекрасно понимали, насколько удачным было ее «прикрытие» в Осиповичах и каким полезным могло оно стать для нашего отряда именно теперь, когда командование особенно остро нуждалось в разведанных из этого наиболее крупного в окрестностях вражеского гарнизона. Вот почему, еще раз все тщательно взвесив, мы с командиром дали согласие на поездку Тины в Осиповичи.

Возвращения Слезиной мы ждали с нетерпением и тревогой. «Неужели ее усилия окажутся напрасными?» — думал каждый из нас, понимая, насколько сложно достать в это время аккумулятор для радиоприемника, за одно хранение которого по приказам оккупационных властей грозил расстрел на месте. Еще труднее и опаснее было вывезти его за пределы города, преодолевая на пути многочисленные проверки и допросы.

Но Тина вернулась. Заметно осунувшаяся. Под толстым слоем сена на телеге лежал хоть и не новый, но недавно залитый свежим электролитом и подзаряженный аккумулятор.

И партизанский приемник вновь ожил. Окрестные сельчане по-прежнему стали регулярно получать очередные сводки Совинформбюро. А в нашем отряде имени Ворошилова появилась еще одна разведчица — Тина Слезина. Она привезла не только аккумулятор. Тина передала командованию немало интересующих партизан сведений о передвижении воинских

эшелонов через Осиповичский железнодорожный узел, а также о силах и вооружении городского гарнизона. Информация оказалась довольно важной, вполне подробной и достоверной. Вскоре сведения, добытые Слезиной, были переданы армейской разведке.

За первой поездкой в город последовала вторая, затем третья. Инициатором новых и всегда очень смелых планов и идей выступала сама Тина. Все действия, связанные с разведкой в осиповичском гарнизоне, когда она предлагала их план штабу отряда, были тщательно, до мелочей продуманы и взвешены. Но, увы, стать менее опасными от этого они, конечно, не могли.

Используя свое на редкость удачное «соляное» прикрытие и широкий круг деловых знакомств в Осиповичах, и прежде всего среди офицерского состава, разведчица все чаще и чаще появлялась там. Солдатня в гарнизоне, разузнав, с кем именно ведет свои торговые операции эта молодая и бойкая деревенская женщина, беспрепятственно пропускала ее в город, лишь иногда требуя документы.

Через некоторое время и многие из жандармов уже знали нашу разведчицу по имени и еще издали, завидев ее на медленно подъезжающей телеге, заранее открывали шлагбаум. Особенно «теплые» отношения сложились у Тины с гитлеровцами на южном посту при въезде в город. Каждый раз, проезжая там, она не забывала одарить их десятком свежих яиц и кувшином кислого молока. Большого просить, а тем более требовать от нее, видимо, побаивались, особенно после того, как один из офицеров повадился время от времени провожать Тину до пропускного пункта на окраине города и вежливо козырял при расставании. Знал бы он, что под плотными охапками лежалого сена, в двойном настиле досок на дне телеги, рядом с которой он неторопливо прогуливался, были порой укрыты пачки листовок, зовущих народ на борьбу против фашизма, а чуть позже — и патроны, оружие!

Но никто, кроме очень ограниченного круга людей, об этом не имел ни малейшего представления. Целью ее ставших регулярными поездок в Осиповичи продолжала оставаться для всех в Парщахе, да и в окрестных селах, соль. С просьбами помочь достать им немного соли к нашей разведчице нередко стали обращаться и жители ближних деревень. Отказа не получал никто. Ведь это делало прикрытие Тины еще более авторитетным.

В начале июня 1942 года в результате решительной и смелой операции, проведенной партизанским отрядом имени Ворошилова вместе с отрядами Александра Шашуры и Алексея Кудашева, подверглись внезапной атаке и были разгромлены

одновременно два крупных и хорошо укрепленных сельских гарнизона врага — в деревнях Межное и Максимовские Хутора. Небольшая лесная зона, лежащая между Бобруйском. Осиповичами и райцентром Старые Дороги, на долгое время целиком и полностью оказалась партизанской: разбитые гарнизоны были последним оплотом оккупантов здесь.

Радости партизан не было предела. Все прекрасно понимали, насколько важен и серьезен этот успех: на территории, временно захваченной врагом, появился еще один, пусть совсем маленький, но наш, советский район, до конца очищенный от фашистской нечисти. И в этом была немалая заслуга Тины Слезинной: за несколько дней до операции она по заданию командования нашего отряда блестяще провела разведку в гитлеровских гарнизонах. Ей было достаточно лишь однажды побывать там, чтобы во всех подробностях досконально установить расположение огневых точек врага, систему оборонительных сооружений, караулов, застав. Конечно, Тину в любой момент могли схватить гитлеровцы. Она знала об этом, но действовала всегда спокойно, хладнокровно, расчетливо.

Однажды, вернувшись, как и обычно, из города, Тина неторопливо, с таинственным видом достала из телеги весь облепленный сеном, но новенький и совершенно исправный радиоприемник.

— Подарок вам от молодежи города, — пояснила она, скромно отходя в сторону.

Мы просто поражались мужеству и выдержке этой простой женщины. Ведь почти на каждой улице оккупированного врагом города, из которого она только что вернулась, были снова, в который раз, вывешены многочисленные приказы с категорическим, ультимативным требованием немедленно сдать все имеющиеся у населения радиоприемники!

— Вообще-то я не трусиха, — призналась чуть позже Тина. — Но на этот раз нервы едва не сдали. Еду по городу... Жара, пыль, дышать нечем. И куда ни посмотришь — всюду серо от солдатских мундиров. Кажется, будто все взгляды направлены прямо на тебя. И вот впереди — патруль. Два здоровенных фашиста: «Хальт, партизан!..» Сердце у меня так и оборвалось. «Ну все, — думаю, — приехала!» А потом, когда глянула я им в глаза, до того сонными и равнодушными они мне показались, просто ужас! «Что-то здесь не так, — соображаю. — Знали бы, что я партизанка, по-другому бы смотрели!» Улыбнулась я им через силу и вежливо так отвечаю: «Найн, пан, никс партизан!» И паспорт свой подаю. Почитали они, полистали, на телегу кивают: что, мол, везешь? А один даже сено начал ворошить. Показываю

им кульки с солью, а сама думаю: «Только бы под рогожу не полезли — тогда уж ничего не спасет!» Начали они кульки щупать, а я с детьми мысленно прощаюсь... Но рогожу почему-то поднимать не стали, лень, видно, было. Ни слова не говоря, пошли дальше...

После этого случая командование решило категорически запретить ей вывозить из Осиповичей что-либо, кроме разведывательных данных. И соли, конечно. Это во-первых. А во-вторых, чтобы сократить до минимума степень риска, которому каждый раз подвергалась разведчица, мы попросили ее в дальнейшем поддерживать связь лишь с какой-то одной связной в Осиповичах. Это в какой-то степени уменьшало опасность провала хотя бы временно.

Однако Тина запротестовала.

— Вы не имеете никакого права жалеть меня, — горячилась она. — В жалости я никогда не нуждалась и нуждаться не буду. А вот в силы мои верьте, обязательно верьте! Городские подпольщики-комсомольцы с риском для жизни собрали для вас оружие, патроны, гранаты. И все это нужно вывезти. И уж тут, хотите или нет, без моей помощи вам не обойтись! Чтоб вывозить оружие ночью — даже и думать нечего. Остается одно — переправлять днем. А с этим, сами понимаете, пока никто вернее меня не справится! И знаю я, на что иду.

Что мы могли на это ответить? Отдавать все свои силы и даже жизнь, если потребуется, справедливой борьбе с врагом — это было, бесспорно, ее неотъемлемое право. Нам оставалось лишь убедительно и настойчиво просить Тину беречь, насколько это возможно, себя и тщательно продумывать, взвешивать каждый свой шаг, ни на минуту не забывая об осторожности.

Но предусмотреть абсолютно все было, конечно, невозможно. И я не могу не вспомнить сейчас короткий эпизод из боевой судьбы Тины, когда лишь счастливая случайность спасла ее от неминуемой, казалось бы, гибели.

В Осиповичи Тина попала уже под вечер. Пачка листовок и сводок Совинформбюро была на этот раз не очень большой, и, спрятав ее под кофту, а повозку с лошастью оставив у друзей, она не спеша отправилась на квартиру связного-подпольщика.

Проходя по глухой окраинной улочке, женщина посторонилась, уступая дорогу двум основательно подвыпившим и нетвердо державшимся на ногах солдатам. Однако те, мутными глазами оглядев ее стройную фигуру, совершенно неожиданно преградили ей путь.

Некоторое время они в упор разглядывали Тину, обмениваясь какими-то замечаниями, а потом один из них, неторопливо, по-

хозяйски, протянув руку, сорвал с нее грубый, деревенской вязки платок, надвинутый низко на лоб, почти до самых бровей.

Должен заметить, что Тина была на редкость хороша собой. Высокая, стройная блондинка, с густыми, чуть вьющимися волосами, она не могла не привлекать к себе внимание. На лице ее с удивительно правильными чертами особенно выделялись глаза — умные, живые и очень добрые.

Но все, чем так щедро одарила ее природа, с приходом на родную землю врага надо было тщательно прятать. И молодой, красивой женщине пришлось надеть черное, поношенное платье, закутать лицо платком, оберегаясь от липких, омерзительных своей вседозволенностью взглядов оккупантов. Но иногда случалось, что и это не помогало.

Платок упал к ногам партизанки, и гитлеровец, обменявшись восхищенным взглядом со своим приятелем, грубо и больно схватив женщину за руку, потащил ее во двор ближнего дома.

Положение было совершенно безнадежным. И разведчица, оглядываясь в отчаянии по сторонам, хорошо понимала, что помощи ей ждать неоткуда. Улица по-прежнему оставалась пустынной, и только в окне одного из домов мелькнуло чье-то испуганное лицо. Мелькнуло и тотчас же исчезло.

Дело принимало дурной оборот: листовки и сводки Совинформбюро в любой момент могли посыпаться на землю, к ногам озверевшей солдатни. И тогда — конец! Поняв, что терять уже нечего и что вот-вот она будет раскрыта, Тина, изловчившись, с силой укусила запястье гитлеровца, который по-прежнему упрямо и грубо тащил ее во двор.

— А, русиш швайн! — морщась от боли, вскрикнул фашист, невольно отпуская женщину и стряхивая с руки выступившую кровь.

Широко размахнувшись, со всей силы женщина ударила по лицу второго солдата и, резко отскочив к стене дома, схватила лежащую там лопату, готовая защищаться.

Разъяренные внезапным отпором, гитлеровцы снова бросились к Тине. Но в тот же момент отрывистый, гортанный окрик, неожиданно раздавшийся сзади, заставил их застыть на месте. Два офицера, лениво похлопывая стеками по голенищам сапог, холодными и внимательными взглядами наблюдали за происходящим. И в одном из них, пораженная и не до конца еще поверившая в спасение, Тина узнала своего постоянного «коммерческого партнера». Ободряюще кивнув ей, офицер бросил суровый взгляд на опеших солдат и небрежным жестом подозвал их к себе.

Спасена!

Рассказывая нам об этом происшествии, Тина явно бодрилась, пытаясь убедить нас в том, что придавать ему особого значения не стоит: чего, мол, не бывает! Но по ее глазам, напряженным и совсем не веселым, Евгений Качанов и я поняли, насколько сильно потряс ее этот случай и что прийти в себя после него она до сих пор еще не смогла.

Однако и на этот раз состоявшийся между нами серьезный разговор ни к чему не привел. Разведчица наотрез отказалась ограничиться лишь сбором разведывательной информации. Как и прежде, каждую неделю продолжала она вывозить из Осиповичей оружие, боеприпасы, медикаменты. Лишь в одну из своих поездок отважной женщине удалось среди бела дня доставить из города в отряд два ручных пулемета, пять винтовок и две тысячи патронов!

Но риск, несмотря на идеальное, казалось, прикрытие и на все необходимые меры предосторожности, оставался все-таки безмерно большим. И то страшное, что подстерегало Тину Слезину на каждом ее шагу, что могло произойти в любую минуту и чего все мы так боялись, случилось...

Июльским вечером при выезде из Осиповичей нашу отважную разведчицу совершенно неожиданно схватили гитлеровцы.

Здесь стоит на некоторое время прервать рассказ о бесстрашной Тине и о том, что именно произошло в тот роковой день на разбитой проселочной дороге в полукилометре от контрольного поста на южном выезде из Осиповичей, сделав небольшое отступление. Сюда вплелась судьба еще одной девушки, семнадцатилетней комсомолки Анны Коваль. Ее тоже арестовали вместе с Тиной. Именно Аня Коваль и оказалась одной из первых девушек-подпольщиц, с кем нашей Тине удалось установить непосредственную связь в Осиповичах и в ком она нашла надежную и неутомимую помощницу.

...Когда началась война и гитлеровские войска оккупировали город, Аня, окончившая к этому времени 9-й класс 33-й железнодорожной школы, вместе с братом, комсомольцем Иваном, немедленно включилась в работу одной из антифашистских подпольных групп.

Через некоторое время ей удалось вступить в контакт с партизанами отряда Алексея Кудашева. И с этого момента она становится их постоянной связной и разведчицей. Почти каждую неделю девушка, рискуя жизнью, в обход вражеских постов пробиралась из города к своим боевым друзьям. Информация, которую доставляла она партизанам, всегда была достоверной и исключительно точной.

Несколько позже, когда штаб принял решение о пополнении рядов отряда за счет осиповичской молодежи, именно Аня Коваль

взялась провести и провела первую группу из города. Партизанами тогда стали ее брат Иван, Жора Цыганков, Саша Колос и многие другие юноши.

Так же, как и Тина Слезина, Аня доставляла в отряд оружие, боеприпасы, медикаменты. Обратно, в Осиповичи, переправлялись сводки Совинформбюро, листовки, прокламации.

К этому времени двух молодых патриотов, несмотря на разницу в возрасте, уже очень многое связывало и роднило. И прежде всего общей была их горячая ненависть к фашизму, к гитлеровским оккупантам, беззаветное желание видеть свою Родину, свой край свободными, избавленными от вражеских угнетателей.

И этому делу, этой борьбе они, не колеблясь, отдадут все свои силы.

Я вспоминаю свою первую встречу с Аней Коваль летом сорок второго, в осиповичских лесах. Командир отряда Алексей Кудашев подвел тогда ко мне совсем еще молоденькую, лет шестнадцати на вид, очень обаятельную и застенчивую девушку.

— А это наша Аня. Только что из Осиповичей.

Оказалось, что на стоянку отряда эта девушка пришла глубокой ночью, с немалым трудом обойдя вражеские посты вокруг города, а затем, не зная точно, где располагался лагерь, несколько часов проплутав одна в лесных чащобах.

— Очень страшно было? — не удержался я от вопроса, с удивлением разглядывая тоненькую и еще по-детски угловатую фигурку Ани.

— Конечно. Особенно когда поняла, что заблудилась, — просто ответила девушка. — В какую сторону идти — не знаю. Кругом черно, лес сплошной стеной, деревья шумят, и за каждым кустом какие-то тени мерещатся. Лишь под самое утро, когда уже светать стало, на партизанский пост набрела.

Аня подробно рассказала нам о городских новостях, описала свои наблюдения за движением поездов и работой осиповичского железнодорожного узла, поделилась тем, что удалось узнать о недавно начавшихся восстановительных работах на ближайших торфозаводах. Все эти сведения оказались очень полезными и важными для нас.

В конце июля сорок второго года молодым подпольщикам Осиповичей удалось раздобыть, а затем и спрятать на одной из конспиративных квартир станковый пулемет «максим», гранаты и совершенно исправный радиоприемник. Тина Слезина и Аня Коваль решили, как и обычно, переправить все это партизанам. Приемник и гранаты предназначались для отряда Алексея Кудашева, а станковый пулемет должен был поступить к нам, в

новый молодежный отряд имени Ворошилова.

И то и другое Тина и Аня договорились вывезти из города одновременно, за один рейс. Хорошо зная, насколько важен для партизан этот груз, они решили не сообщать командованию отрядов о своей будущей поездке. И об этом замысле, на редкость смелом и чрезвычайно рискованном, таким образом, никому не было известно.

На первых порах все складывалось удачно. Обменные операции Тина успешно завершила, и уже под вечер, когда опасный груз был незаметно уложен в ее повозку и тщательно замаскирован там, женщины неторопливо тронулись в обратный путь.

Вот и контрольный пост на южной окраине города. Знакомый фельдфебель, не обращая внимания на протянутые документы, лениво машет рукой: проезжайте! На лице его, разомлевшем от дневной жары, которая лишь недавно начала спадать, написано полное равнодушие. Он-то хорошо знает, что именно везут в своей телеге эти женщины и что останавливать их сейчас не имеет никакого смысла: ничем, кроме соли, не поживишься!

Когда шлагбаум остается позади, разведчицы облегченно вздыхают: пронесло! Знакомства — знакомствами, а кто может поручиться, что гитлеровцам просто так, скуки ради, не придет в голову поворосшить сено в повозке?

Лошадь неторопливо трусит по проселку, с каждым шагом унося партизанок все дальше от вражеского поста.

И вдруг Тина, уже окончательно поверившая в счастливый исход дела, тихо охает и машинально подбирает вожжи. Впереди, не более чем в полукилометре, навстречу им нестройными рядами движется большая колонна гитлеровских войск.

Разведчицы молча переглянулись: подобных встреч у них еще не бывало!

Минут через десять партизанки, уже понявшие, что бежать некуда, оказываются в плотном окружении фашистов. Последовала тщательная проверка документов, а затем, после команды одного из офицеров, и обыск. На дорогу полетели, устилая землю вокруг, большие охапки сена. На дне телеги уже была видна грубая холстина нескольких туго завязанных мешков. Взгляды солдат, стоящих поблизости, устремляются туда. Когда же после некоторой возни гитлеровцы извлекли из мешков сначала радиоприемник, гранаты, а затем и ствол станкового пулемета, разведчицы, поняв, что надежды отговориться нет, бросаются в разные стороны. Их догнали солдаты. Через несколько минут, крепко связанных и избитых, вместе с оружием и радиоприемником повезли назад, в Осиповичи.

На следующий день о случившемся стало известно в партизанских отрядах. Было решено немедленно действовать.

Но перед нами не мог не возникнуть вопрос: есть ли реальная возможность спасти, освободить молодых патриотов? И если есть, то как именно это сделать? Мы прекрасно понимали, что силы партизанских отрядов, даже объединенные, для открытой боевой операции в городе были слишком малы, а точнее, просто ничтожны перед лицом мощного, хорошо оснащенного, имеющего тяжелое вооружение гарнизона врага. К тому же в Осиповичах постоянно находились регулярные армейские части, отведенные после боев на отдых либо перебрасываемые с одного участка фронта на другой.

Ситуация в самом городе тоже была неясной. Мы не знали, где именно содержатся арестованные разведчицы, где и в какое время проводятся допросы, как организована охрана и кто ее несет. Без этой информации, доставить которую могла лишь разведка, все наши планы освобождения Тины и Ани были бы нереальны. А мы могли действовать только наверняка.

Провести разведку в Осиповичах вызвались два местных жителя из Старого Села. В тот же день, получив документы, быстро собравшись, они выехали в город «на рынок».

Документы, к счастью, оказались надежными: проверка на контрольно-пропускном пункте при въезде в Осиповичи прошла удачно.

Оставив повозку на рынке, они не спеша, стараясь не привлекать к себе внимание, отправились к интересующим их местам. В первую очередь это были комендатура, СД, городская полиция.

Затем один из них попытался установить связь с врачом городской ветеринарной лечебницы, который мог помочь навести некоторые справки относительно арестованных. Его услугами мы нередко пользовались, до сих пор он не вызывал у нас никаких подозрений. Но разговор в ветлечебнице, едва начавшись, совершенно неожиданно прервался. Врача срочно потребовали по делам, и он тотчас же ушел. А несколько минут спустя оставшийся в его кабинете выглянул в окно и не поверил своим глазам: здание ветлечебницы окружали жандармы.

Положение становилось практически безнадежным. Ясно было, что его кто-то предал. Но кто? Этого он не знал. А если бы и знал, то это было бы неважно, если бы имя предателя не стало известно в отряде. Но, судя по всему, там не узнают.

Во дворе раздавались отрывистые команды: гитлеровцы готовились ворваться в здание. Наш разведчик, торопливо сняв с предохранителей оба пистолета, которые он взял с собой, твердо

решил отбиваться до последнего патрона. Другого выхода не было.

Резко распахнув наружную дверь, наш разведчик выскочил во двор и тотчас же лицом к лицу столкнулся с фашистами. Их было много, слишком много. Не прорваться! Почти в упор начал стрелять. Четверо упали сразу, не успев даже поднять автоматы, но на него полезли еще и еще. Кольцо сжималось. Немцы огня не открывали: он нужен был им живым, только живым!

Гитлеровцы подступали все ближе и ближе. Когда обоймы пистолетов опустели, разведчик выхватил из-за пояса единственную гранату, выдернул чеку и, сосчитав до трех, шагнул навстречу фашистам. От глухого взрыва вздрогнула земля...

После гибели нашего разведчика ситуация значительно осложнилась. Шансов на спасение Тины Слезиной и Анны Коваль практически не оставалось. Гитлеровцы были настороже, и мы не могли, не имели никакого права, не зная досконально обстановки в городе, что-либо предпринимать.

Тина и Аня мужественно выдержали мучительные пытки. Об этом мы судим по тому, что ни один знакомый им подпольщик не был арестован, ни на одну из стоянок не пришли гитлеровцы.

Погибая в жестоких муках с великим сознанием правоты своего дела, люди, крепкие духом, побеждают смерть. И остаются в сердцах живых живыми. Именно так погибли Тина Слезина и комсомолка Аня Коваль.

Их не стало, но на смену им приходили новые бойцы.

На тихой лесной дороге между деревнями Мосты и Парщах ютился единственный в этих местах крохотный хуторок. Сюда нередко наведывались отряды гитлеровцев, карательные и полицейские группы. Но не менее частыми гостями хуторян, дружной и работающей семьи Жлобичей, были и партизаны, делающие здесь свои кратковременные остановки. К великому счастью хозяев хуторка, дороги тех и других ни разу не пересеклись.

На первый взгляд могло показаться, что маленький хутор, затерявшийся в густых осиповичских лесах, живет тихой и совершенно мирной жизнью, погруженный в свои дела и заботы. Однако спокойствие это на самом деле было обманчивым. Вся семья Жлобичей, от мала до велика, оказывала серьезную и порой неоценимую помощь многим партизанским отрядам.

Наиболее значительной и весомой поддержкой мы были обязаны Полине Жлобич, родной сестре трагически погибшей

Тины Слезинной. Еще при ее жизни Поля стала нашей активной разведчицей на южном, противоположном Осиповичам направлении. Основным объектом ее разведывательной деятельности являлся вражеский гарнизон в большой деревне Симоновичи, которая раскинулась вдоль шоссеиной магистрали Брест — Бобруйск.

Гитлеровский гарнизон в Симоновичах, хорошо укрепившийся в массивном кирпичном здании почты, контролировал большой участок дороги, по которой на восток, в сопровождении танков, густым потоком двигались колонны вражеских войск, техники и всевозможные военные грузы. Гарнизон являлся узловым, опорным пунктом фашистов в борьбе против партизанских групп и отрядов, и в частности против нашего отряда.

В связи с тем что территория южноосиповичских лесов была крайне ограниченной, стоянки и лагеря отрядов нередко приходилось разбивать буквально рядом с Симоновичами, в трех-четырех километрах от фашистского гарнизона. Естественно, что такое соседство было далеко не безопасным для нас. Малейшее ослабление бдительности, потеря контроля за обстановкой в районе даже на самое короткое время грозили отряду неминуемой гибелью.

Не приходится поэтому говорить, насколько важной для нас была постоянная и абсолютно точная информация о всех замыслах противника здесь. И именно Поля Жлобич стала одной из наших добровольных разведчиц, постоянно державших командование отряда в курсе всех событий, происходящих в гарнизоне оккупантов.

Повода для частых визитов в деревню, которую отделяли от хуторка всего несколько километров, искать не приходилось: здесь с пятилетней дочерью жила еще одна родная сестра Поли — София. Это позволяло нашей разведчице, не вызывая особых подозрений, регулярно появляться в Симоновичах, задерживаться до поздней ночи, а иногда и оставаться до утра.

Самая удобная и короткая дорога от хутора вела через мост на реке Птичь, который охранялся усиленным караулом фашистов. Именно этим маршрутом и пользовалась первое время разведчица. Однако день ото дня ее частое появление здесь стало настораживать оккупантов. За смутными подозрениями, возникшими у охранников, последовали подробные, детальные расспросы, а чуть позже ее уже и допрашивали. Поля, поняв, что интерес врагов к ней не случаен и что добром это вряд ли может кончиться, нашла иные пути.

...Поздняя августовская ночь. Сквозь редкие белесые облака,

неторопливо скользящие по небу, часто проглядывает, проливая мягкий свет на землю, полная луна. Чуть желтоватая дорожка мелко рябит на темной и быстрой поверхности воды. Это Птичь. Один ее берег порос густым, малохоженным лесом, на противоположном, немного в стороне и вдали, — притихшие на ночь хаты Симоновичей.

Скоро полночь. Вокруг ни звука.

Нас трое. Вместе со мной, прижавшись к стволам деревьев, внимательно наблюдают за положим противоположным берегом командир одной из групп нашего отряда Николай Семенчук и мой тезка, брат Поли Жлобич, Владимир. Глаза у всех слипаются, но спать нельзя: в этот поздний час именно здесь у нас назначена важная и безотлагательная встреча.

— Пора бы уже, — нетерпеливо поглядывая на светящийся циферблат наручных часов, шепчет Николай.

Ему никто не отвечает. В напряженном молчании проходит еще несколько минут. Неожиданно Владимир легонько касается рукой моего плеча: «Внимание!» Теперь и я начинаю различать на другом берегу реки какой-то шорох. Проходит минута-другая, и у самой кромки воды, едва различимой в полумраке, появляется одинокая фигура.

— Она! — шепнул Володя.

Постояв еще немного, тонкая девичья фигурка осторожно, без единого всплеска, входит в реку. Вода очень холодная: всю последнюю неделю, не прекращаясь, шли проливные дожди. Однако девушка, словно и не замечая этого, медленно погружается до плеч, а затем, потеряв под собой дно, пускается вплавать.

Хотя ширина Птичи в этом месте невелика, течение очень сильное, и бороться с ним далеко не просто. Быстрая речная стремнина, с ее водоворотами и ледяными ключами, незаметно отнимает у пловца силы, относя вниз, к опорам темнеющего неподалеку моста, откуда изредка доносятся голоса и звуки гулких шагов. Это охранники.

Проходит несколько минут, и из воды неподалеку от нас выбирается на берег девушка. Торопливо отжав платье, она внимательно оглядывается по сторонам. Мы выходим ей навстречу.

— Заждались, наверное?

Не узнать этот веселый задорный голосок невозможно: Поля Жлобич! Я крепко жму маленькую девичью руку и первое, что чувствую при этом, — сильный озноб, который бьет все ее тело. Вода стекает с Полиной одежды на землю, по длинным волосам на плечи.

— Эх, сейчас бы костер развести! — вздыхает Владимир. — Сильно замерзла, Полечка?

Она не отвечает на этот вопрос. И тут же, словно боясь, что ее прервут или она пропустит какую-нибудь деталь, горячо шепчет:

— В Симоновичи еще с вечера пришло очень много гитлеровцев. Я была у сестры и сама все видела. Против вас готовится карательная экспедиция. Начнется она скорее всего сегодня на рассвете. Сведения верные — ваш человек из полиции сообщил, а мои девушки подтвердили. Так что принимайте меры!

Мы переглядываемся: сообщение очень важное и, что самое главное, весьма своевременное. Надо спешить в отряд!

Поля вызывается проводить нас до лагеря: это по дороге на ее хуторок. Больше часа пробираемся сквозь густые лесные чащобы, бредем по пояс в мутной болотной воде, изредка вспугивая спящих птиц и какое-то мелкое зверье. Ориентиров — никаких, но девушка ведет уверенно, очевидно, по своим, одной ей известным приметам.

Наконец, когда позади остается почти шесть километров пути по бурелому, глубоким оврагам, болотам и сплошным зарослям густого кустарника, мы, наконец измотанные и насквозь промокшие, выбираемся на знакомую лесную просеку. Здесь наши дороги расходятся. Мы спешим на стоянку отряда: предстоит срочно, среди ночи подняв людей, вывести их из этого района. А Поля, счастливая тем, что смогла помочь партизанам, не замечая холода и ветра, побежала к себе на хутор.

Отряд, немедленно поднятый по тревоге, в течение часа свернув свой лагерь, переместился на новое место, в небольшой лесной массив, вплотную прилегающий к шоссеиной магистрали. В окрестных деревнях он зовется необычно: «черепаха».

Поля же, знаем, обогревшись и высушив одежду, после короткого отдыха ранним утром вновь поспешила в Симоновичи. И опять ей предстоит брести зыбкими, ненадежными тропами по гнилым, топким болотам, пробираться сквозь мрачные лесные чащи, рискуя в любой момент оказаться на пути гитлеровцев, а затем бросаться в холодные воды реки и, выбиваясь из сил, плыть к другому берегу. И так изо дня в день каждую неделю. В кромешной ночной тьме и ранним туманным утром, в проливной осенний дождь и в первые зимние заморозки, на ледяном ветру и под оглушительными грозовыми раскатами. В такое верится с трудом. Но все это было!

В августе сорок второго Поле через партизанских связных из деревни Заволочицы, расположенной недалеко от Симоновичей, стало известно, что немецкие мародеры готовятся выехать в ближнюю деревеньку Мосты для очередного грабежа населения.

Юная разведчица немедленно сообщила об этом в отряд.

Спустя час группа партизан во главе с Михаилом Сидоровичем Полонейчиком устроила засаду, укрывшись на картофельном поле рядом с проселочной дорогой, проходящей через деревню. Едва бойцы успели установить пулемет и приготовиться к бою, как со стороны деревни появилось около двух десятков велосипедистов, которые, оживленно переговариваясь между собой, громко смеялись.

Они все ближе и ближе. Вот уже отчетливо видны привязанные к рамам велосипедов котомки и мешки с награбленным. Не подозревая ничего, — место-то открытое, лес далеко! — гитлеровцы едут спокойно и весело, не считая даже нужным выслать вперед разведку.

Возмездие настигает их несколько секунд спустя. Над пыльным большаком, неожиданно и веско разорвав тишину, пророкотала пулеметная очередь, грянули винтовочные выстрелы. Девятнадцать (потом стало известно) оккупантов уже не вернутся в свой фатерлянд с нашей земли. Спасибо тебе, Поля!

Вспоминается мне еще одна встреча с Полей Жлобич. На этот раз солнечным осенним днем недалеко от ее хуторка. Невысокая, светловолосая девчушка с большими голубыми глазами на округлом, миловидном лице внимательно и очень серьезно слушала нас. Ей предстояло новое задание: разведать подходы и охрану моста через Птичь. Необходимо было досконально и точно узнать время смены вражеских караулов, их численность и состав, расположение и количество огневых точек. Успех предстоящей операции во многом зависел от этого. И командование отряда при выборе кандидатуры разведчика было единодушным: только Жлобич!

В Поле мы не ошиблись и на этот раз: с нелегким и опасным заданием она справилась, как всегда, блестяще.

Со смертью сестры у Поли появились новые заботы: на следующий же день после трагедии в Осиповичах она перевезла малышей Тины к себе на хутор и все свободное время отныне посвящала им. Девушка целиком отдала себя детям, пытаясь заменить им погибшую мать.

Никто из нас не мог, конечно, оставаться к этому равнодушным. И пришел день, когда мы, решившись на откровенный разговор, приехали на хутор Жлобичей. Понимая, насколько трудно теперь нашей Поле вести регулярную разведку в Симоновичах, и подыскав ей надежную замену, командование решило освободить девушку от ее нелегкой и опасной работы.

Однако состоявшийся разговор закончился для нас совершенно неожиданно.

— Полечка, за все, что ты сделала для отряда, за твое мужество и героизм огромная тебе благодарность! От командования, от бойцов, от всех нас, — сказал я. — Но теперь, когда у тебя на руках детишки Тины, мы не можем больше, не имеем права рисковать тобой. Слишком уж велика опасность. И как ни важна нам твоя помощь, малышам ты гораздо нужней. Не обойтись им без тебя!

— А кто же поведет разведку на Симоновичи?

— Есть у нас замена. Об этом не беспокойся.

Последовала минутная пауза, а затем, совершенно неожиданно для нас, глаза девушки наполнились слезами.

— Значит, и замену уже успели подобрать? Быстро это у вас. А как же я? Не нужна больше?

— Пойми нас правильно, Поля. Мы не можем, не имеем права рисковать тобой. Дети к тебе успели привыкнуть, и отнимать у них этого нельзя! Ни в коем случае!

— О девочках не беспокойтесь. Вокруг — славные, добрые люди: в беде они никого не оставят. А лишаться разведчицы отряду, думаю, не годится. Тем более что прикрытие у меня надежное и причин для тревоги пока никаких.

Прийти к общему мнению нам так и не удалось. А неделю спустя мы узнали, что Поля Жлобич, побывав в соседнем отряде Алексея Шашуры, договорилась с командованием о ведении разведки в направлении Симоновичей.

Однако крепкая товарищеская дружба Поли с нами на этом не прервалась. Девушка продолжала бывать у нас в гостях, тем более что в отряде имени Ворошилова политруком одной из партизанских рот был ее родной брат Владимир Жлобич. И каждый раз бойцы отряда встречали ее с теплотой и любовью, как сестру.

Но никто не знал, какая страшная участь ждет ее вскоре.

Осенняя ночь сорок второго. На резком, насквозь пронизывающем ветру одинокая девчушка упорно борется с волнами темно-свинцовой Птичи. Едва выбравшись на берег и торопливо отжав мокрую одежду, Поля бежит к Симоновичам.

Встревоженная София еще на пороге встречает сестру.

— Сегодня ночью гитлеровцы проведут крупную операцию, — с волнением в голосе шепчет она. — Каратели большими силами выступают в район Парщахи. Их много, очень много. Надо предупредить партизан!

Погруженная во мрак деревня, несмотря на поздний час, полнится сильным ревом прогреваемых автомобильных моторов. Большая колонна крытых армейских грузовиков вот-вот с зажженными фарами тронется в путь.

Медлить нельзя ни минуты! И Поля, не успев даже обсушить платье, бросилась к реке. Моросил мелкий холодный дождь. До Парщахи неблизко: больше пяти километров нехоженными болотами, оврагами.

До стоянки отряда наконец остается два километра. Вот и знакомое пересечение безлюдных лесных дорог: самое трудное уже позади.

Но здесь оказалась вражеская засада.

Под вечер, когда карательный отряд гитлеровцев, так и не обнаружив партизанского лагеря, снял засаду и ушел из лесу, группа разведчиков нашла в придорожном кювете обезображенный и уже холодный труп. С большим трудом партизаны опознали Полю Жлобич...

Той же осенью сорок второго года нашим разведчикам оказала помощь еще одна патриотка.

И вот перед командиром группы разведчиков нашего отряда Николаем Семенчуком стоит молодая, чуть больше двадцати лет, с приятным, открытым лицом женщина. Из Симоновичей ее привел партизанский связной Ваня Белоушко.

— Когда к деревне подошли фашисты, оборону там держал небольшой отряд красноармейцев, — рассказывала Ася Солнцева, вспоминая первые дни войны. — Сколько их было, точно не знаю. Только несколько часов подряд, почти до самого вечера, шел сильный бой. Наутро, когда все стихло, мы с подругами решились наконец выйти на улицу. На окраине Симоновичей, ближе к лесу, обнаружили тела наших бойцов, холодные уже... Рядом с ними лежало оружие: винтовки, обоймы, а чуть подальше, в окопе, — пулемет. Той же ночью красноармейцев тех мы похоронили. И в одну могилу вместе с бойцом закопали пулемет. — Девушка немного помолчала и, вопросительно взглянув на разведчиков, уверенно закончила: — Если он вам нужен, могу показать. Недалеко это.

— Разве найдешь теперь? — усомнился один из партизан. — Да и проржавел он, должно быть: сколько времени прошло!

— Что вы! Место я хорошо помню — метку там свою оставила. А перед тем как закопать, мы его в две шинели завернули. Так что целый он! Не сомневайтесь!

— Ну что же, надо рискнуть, — согласился Семенчук и, с благодарностью глядя на девушку, поинтересовался: — Только где же ты раньше была, дивчина? Война-то уже не первый месяц идет!

Ася улыбнулась:

— Думаете, так просто найти вас? Давно уже я партизанам помогать решила. Часто ночью, едва стемнеет, за деревню бегала:

все надеялась вас встретить. Да не тут-то было! Спасибо Ване, — девушка кивнула в сторону Белоушко. — Кабы не он — не нашла бы!

Муж Аси, школьный учитель, в первые же дни войны ушел добровольцем на фронт. В конце июня в Симоновичи, где со своей свекровью осталась молодая женщина, преодолевая упорное сопротивление частей Красной Армии, вступили первые подразделения гитлеровских войск. Вместе с ними на долгие годы в дома к людям вторглись бесчинства и глумления, жестокий террор и смерть.

Но Ася твердо решила искать партизан. Наконец встретилась с ними.

За оружием пошли немедленно.

Все ближе и ближе окраина деревни. На ровном, без единого деревца поле укрыться негде: случись что — неминуемо полягут все. Семенчук, в который уже раз обернувшись на темнеющий далеко позади спасительный лес, поравнявшись с Асей, осторожно касается ее плеча:

— Так где же твои захоронения?

— Рядом. Уже почти пришли. Метров пятьдесят осталось...

— Пятьдесят? А тебе известно, что это за здание? — Николай кивнул вперед, в сторону, где смутно угадываются во мраке контуры массивного строения и куда сейчас направляются разведчики. — Почта это, понимаешь, почта! И одновременно — гарнизон оккупантов. Сколько пулеметов там теперь, я не знаю, но мы идем прямо на них!

Девушка спокойно ответила:

— Не забывайте, что я иду первой. И рискую не меньше вашего!

Вот наконец и бугорки могил. Вокруг темень, и Ася на ощупь, низко склонившись над землей, начинает искать свои метки. Могильных холмиков в этом месте немало, и найти тот, нужный, удается далеко не сразу.

Но вот и он. Партизаны медленно и осторожно начинают раскапывать землю. Через несколько минут маленькая саперная лопатка упирается во что-то твердое. Еще несколько усилий, и на поверхности появляется, весь в сырой глине, тяжелый и удлиненный сверток.

— Неужели и правда пулемет? — еще не веря, шепчет кто-то.

И почти сейчас же восторженно, но тихо ему отзываются:

— «Дегтярь»! С диском!

И действительно, в руках у бойцов появляется ручной пулемет.

Ася, радостно улыбаясь, принимает горячие, вполголоса

благодарности разведчиков:

— Молодец дивчина! Спасибо! Вот это подарок!

Вскоре бойцы, бережно засыпав землей могилу, бесшумно двинулись в сторону леса.

С этого момента молодая женщина часто оказывала нам услуги. Так было и в июле сорок третьего. От знакомого, служившего в гарнизонной полиции, Ася узнала о предстоящей карательной экспедиции гитлеровцев в районе деревни Толстый Лес. Но ведь именно там несколько дней назад разбил временный лагерь молодежный отряд!

Ася выбежала из дома, и первое, что бросилось ей в глаза, — плотные, серо-зеленые шеренги вражеской колонны, размеренным шагом проходящей по улице деревни. Неужели опоздала? Дорога, которой воспользовались каратели, — самая короткая, и пробираться через леса и болота обходными путями не имеет смысла: на это уйдет слишком много времени!

После минутного раздумья Ася приняла, пожалуй, единственно правильное решение: идти вслед фашистской колонне и при первой же возможности обогнать ее. Сделать это нелегко, почти невозможно, однако иного выхода не было.

Когда каратели миновали окраину деревни и медленно втягивались в лес, разведчица осторожно шла за ними, а потом свернула с проселка и углубилась в чащу. Местность она знала хорошо, и это позволило ей без риска заблудиться, несколько километров бежать совсем рядом с дорогой, поначалу слыша время от времени бряцание оружия и негромкие команды гитлеровских офицеров.

Наконец, когда фашистская колонна осталась далеко позади, Ася облегченно вздохнула: кажется, успела! И действительно, пройдя еще около получаса неприметными с виду и одной ей знакомыми лесными тропинками, она услышала впереди осторожный оклик:

— Стой! Кто идет?

Партизанский дозор. Свои! Один из партизан ведет женщину к командиру. Прошло каких-нибудь десять-пятнадцать минут, и стоянка отряда пустеет. Темные силуэты вооруженных людей без единого звука быстро растворяются среди деревьев. Густой мрак тотчас же поглощает их. Ася действительно успела!

Нужно ли говорить о том, в каком положении оказался бы отряд, вынужденный принять бой против карателей, которые и по численности и по вооружению были по крайней мере в десять раз сильнее.

Летним воскресным утром 1943 года группа партизан — Николай Семенчук, Тимофей Бунеш, Аркадий Белый и другие —

во главе с комиссаром Владимиром Жлобичем открыто и не таясь вступила на улицы Симоновичей и направилась к одному из домов. Когда до крыльца оставалось несколько десятков шагов, из дверей, путаясь в полах черных шинелей, вывалились вооруженные люди с повязками на рукавах и после короткого замешательства, не сделав ни единого выстрела, рассыпались кто куда.

А минут через десять — пятнадцать их, выловленных поодиночке, со связанными за спиной руками на глазах у жителей деревни партизаны конвоировали под автоматами в сторону леса. Симоновичская полиция на этом прекратила свое существование.

Однако мало кто из селян, наблюдая за этой картиной, догадывался о том, что происшедший только что инцидент на самом деле от начала и до конца тонко инсценирован партизанами и самими полицейскими. Только Ася Солнцева и София Жлобич, видя, как усердно и с совершенно серьезным видом бойцы скручивают руки «перепуганным» полицейским, не могли сдержать улыбок: в проведенной операции была заложена немалая доля и их труда.

Осенью 1943 года при выполнении одного из заданий командования оккупантам удалось выследить Асю Солнцеву. После мучительных пыток она, не сказав врагам ни слова, была казнена.

Так оборвалась жизнь еще одной патриотки.

В одну из мартовских ночей того же сорок третьего года над бобруйскими лесами, в зоне действия нашей 37-й партизанской бригады имени Пархоменко, была выброшена на парашютах группа разведчиков. Благополучно приземлившись в условленном районе, они некоторое время спустя приступили к работе.

В состав группы, перед которой ставилась задача ведения разведки в направлении Бобруйска, входила молодая девушка, радистка Анна Николайченкова. Ей предстояло, обосновавшись в самом логове врага — в оккупированном городе — наладить устойчивую радиосвязь с Москвой и постоянно передавать командованию данные о расположении подразделений вермахта, о системе оборонительных укреплений, а также полученные от подпольщиков наблюдения за перебросками воинских контингентов и техники врага в сторону фронта. Нетрудно догадаться, что эти сведения требовались в преддверии решительного наступления Красной Армии. Освобождение белорусской земли было уже не за горами.

Перед командованием бригады, и в частности перед

заместителем командира по разведке Леонидом Виноградовым, вставал непростой вопрос: как помочь Анне с максимальной безопасностью, причем легально, поселиться и получить условия для выполнения задания командования? После нескольких дней, в течение которых разведчиками были рассмотрены все предложенные варианты, выбор пал на семью руководителя одной из подпольных групп Михаила Григорьевича Баглая. И Аня, перебравшись в город, обзавелась новыми «родителями».

Установив надежную радиосвязь, девушка приступила к своей нелегкой, полной риска и опасности работе. В эфир летели сообщения о перебросках гитлеровских войск в направлении фронта, составе и вооружении частей и подразделений врага, проходящих через Бобруйский железнодорожный узел и шоссейные магистрали, а также сведения экономического к военного характера, касающиеся оккупированного города.

В числе надежных, добровольных помощников Николайченковой был и тринадцатилетний сынишка Михаила Баглая — Ким. Он собирал информацию о военном аэродроме, расположенном на окраине Бобруйска.

Важные сведения о значительном скоплении на нем бомбардировщиков немедленно передавались Аней в Москву. И онигодились: после внезапного массированного удара советской авиации по вражескому аэродрому он на долгое время вышел из строя.

А несколько дней спустя совершенно неожиданно из далекого Центра пришла благодарность командования семье Баглаев.

Июньской ночью сорок третьего года передатчик Ани Николайченковой вышел на внеочередной сеанс связи. Короткое сообщение, через несколько минут принятое в Москве, за многие сотни километров отсюда, имело особенно важное значение.

Информация на первый взгляд не содержала в себе ничего достаточно интересного.

По проверенным сведениям, в начале — середине июня 1943 года через Бобруйск в восточном направлении проследовало несколько эшелонов, в составе которых находились открытые платформы с погруженными на них тюками сена.

Казалось бы, ничего необычного, представляющего реальную ценность, в этих данных не содержалось. Однако директива командования, переданная в ответ, была неожиданно категорична:

Немедленно, в возможно короткий срок, установить точное направление следования данных эшелонов, а также выяснить следующее: не служат ли упомянутые тюки с сеном средствами маскировки каких-либо важных военных грузов или образцов

новой секретной техники? Если это так, то каких именно?

За железнодорожным узлом тотчас же установили пристальное наблюдение. Подпольщики внимательно следили за всеми эшелонами, направляющимися в сторону фронта. Их было много. Однако те, с сеном, пока не появлялись.

Поздний июньский вечер. Густая тень деревьев, плотную подступающих к путям товарной станции на окраине Бобруйска, надежно укрывает от посторонних глаз две молчаливые фигуры. Не в первый уже раз партизанские разведчики пробираются сюда, часами приглядываясь ко всем проходящим мимо составам.

На путях, ожидая отправки, замерли несколько воинских эшелонов. Из глубины вагонов доносятся негромкие звуки губных гармошек, слышатся обрывки немецкой речи. Охранники, неторопливо шагающие вдоль вагонов, лениво переговариваются с солдатами, которые, разминая затекшие в дороге ноги, прохаживаются тут же.

Один из составов, постепенно набирая скорость, покидает станцию. Почти тотчас же на смену ему медленно подходит другой. На открытых платформах смутно угадываются в темноте какие-то громадные тюки. Сено!

До эшелона всего лишь десять — пятнадцать метров, не больше. Однако преодолеть их непросто: поблизости не спеша прохаживаются часовые, внимательно вглядываясь в темноту леса.

Наконец, когда ближайший из них, почти дойдя до того места, где скрываются подпольщики, повернулся кругом и медленно зашагал назад, они бесшумно бросились к составу. Охраны на нем не было видно, и оба, без особого труда подтянувшись на руках, оказываются между платформами, на сцепке.

Начали пробовать вытащить из этой «кладки» один спрессованный «кирпич». Поддается с трудом. Да и неловко его тащить: опора под ногами — лишь узкий бортик да в случае нужды можно опереться одной ногой на буферодержатель.

По составу, от вагона к вагону, прокатился лязг буферов: эшелон, несколько раз дернувшись, медленно трогается с места. Подпольщики замерли, прижавшись к сену, пока поезд проходил станционные пути. Когда состав был уже на перегоне, им наконец удалось вытащить и сбросить между рельсов один блок. Просунув руки в образовавшийся проем, они убедились, что дальше уже мягкое, неспрессованное сено. Разрывая его глубже и глубже, наконец нащупали массивные необыкновенно широкие гусеницы, а затем и могучую танковую броню.

Далеко за городом, когда на подходе к какому-то полустанку

поезд замедлил ход, разведчикам удалось спрыгнуть на придорожную насыпь. К вечеру следующего дня они были уже в Бобруйске.

А в Центре той же ночью приняли очередную и весьма важную радиограмму Анны Николайченковой, сообщавшую, что начиная с первой половины июня 1943 года через Бобруйск в направлении фронта следовало несколько воинских эшелонов с тяжелыми танками.

Гитлеровская армия, скрытно подтягивая свежие танковые дивизии и моторизованные части, готовилась к сражению, которое впоследствии вошло в историю Великой Отечественной войны под названием Курская битва. И одним из сигналов, предупредивших наше командование об этом, было донесение молодой разведчицы Анны Николайченковой из оккупированного врагом Бобруйска.

Немногим из тех, о ком я рассказал в этой главе, суждено было дожить до Победы. Почти все они погибли, выполняя свой долг перед Родиной, перед народом. Но их подвиги и свершения живы и поныне. Они бессмертны.

Глава четвертая

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Ее давно уже нет среди нас. Радость Победы, долгожданное освобождение, суровое возмездие фашизму — все это было уже без нее. Далекий январский день сорок третьего, ставший для молодой коммунистки последним днем ее жизни, незабываем для всех нас. Тогда она шагнула в бессмертие.

Высокая, статная, с широко распахнутыми навстречу миру огромными голубыми глазами, с теплотой и радушием, которые светились в ее открытой и мягкой улыбке, — такой нам запомнилась Аня. Такой она живет в памяти партизан — ее боевых товарищей.

В мае сорок второго случилось то, к чему Анна уже давно и настойчиво стремилась: ей удалось выйти на связь с партизанской разведкой отряда имени Ворошилова.

— Хочу быть вашей помощницей. Зачисляйте в отряд! — не попросила, а потребовала при первой же встрече с нами молодая женщина.

Но это оказалось невозможным: на руках у Анны Проходской трое детей и престарелая больная мать. Мы не можем подвергать смертельной опасности целую семью — это идет вразрез с нашими неписаными правилами.

И тогда Проходская решила действовать самостоятельно.

О том, что удалось ей сделать за самое короткое время, сделать на свой страх и риск, по собственной инициативе, узнали мы позже. Узнали и с трудом, признаться, осмыслили то, что Аня совершила, поверили в случившееся. Ведь это благодаря ей в один момент был спасен весь наш отряд, возрождена в самой критической ситуации его боеспособность!

А случилось это так.

Всю весну 1942 года отряд имени Ворошилова провел в непрерывных схватках с оккупантами. Для молодых и необстрелянных бойцов это явилось суровым и трудным испытанием. Партизаны, истощенные голодом, простуженные, были вынуждены неделями и месяцами жить в промозглой лесной сырости, проводя нередко многие часы в ледяной болотной воде, не имея возможности ни развести костер, ни высушить до нитки промокшую одежду, ни как следует отдохнуть. Духом никто, конечно, не падал.

И отряд действовал. В апреле мы разгромили колонну фашистских войск близ деревни Качай Болото, а вскоре еще одну, недалеко от станции Брожа. Чуть позднее внезапной и стремительной атакой уничтожили хорошо укрепленные и достаточно сильные гарнизоны оккупантов в деревнях Межное и Каменка. Произошло немало и других схваток с гитлеровцами. Однако каждая из них, будь то короткая перестрелка с фашистским патрулем или же крупная, тщательно подготовленная операция, в которой принимал участие весь отряд, неизбежно требовала самого, пожалуй, дорогого и важного для нас в то время — боеприпасов. Запас гранат и патронов быстро истощался.

По заданию подпольного обкома партии нашему отряду вместе с другими партизанскими группами предстояло разгромить фашистский гарнизон на Ясенском торфозаводе. Главной целью нападения являлось освобождение от рабского труда на торфяных разработках сотен подневольных девушек. Очень важным, однако, было и другое: согласно сведениям разведки, гарнизон возле станции Ясень располагал большим количеством боеприпасов.

Он был нелегким, этот бой. Упорная схватка длилась почти всю ночь. И только на рассвете, после нескольких часов яростной пулеметно-автоматной перестрелки, наступила наконец развязка: гарнизон на заводе, поставлявшем топливо оккупантам, перестал существовать. Были освобождены и подневольные девушки. Но боеприпасы...

При удачном исходе операции мы рассчитывали добыть патроны по крайней мере к трофейному, отнятому у врага оружию. Однако в ходе боя казарму, где засели и яростно оборонялись, понимая свою обреченность, гитлеровцы, пришлось поджечь. Иного выхода не существовало. Но, как выяснилось, именно там, в двухэтажном здании, и хранились так нужные нам боеприпасы. В охваченной пламенем постройке начались взрывы: огонь достиг хранилища.

Итак, наши планы не оправдались. Но это было еще не все. Положение, и без того серьезное, осложнялось тем, что после затяжного и нелегкого боя, длившегося несколько часов подряд, отряд остался практически безоружным. Операция поглотила все то, чем мы еще располагали — почти весь запас патронов и гранат. Имея оружие, мы, увы, не могли его использовать!

Жители окрестных деревень, с радостью встречая в те дни партизан, — вот она, Советская власть, рядом с нами! — не подозревали о том, что пулеметные диски бойцов пусты, а в автоматах и пистолетах — всего по несколько патронов. Внешне, конечно, создавалось впечатление, что в населенный пункт входит по-прежнему боеспособный и достаточно мощный отряд.

Нужно было срочно что-то предпринимать. Но что именно? Выход из труднейшего, грозящего гибелью всему отряду положения искали все: и рядовые бойцы, и штаб, и командование. Но время неумолимо шло, а результатов пока никаких.

Поздней августовской ночью на связь с патриотами деревни Заволочицы отправился Владимир Катков.

— Люди там надежные, свои, — прощая его в дорогу, говорил Евгений Качанов, — таким довериться можно. Надежды, конечно, мало, сам понимаешь, но все-таки... Поговори с сельчанами, посоветуйся. Может, и найдется выход.

Деревня невелика. Сразу же за ее домами, недалеко от шоссе-магистрали Брест — Бобруйск, на несколько сот метров протянулась открытая и ровная низина. Это пойма неширокой, но полноводной Птичи. А вот и она сама, светлая, с извилистыми, густо поросшими кустарником берегами. Здесь же рядом — мост. Его потемневший от времени деревянный настил гулко отражает тяжелые, грузные шаги фашистских патрулей. Из бойниц двух дзотов, расположенных у моста, недобро поглядывают пулеметные стволы.

Ночь. Мелко рябит под луной темная поверхность реки. Многому учит партизанская жизнь: Володя Катков плавает без всплесков, без шума. Вот наконец берег. Место открытое, спрятаться негде. И хотя деревня уже спит (в окнах — ни огонька!), партизан осторожен: в любой момент можно нарваться на засаду.

До знакомого дома остается всего несколько шагов. «Аня уже легла, придется потревожить», — с легкой досадой отмечает про себя Владимир. Где-то совсем рядом вдруг раздается заливистый собачий лай: в соседнем дворе, почуяв чужого, всполошилась дворняга. Вот невезение! Прижавшись к стене дома, Катков надолго замирает: может, обойдется? Но нет, минуту спустя на темной глухой улочке уже слышны тяжелые торопливые шаги,

слышатся встревоженные гортанные голоса, чужая речь. Это патруль. С автоматами на изготовку двое солдат бросаются во двор, где все еще не успокоился пес, другие блокируют улицу.

Готовясь к самому худшему, партизан бесшумно отполз на несколько метров от дома и, вжавшись в землю возле плетня, передернул затвор автомата. В его диске последние 36 патронов. Они на самый крайний, безвыходный случай. Похоже на то, что именно сейчас он и наступил!

Гитлеровцы, обшарив соседний двор и не обнаружив ничего подозрительного, направились к дому Анны Проходской. Они уже близко, совсем рядом. Володя, закусив губу, медленно поднимает автомат: главное теперь — не промахнуться!

Однако солдаты остановились у калитки, почему-то не спешат зайти во двор, а вскоре, обменявшись парой фраз, неторопливо пошли дальше.

Владимир устало провел ладонью по влажному от выступившего пота лбу: пронесло!

Что же привело партизанского разведчика в ту ночь именно сюда, к дому трактористки Анны Проходской? Ведь в Заволочицах у нашего отряда были и другие, не менее надежные и проверенные люди. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться к первым неделям войны, в суровое, почерневшее от гари пожаров и порохового дыма лето сорок первого. Тогда, ровно год назад, состоялась первая встреча Владимира с молодой коммунисткой Анной Проходской. И, не оказись она рядом, еще неизвестно, как сложилась бы его судьба.

На своих плечах, теряя последние силы, вынесла из леса отважная женщина тяжело раненного лейтенанта Красной Армии Владимира Каткова. Вынесла, укрыла в своем доме, выходила. В те трудные дни вместе с подругами Анна спасла жизнь многим нашим раненым бойцам и командирам. Скрывая их от оккупантов, оказывая посильную медицинскую помощь, патриотки прекрасно понимали, что ежечасно, ежеминутно рискуют своей жизнью.

Патруль тем временем зашел в следующий двор, и снова громко и зло залилась собака. Нужно сказать, что оккупанты почти никогда не поднимали оружие на деревенских псов в своих гарнизонах. И не потому, что жалели их, проявляли милосердие. Просто они очень скоро поняли, что собаки выполняют полезное, по разумению гитлеровцев, дело. Ведь бедняги не разбирались, где свои, а где немцы, признавая лишь хозяев. Неудивительно, что порой партизанам приходилось испытывать из-за друзей человека серьезные неудобства, а подчас и неприятности.

— Знали бы вы, псины, кому, по неразумию своему,

служите! — горько шутили иногда бойцы.

Разноголосый собачий лай затих. Кажется, ушли! Переждав для верности еще немного, Катков осторожно приблизился к крыльцу, тихонько постучал в дверь...

Ни о чем не спрашивая, Анна тут же поставила на стол чугунок с картошкой: все, что есть в доме. Уж кто-кто, а она-то прекрасно понимает, как нелегка и сурова партизанская жизнь.

— Ешь, — предложила она, и только когда Владимир начал сдержанно жевать первую картофелину, осторожно спросила: — Бьете гитлеровцев?

— Били, — мрачно отозвался Катков. — А теперь — нечем.

— Как это нечем? — удивленно вскинула брови Анна.

— А вот так. На весь отряд — ни одного патрона. Весь отрядный запас вот тут, — он похлопал рукой по диску лежащего рядом на скамье автомата. — Нужно срочно искать боеприпасы, не то каратели нас как куропаток... У тебя, случаем, по этому поводу никаких соображений нет?

Немного помолчав, Проходская улыбнулась:

— Соображений нет, а патроны есть!

— Шутишь?

— Стала бы я этим шутить. За кого ты меня принимаешь? Есть патроны, Володя, есть!

— Та-ак, — не до конца еще оправившись от изумления, протянул Катков. — А сколько? Если сотня-две, то для нас это мелочь. И у кого они?

— У меня.

— Как? Откуда?

— Не сразу, Володя. Да ты ешь, ешь.

— Погоди, Анна. Не до еды. Говори толком, сколько?

— Много, Володя, очень много. Не считала. Есть россыпью, а есть и в упаковке, в цинковых коробках.

Володя вскочил так резко, что грохнула упавшая на пол скамья.

— Да ты же спасла отряд! Ты это понимаешь?

— Спасла, говоришь? — продолжая улыбаться, подхватила Аня. — А кто меня в этот отряд зачислять не хотел? Об этом ты, часом, не помнишь? Или...

— Где они, патроны? — нетерпеливо перебил Владимир хозяйку, обводя горницу взглядом.

— А под тобой, в подполе.

— Когда же их можно забрать?

Но Анна вдруг серьезно сказала:

— А может, я их вам еще и не отдам...

— Как это — не отдашь?

В глазах Анны лукавые искорки:

— А вот так! Если не дашь слово, что зачислите в отряд, — не видать вам этих патронов!

Наконец-то ошарашенный поначалу Катков все понял. Подхватив Аню, он закружил ее по горнице:

— Зачислим, Анюта! Зачислим!

Обещая это, Владимир превышал свои полномочия. Но и понять его нетрудно: отряд, товарищи спасены!

Но... Трое детишек, старушка мать... Беззащитная, слабая семья — на руках тридцатичетырехлетней женщины. Подвергать всех смертельному риску мы, повторяю, не могли.

Деревня, в которой Анна Проходская жила перед войной, была небольшой, и все люди там хорошо знали друг друга. Но в суровое и страшное время, которое внезапно наступило, многое подвергалось переоценке. И Анна несколько по-иному, более внимательно стала приглядываться к подругам, знакомым, соседям. Одного желания бороться с врагом было еще недостаточно. Хватит ли для этого у каждого стойкости, мужества, воли? И молодая коммунистка искала людей, на которых можно было положиться, что не подведут ни при каких обстоятельствах.

Ближайшими ее помощниками стали Ольга и Александра Кругловы, сынишка Павлик...

Возможности активных действий были, конечно, ограниченными. Однако они не упускали ни одной из них. Собирали оружие павших советских воинов, чистили его, смазывали, прятали до поры до времени.

Анна и ее друзья распространяли среди местных жителей сведения из сообщений Совинформбюро, которые раздобывали через знакомых в ближних деревнях, листовки, доходившие от городских подпольщиков и в эту глушь. А главное — в разговорах с односельчанами они высказывали твердое убеждение, что отступление нашей армии в глубь страны, на восток, временное, что рано или поздно придет победа, обязательно придет! Это поднимало настроение сограждан, звало их на борьбу с оккупантами.

Анна продолжала настойчиво искать и другие, более действенные и эффективные формы борьбы. Такая возможность представилась. Как и другим жителям деревни, Анне Проходской и Ольге Кругловой поручили гитлеровцы ежедневную уборку воинского склада. В одном из его отсеков, охраняемом, находились боеприпасы. И женщины, узнав об этом, стали проявлять в работе редкостное усердие: прежде всего нужно было

завоевать доверие гитлеровцев. Это удалось. Старательные, работающие уборщицы пришлось по душе до крайности педантичным немцам. Через некоторое время Анна и Ольга стали, по существу, полновластными хозяйками склада.

И вот они — патроны... Россыпью, в деревянных ящиках и цинковых коробках.

— Взорвем? — предложила Ольга.

— Можно. Но как?

— Что-нибудь придумаем.

Однако, подумав немного, Анна сказала:

— Нет! Патроны надо вынести. Они нам еще пригодятся.

— Да что ты! — испуганно всплеснула руками Ольга. — Их же тут пропасть! Да и как вынесешь столько?

— Что много — это хорошо, — резонно заметила Анна. — Мы должны взять только часть, чтобы они не хватились, хотя и учета здесь, ты заметила, никакого.

Через несколько дней подруги решили осуществить довольно рискованный, но вполне реальный план, рассчитанный на хорошо известное всем пристрастие гитлеровской солдатни к спиртному.

Выбрав удобный момент, Аня подошла к рослому охраннику, наблюдавшему за складом и за работой уборщиц. Оглядевшись с таинственным видом по сторонам — не видит ли кто, — она предложила с улыбкой:

— Вилли, шнапс. Битте.

Одуревший от полуденного летнего зноя гитлеровец оживился:

— О, Аня, я, я! Русиш шнапс ист гут!

Поллитровка мутноватого первача, оказавшаяся в руках солдата, привела его в состояние восторга.

Как и рассчитывали подруги, пить на виду у начальства часовой не стал. Да и закуска требовалась: оккупантам была уже знакома обжигающая крепость «русского шнапса». Даже забыв поблагодарить Анну (впрочем, гитлеровцы редко вспоминали о подобных вещах), охранник торопливо направился к ближайшей избе.

Несколько дней спустя Анна и Ольга окончательно убедились в том, что «русиш шнапс» действует по-настоящему безотказно, надолго убирая охрану от ворот склада. К тому же, возвращаясь после очередного возлияния, часовые уже вряд ли могли отличить курицу от собаки. Правда, жаль было в то трудное и голодное время изводить продукты на приготовление самогона. Однако цель замысла стоила и куда больших жертв.

В первое время подруги выносили патроны под кофточками, в специально сшитых для этого плоских мешочках. А затем

осмелели: стали приходить на склад с сумками и прятали в них по целой цинковой коробке.

Сумки с такой кладью были нелегкими.

Среди бела дня, стараясь идти так, чтобы никто не мог догадаться, насколько тяжела ноша в их руках, легкой, непринужденной походкой шагали женщины по улицам, приветливо и радушно улыбаясь встречным: и своим, и врагам. Каждую минуту, конечно, любой солдат мог обыскать, проверить содержимое их сумок. Случись однажды такое, и судьба Проходской и Кругловой была бы предрешена.

Когда Катков и Анна спустились в подвал и Володя, приподняв холстину, увидел аккуратно сложенные рядами коробки с патронами, его радости не было предела. Однако стоило партизану заявить, что он собирается взять с собой в отряд хотя бы одну из них, как Проходская решительно и энергично возразила:

— Зачем такой риск? Любая случайность или ошибка — и конец. Схватят тебя у дома, найдут остальные патроны, и останется отряд без оружия.

— Верно, — погрузнев, согласился Володя. — Тогда давай поступим так. Завтра ночью я приведу ребят, и мы разом заберем все. Только что вот нам с соседскими псами делать, как им хвосты прикрутить? Сама понимаешь: переполошат они фашистов.

— Вот что, Володя, — после некоторого раздумья сказала Проходская. — А не сделать ли нам так...

И Анна предложила прислать к ней партизанского связного Никифора Кудельку, жившего неподалеку, в деревне Толстый Лес. Куделька нередко бывал в Заволочицах и при любом удобном случае такими крепкими и изворотистыми словами ругал партизан, что о его «ненависти» к «лесным бандитам» хорошо знала вся округа, в том числе и оккупационные власти. Никифор во всех окрестных комендатурах был на отличном счету, вне всяких подозрений. Именно этого он, собственно, и добивался, без конца изощряясь в ругани.

— Пусть Никифор придумает у нас в Заволочицах какое-нибудь дело и приезжает на повозке. На специальной! — Анна, улыбнувшись, сделала ударение на этом слове. — Ждать его будете на том берегу. Немцы Кудельку знают хорошо и, думаю, на мосту его обыскивать не станут: проскочит.

— А если нет? — засомневался Владимир, хотя в конце концов ему пришлось согласиться с Аниным предложением: ведь другого пути, связанного с меньшим риском, попросту не было.

Через день, как и условились, в Заволочицах появился Куделька. Он привез в местную кузницу на ремонт плуг и борону.

— Ремонт-то плевый, — удивились в кузне. — Мог бы и сам молотком помахать!

Никифор, обычно скорый на язык, на этот раз отмолчался.

А спустя час он въезжал уже во двор Анны Проходской. Здесь его с нетерпением ждали женщины. У них уже давно все было готово. Куделька, как выяснилось, тоже не терял времени даром: у «специальной» повозки было оборудовано просторное двойное дно. Туда женщины и сложили цинковые ящики с патронами, настелив сверху досок и сена. Отремонтированные плуг и борона довершали маскировку.

— Не попасться бы тебе на мосту, Никифор, — не выдержав, вздохнула Ольга.

Куделька неторопливо повел плечами:

— Всякое может случиться. Но ежели что, один загину.

Он тронул вожжи, и лошаденка медленно потянула повозку за ворота. Чтобы не вызывать подозрений в деревне, Никифору пришлось заехать еще в несколько дворов — покалякать со знакомыми. Однако встречали его повсюду не очень-то дружелюбно, зная, как честит он партизан. Но и особого вреда от Кудельки тоже никто не видел. Потому переброситься с шустрым на язык мужиком селяне не отказывались.

Миновав деревню, партизан не спеша выкатил на шоссе и, проехав немного по нему, спустился к мосту. Вот и первый пост.

Анна и Ольга, затаив дыхание и боясь шелохнуться, наблюдали за ним издали. «Только бы миновать реку», — тревожно думала каждая из них.

Один из часовых, сделав несколько шагов навстречу подводе, вскинул руку:

— Хальт! Аусвайс!

Куделька, не торопясь (главное — не суетиться!), достал и предъявил документы. Тут он спокоен: бумаги в полном порядке.

Подойдя к повозке и внимательно осмотрев ее снаружи, немцы начали проверку. Разворошив сено и передвинув плуг, они, кажется, собираются поднять борону, чтобы заглянуть под нее.

Ольга испуганно охает, но Проходская, закусив губу, крепко и ободряюще сжимает ей руку: спокойно, не нервничай!

Под бороной — доски. И солдаты, пошарив по ним и ничего не обнаружив, возвращают хозяину его паспорт: пошел!

Никифор хрипло гикнул на лошаденку, и повозка, немилосердно гремя на выбоинах и скрипя колесами, неторопливо двинулась через мост. Еще совсем немного — и все будет позади. До темнеющего на том берегу леса остается метров

сто, не больше.

И вот тут-то партизанского связного подстерегала неожиданность. Из дзота с пулеметами, наведенными на дорогу, торопливо вышел гитлеровский офицер. Сделав повелительный жест рукой, он приказал Кудельке остановиться:

— Хальт!

Никифор с посуровевшим враз лицом натянул вожжи. Вот тебе и пронесло!

Анна и Ольга, неотрывно следившие за мостом, с тревогой переглядываются: что это может значить?

Офицер был настроен очень решительно и категорично. Он громко и жестко, коверкая русские слова, потребовал:

— Спрашивайт груз! Превна возит нато! Пистро!

— Пан офицер... пан офицер, — опешив в первый момент и стараясь собраться с мыслями, тянул время Куделька. Соскочив с повозки и сделав несколько шагов навстречу гитлеровцу, он начинает его убеждать: — Разве же на этой кляче, герр офицер, можно бревна возить? Да ни в жизнь! Она же с часу на час издохнет. Вот извольте взглянуть, сами убедитесь... — И Никифор, чьей недюжинной силе мог позавидовать медведь, неторопливо подошел к своей лошаденке, ухватил ее за хвост и дернул так, что та, едва не повалившись, присела на задние ноги.

Вид у клячи и в самом деле был жалкий. Худые бока с выступающими ребрами, редкая, свалывшаяся грива, большие проплешины на шкуре и тяжелое, с одышкой, дыхание — все говорило о ее немощи и весьма преклонном возрасте.

С сомнением оглядев лошадь, офицер перевел взгляд на Кудельку. А тот, словно ненароком, опустил руку под пиджак. Там, под мышкой, на такой вот крайний случай запрятана «лимонка». Не понадобится ли она теперь?

Однако фашист, потерявший вдруг интерес к старой кляче и ее хозяину, небрежно махнул рукой: ладно, мол, проваливай!

Через несколько минут повозка партизана миновала без происшествий последний кордон за мостом и двинулась в сторону деревни Евсеевичи. До нее рукой подать.

А Ольга с Аней, еще не до конца поверив в удачу, по-прежнему молча, не шелохнувшись, стояли у калитки. Стояли долго, устремив взгляды к темнеющему за рекой лесу, где их друзья, партизаны, ожидали сейчас драгоценный груз.

Патроны, так своевременно доставленные в отряд, фактически решили его дальнейшую судьбу, без преувеличения спасли от гибели. Уже спустя несколько дней каратели бросили на партизан крупные силы: началась блокада зоны осиповичского

«треугольника». Бои с небольшими перерывами шли несколько дней. И каждый из бойцов много раз с теплотой и благодарностью вспоминал наших славных подпольщиц, чья отвага и находчивость позволили не только успешно обороняться от наседающего врага, но и наносить ему серьезный, невосполнимый урон.

Мне довелось познакомиться с Анной Проходской лишь в ноябре 1942 года. Из небольшой и тихой деревушки Белое, где мы вместе с группой разведчиков появились осенним днем, в Заволочицы на связь с Проходской были посланы два Николая: Семенчук и Дубинчик. Им поручили, соблюдая необходимые предосторожности, встретиться с Анной и Ольгой и, получив от них собранные разведданные, передать новые поручения.

Вернулись бойцы не скоро, уже к ночи, и, к моему крайнему удивлению, не одни. С ними были две молодые привлекательные женщины.

— Принимайте гостей, товарищ комиссар, — широко улыбаясь, произнес Семенчук. — И знакомьтесь.

— Проходская.

— Ольга Круглова.

Так вот они какие, наши верные помощницы! Скромные, застенчивые.

Высокая, статная и ясноглазая Анна было одета скромно — ватник и такие же стеганные брюки. Но эта грубая рабочая одежда нисколько ее не портила. Напротив, сочетание женской мягкости, обаяния с внешними приметами человека мужественного, крепкого духом бойца было ей к лицу. Оля, одетая в потертый старенький кожушок, в валенках-бахилах, была ростом пониже, круглолица и миловидна.

Помнится, подумалось мне тогда: жить бы этим славным и скромным женщинам под мирным небом, растить детей своих, беречь и охранять их покой, семейный уют. И, глядя в их радостные лица, видя их счастливые глаза, мне как-то особенно сильно захотелось сказать этим замечательным отважным женщинам что-нибудь доброе и сердечное, ободрить их ласковым и теплым словом! Не то было время, не та обстановка.

— Ну что ж, докладывайте, — по-военному коротко приказал я.

После памятной операции с доставкой патронов Анна Проходская и Ольга Круглова еще более активизировали свои действия. Регулярно вели ближнюю разведку, о положении и о намерениях вражеского гарнизона в Заволочицах через связного Никифора Кудельку и его дочь немедленно сообщали в отряд.

Распространяли листовки и сводки Совинформбюро. Вскоре появились на их боевом счету и диверсионные дела: сожгли вражескую конюшню, немного спустя — склад боеприпасов.

В тот ноябрьский вечер, когда состоялось наше знакомство, Анна и Оля пришли с важными новостями: в расположенную неподалеку от Заволочиц деревню Симоновичи прибыло крупное воинское подразделение гитлеровцев. На вооружении его минометы и несколько полевых орудий. Готовилось что-то серьезное. Но что именно — еще предстояло уточнить: в Симоновичах у нас тоже находились верные люди.

Докладывала Анна спокойно и без лишних слов.

Рассказала она и о жизни родной деревни, жизни, конечно, безрадостной, тяжелой, опоганенной оккупантами.

— Люди не хотят, не могут жить больше под врагом. Многие приходят и спрашивают напрямик: как найти партизан? Все стремятся в отряд — и старые и молодые!

— К кому приходят? У кого спрашивают? — не понял и насторожился я. — У вас?

— Да, у меня.

— Что же, стало быть, все знают о ваших связях с нами?

— По крайней мере, догадываются, — улыбнулась в ответ Анна.

— Плохо! — Меня удивила и даже раздосадовала безмятежная и спокойная улыбка Проходской. — Это же очень плохо, разве вы не понимаете?

— Все понимаю, товарищ комиссар!

И лицо ее вновь стало строгим: горячо и убежденно она заговорила о своих односельчанах, об их жгучей ненависти к врагу, непримиримости к оккупантам, о преданности Советской власти.

— Так что предательство исключено, можете не сомневаться! — твердо заверила женщина.

— Мы тебе верим, Аня! Но все-таки просим — будь осторожна. Не забывай никогда, что ты еще и мать. Береги себя!

Возвращаться в Заволочицы глубокой ночью было слишком рискованно: очень просто нарваться на фашистских патрулей. Решили отправить их в поселок утром. Долгая осенняя ночь пролетела незаметно, о сне никто и не думал. Анна и Ольга жадно и нетерпеливо расспрашивали нас обо всем. Что нового слышно на фронте? Как Москва? Ленинград? Их интересовало буквально все. Как живет и какой вклад в борьбу с врагом вносит тыл страны? Как складывается обстановка на различных участках огромного фронта? Скоро ли придет освобождение?

Мы поделились с ними всем, что знали, подробно рассказали

о партизанских делах в зоне осиповичского «треугольника», о действиях нашего отряда в последние месяцы. Лиц наших слушательниц мы не видели, однако не трудно было почувствовать, догадаться, с каким жадным вниманием они ловят буквально каждое наше слово.

Прощались мы уже на рассвете так, словно познакомились не каких-нибудь несколько часов назад, а, по крайней мере, несколько лет. Такое возможно лишь на войне. Здесь каждая минута жизни ценится во сто крат выше, чем в мирное время: ведь завтра ее может не быть.

— До скорой встречи! — помахав нам на прощание рукой, улыбнулась тепло и чуть грустно Анна.

Сани тронулись, заскрипел под полозьями снег.

И еще долго стояли мы на лесной дороге, молча глядя вслед исчезающим вдаль розвальням.

— Ольга, хальт!

Гитлеровский солдат, хорошо знавший и Ольгу Круглову, и Анну, — из постовых, что охраняли склад, — стоял посреди дороги, широко раскинув в стороны руки и преграждая женщине путь. Он был пьян. Но невесело, мрачно пьян.

— Хальт!

Схватив Ольгу повыше локтя и дыша ей в лицо смрадным самогонным перегаром, солдат произнес всего две короткие фразы. Однако они были настолько ошеломляющими, неожиданными, что Круглова похолодела.

— Анна — партизан! Морген капут Анна...

На мгновение оторопев, Ольга пришла наконец в себя и энергично оттолкнула гитлеровца:

— Что мелешь? Спьяну почудилось, что все здесь партизаны.

Оставив растерянную женщину на дороге, солдат медленно, спотыкаясь и пошатываясь, побрел дальше. Его бросало из стороны в сторону, и он, останавливаясь, тупо и подолгу глядел вниз, на землю, норовящую уйти из-под ног.

Ольга же тем временем пыталась справиться с мыслями. Что это — пьяная шутка? Или проговорился спьяну?

А может, хочет предупредить? Впрочем, как бы то ни было, нужно немедленно что-то предпринимать.

Когда Круглова, тяжело переводя дыхание, вбежала в дом Проходских, там был сельчанин Николай Ковалевский.

— Что это ты такая встрепанная? — ни о чем еще не подозревая, улыбнулась навстречу подруге Анна.

— Беда, Аня, беда!

— Погоди, сядь, — вскинув внимательный взгляд на Ольгу,

сказала Проходская. Налив в жестяную кружку кипятка, она протянула ее Кругловой: — Отдышись, а потом говори.

Немного успокоившись, Ольга рассказала товарищам о неожиданной встрече с солдатом и о сказанных им страшных словах.

Спокойно выслушав тревожную весть, Анна, подумав, бросила:

— А что они, собственно, могут знать?

— Достаточно и подозрения, чтобы оказаться в лапах фашистов, — отозвался Ковалевский.

Да, это было так!

Порывисто вскочив, Ольга обняла за плечи подругу:

— Тебе нужно немедленно, сегодня же уходить в лес!

— Ольга права, — поддержал ее Николай. — Завтра может быть уже поздно.

Анна, раздумывая о чем-то, молчала. Где искать отряд? Недели три назад он находился южнее Бобруйска. С тех пор связные не появлялись. Значит, придется разыскивать партизан вслепую, в тридцатиградусный мороз. Но это еще не самое страшное: как поступить с детьми, на кого оставить их и беспомощную мать?

— За детьми и за матерью присмотрим, не волнуйся, — понимая, что именно тревожит сейчас больше всего женщину, произнес Ковалевский.

— Ну что ж, — Анна поднялась. — Тогда буду собираться.

Она понимала: уходить действительно надо. Лучше уж в лесу замерзнуть, чем попасть в гитлеровский застенок.

Собрав на скорую руку котомку, Анна стала прощаться с детьми. И тут младшие — восьмилетняя Валя и двенадцатилетний Леня, почувствовав что-то неладное, подняли рев, цепляясь за мать. Успокоить их удалось с большим трудом. Нашлась Ольга: сказала, что мама заболела и уезжает к доктору, в Глуск, скоро вернется, ждите! И только старшему, пятнадцатилетнему Павлику, который был полноправным помощником матери в ее делах, сказала все без утайки.

— Возьми меня с собой, — попросил он, — в отряд. Ты же знаешь, я уже не маленький.

— Знаю, милый, — Анна ласково потрепала непокорный вихор на макушке сына, — вот поэтому ты здесь и должен остаться. На кого же мы их бросим? — она кивнула в сторону младших.

Помолчав немного, Павлик вздохнул и со степенной мужской серьезностью отозвался:

— Это так... Понимаю...

За окнами быстро темнело. Надо было уходить, пока по улицам не начали расхаживать ночные патрули.

Прощались во дворе.

— Вот возьми, — Николай протянул Анне сложенную вчетверо бумажку, — пока ты собиралась, я записал последние данные о гарнизоне. Вчера нашим кое-что удалось разузнать. Передашь командованию.

— Прощайте, родные!

— Ну зачем же так? — улыбнулся Ковалевский. — До свидания. Будем ждать от тебя вестей.

И крепко обнявшись на прощание, они разошлись: Николай и Ольга — по домам, Анна — в сторону леса.

...Морозным январским днем группа партизан во главе с Владимиром Катковым, выполняя задание командования отряда, вошла в осиповичские леса. Через связного Никифора Кудельку разведчики намеревались выяснить обстановку во вражеских гарнизонах в Заволочицах и Симоновичах. Каково же было удивление Каткова и его бойцов, когда в крохотной землянке Никифора, скрытой в лесу недалеко от деревни Толстый Лес, совершенно неожиданно для себя встретили Анну Проходскую. Она жила здесь уже несколько дней! Куделька не мог выйти на связь с партизанами сам, поэтому в отряде об уходе Анны из Заволочиц ничего не было известно.

— Откуда ты здесь? — обрадовался Володя.

— Откуда же мне быть? — усмехнулась Анна. — Из дому, конечно. — И уже серьезно добавила: — Пришлось срочно уходить, в гарнизоне о чем-то пронюхали.

И она рассказала друзьям о событиях последних дней. О происшедшем в деревне и о вынужденном поспешном уходе оттуда, о том, как, войдя в зимний лес, долго не могла решить, куда идти. Ночь. Мороз. Вокруг — зловещее безмолвие. Не робкого десятка она была, и все же... Если бы знать, по крайней мере, в какую сторону путь держать: то ли в южные от Бобруйска леса, то ли под Осиповичи?

В конце концов она решила искать Никифора Кудельку, хоть и не видела, где может быть скрыта его потайная землянка. Знала лишь, что надо искать где-то в лесу, неподалеку от родной деревни Никифора. Решила идти туда. Дорогу на Толстый Лес она знала хорошо, но в морозных, заснеженных чащобах окрест деревушки проплутала несколько дней, промерзла вконец. Все это время не сомкнула глаз: надо было двигаться, чтобы не околеченеть.

— И вот нашла! — восхищенно отозвался Куделька. — Есть в

тебе, Анна, видно, охотничий нюх!

— Какой там нюх? — пожала плечами Анна. — Просто повезло.

Помолчали. Володя заметил:

— Ну ладно. Теперь-то все в порядке.

— Все ли?

Вопрос Анны прозвучал горько, в глазах ее застыла невысказанная горечь: как там дети и мать? Володя понял это. Понял и промолчал: утешать ее было нечем.

В тот же день Анна вместе с группой Каткова вышла в расположение нашего отряда.

Они благополучно пересекли шоссе, обошли стороной два гитлеровских гарнизона. Позади — несколько деревень и около сорока километров нелегкого пути по снежной целине, по лесному бездорожью.

К утру следующего дня разведчики оказались вблизи деревни Старое Село. Недобрая слава ходила среди партизан об этих местах: нередко здесь появлялись крупные отряды гитлеровцев, устраивались засады. Хорошо бы миновать эту деревню ночью, да ждать-то еще столько до темноты! А все устали, проголодались и насквозь промерзли. Решили установить длительное наблюдение и, если в течение часа не будет замечено ничего подозрительного, войти в деревню. Людям не терпелось обогреться в теплой хате, поесть горячей пищи. Единственный бинокль переходил из рук в руки.

Наконец час миновал. Ничего настораживающего, говорящего о возможной грозящей опасности, за это время не заметили.

— Судя по всему, немцев нет, — уверенно заключил Владимир Катков. Еще раз внимательно, дом за домом, оглядев в бинокль деревню, он твердо скомандовал: — Пошли!

Вначале осторожно, а затем все уверенней партизаны пошли к деревне. Уютно, совсем по-домашнему вились в морозном воздухе дымки из печных труб. Вот и первые дворы.

И вдруг неожиданно и громко, заглушая скрип снега под ногами, отчаянный и резкий выкрик Михаила Крышка:

— Ложись! Немцы!

Одновременно ударила автоматная очередь: Михаил, первый заметив гитлеровцев, мгновенно открыл по ним огонь.

Партизаны залегли. Застучали их винтовки, заговорили автоматы. Однако немцы не отвечали. Их было больше ста, и вражеский замысел вскоре стал понятен. Начав обход с двух сторон, гитлеровцы решили зажать партизан в клещи. Силы были слишком неравными: на одного разведчика приходилось более десятка фашистов! Отходить назад можно было лишь по

открытому и ровному полю.

«Надо спасти хотя бы Анну», — мелькнула у Каткова горячая мысль. Время от времени посылая короткие очереди, он подполз к Проходской:

— Вот что, Анна. Давай сейчас же к ближайшему дому... И никаких «но»! Это приказ. Выполняй немедленно! Мы начнем отход и постараемся отвлечь внимание немцев.

Партизаны, прикрывая друг друга очередями, стали медленно отползать в поле. И тут же цепи гитлеровцев после команды «Фойер!» открыли по партизанам огонь. Фашисты, конечно, знали, что сдаваться в плен они не станут.

Аня же метнулась к ближайшему дому. Здесь она могла найти убежище, уйти, казалось, от верной гибели.

А в поле между тем продолжался неравный бой. Партизаны дрались до последнего. Автоматные очереди сливались в единый рокот, ухали взрывы гранат, свистели пули. Глубокий лежалый снег мешал разведчикам двигаться, отнимал у них последние силы. Но в то же время глубокая снежная целина и надежно укрывала их от прицельного и губительного огня. Двое молодых и неопытных бойцов не выдержали, поднялись во весь рост и бросились к лесу. Один из них почти тотчас же был сражен наповал пулеметной очередью, другой серьезно ранен.

Больше часа длилась схватка: подняться для преследования немцы тоже не могли. Партизанские пулемет и автоматы каждый раз вновь и вновь заставляли их залечь в снег. Однако это не облегчало положение и разведчиков: их диски, обоймы и подсумки с гранатами пустели.

— Беречь патроны! — передал по цепи Владимир Катков, торопливо перезаряжая свой автомат.

Вот наконец и опушка леса. Дальше немцы не сунутся — это знает каждый. Перевязав раненого, партизаны стали углубляться в чащу, еще не веря, что смертельная опасность, едва не окончившаяся гибелью всей группы, — позади. С ними нет лишь двоих: убитого в поле бойца и Анны Проходской.

Хозяина дома, куда Анна вбежала и где попыталась скрыться, гитлеровцы прямо у крыльца расстреляли.

Подогнав двое саней, фашисты бросили в одни из них избитую в кровь Анну. Рядом с ней с карабином на изготовку уселся конвоир. Рослый мрачный детина ни на минуту не сводил с Анны настороженного злобного взгляда.

Вереница саней медленно вытянулась из деревни. До Глузка, куда направлялась колонна, более двух десятков километров, и у Анны, хорошо знакомой с этими местами, начинает созревать план побега.

Обоз, неторопливо ползущий по дороге, постепенно растягивается. Незаметно оглядываясь время от времени назад, Проходская замечает, что многие из солдат после изрядной порции хмельного начинают дремать. «Пора!» — решила она.

Улучив момент, Анна неожиданно резким движением вырвала винтовку у конвоира и что есть силы ударила его прикладом по голове. Без единого звука тот повалился на прелую солому.

До ближайших саней сзади — метров тридцать, не меньше. Момент удачный. И Анна рывком бросилась с дороги к лесу. На пути ее дрожащий под порывами ветра голый кустарник. Будь теперь лето, он бы, конечно, надежно укрыл беглянку. Но теперь надежды на это мало: вплоть до самого леса редкие заросли просматриваются насквозь.

Сзади, со стороны дороги, слышались выкрики, загремели автоматные очереди. Пули со звоном проходят выше: фашисты, хорошо понимая, что их жертве не уйти никуда, пока бьют для острастки. Вдогонку женщине разноголосо несется:

— Хальт, партизан, хальт!

Силы быстро покидают Анну. Каждый шаг в глубоком, едва ли не по пояс, снегу дается ей с огромным трудом. Задышавшись, с бешено колотящимся сердцем, она бежит все медленней и медленней. Споткнувшись, несколько раз падает, через силу поднимается и вновь бежит. А погоня все ближе и ближе, с каждой секундой хриплые возгласы преследователей доносятся все отчетливей. Не уйти!

Развязка наступает вскоре. Почти у самого леса, когда до первых деревьев оставалось не больше ста метров, гитлеровцы настигли совершенно обессиленную и измученную женщину. После страшного избиения фашисты снова бросили ее, теперь уже связанную ремнями, на розвальни и час спустя доставили в Глуск.

На восьмой день, так ничего и не добившись на допросах, палачи вынесли ей смертный приговор. Он подлежал исполнению немедленно, в течение часа. Спасти патриотку уже ничто не могло.

За какое-то мгновение до смерти, уже стоя с накинутой на шею петлей, Анна, собрав остаток сил, крикнула в толпу горожан, согнанных гитлеровцами на ее казнь:

— Да здравствует Родина! Бейте фашистов! Прощайте, родные мои...

Притихшая толпа ответила рыданиями...

Фашисты для устрашения жителей несколько дней не снимали тело казненной патриотки. Для устрашения. Они просчитались, потому что горожане видели и в мертвой Анне

Проходской, нашей Аннушке, пример беззаветной веры в нашу победу и неиссякаемого мужества. Они долго еще слышали ее призыв к справедливой и священной борьбе. На груди ее белела небольшая табличка «Партизанка».

Трагическая гибель Анны, казненной фашистами в Глуске, недолго оставалась неотомщенной. В одну из февральских ночей 1943-го два партизанских отряда — наш и Устина Шваякова — вышли на засаду к деревне Старое Село. По сведениям разведки, днем здесь должны были появиться гитлеровцы из Глуска. И они появились.

Окружив деревню плотным кольцом, партизанские роты по условному сигналу перешли в решительную атаку и быстро сломили сопротивление оккупантов. Карательный отряд глусского гарнизона численностью около двухсот человек был наголову разбит. Свою клятву мы сдержали!

ГЛАВА 5

Глава пятая В БОЯХ И ПОХОДАХ

В начале сентября 1943 года по решению Минского подпольного обкома партии наш молодежный отряд имени Ворошилова был выведен из подчинения штабу 37-й партизанской бригады. Нам предстояло войти в состав другой, 99-й бригады, которая действовала южнее районного центра Глуск, прикрывая партизанскую зону с северного направления, а также дальние подступы к острову Зыслав, где уже около года в глубоком тылу врага принимал самолеты с Большой земли крупный партизанский аэродром.

Вскоре произошли некоторые изменения в руководстве молодежного отряда. Его командиром стал Василий Каракулин, комиссаром остался Владимир Жлобич. Мне же доверили командовать 99-й партизанской бригадой. Ее комиссаром назначили Андрея Чайковского.

К этому времени в составе отрядов бригады насчитывалось уже более семидесяти женщин-партизанок. В основном это были вчерашние подпольщицы, разведчицы, связные, жены и дочери партизан, которые в силу различных причин не могли оставаться в городах и деревнях. Они уходили в отряды, чтобы продолжать борьбу с врагом, рука об руку со своими братьями, мужьями, отцами.

Из каждого белорусского селения тянулись к партизанам десятки женщин и девушек. Их не пугали ни тяготы походной жизни с ее лишениями и голодом, ни смертельные опасности, подстерегающие народных мстителей на каждом шагу.

И хотя настойчивым просьбам многих из них приходилось в то время отказывать (недоставало оружия), остановить

благородный порыв советских женщин это ни в коей мере не могло. Как и все население Белоруссии, от мала до велика, становились они по зову сердца нашими верными и надежными помощниками.

Не так уж редко приходилось мне уже после войны слышать бытующее мнение о том, что роль женщины в партизанском отряде ограничивалась в большинстве случаев чисто хозяйственной, второстепенной работой. Мол, основной, главной заслугой их в те суровые годы была забота о приготовлении пищи для бойцов, уход за ранеными, стирка белья и так далее.

Нет слов, заботливым и неутомимым женским рукам мы обязаны и тем, что были по мере возможности накормлены, ухожены, что всегда, опять же насколько позволяла обстановка, был устроен быт партизан. Однако нельзя забывать, что наши женщины сплошь и рядом принимали участие в боях, в трудных, а подчас и смертельно опасных походах, в десятках и сотнях важных операций и диверсий. Они были настоящими бойцами, мужественными, стойкими, бесстрашными.

Как комиссар и командир партизанского отряда, а затем и бригады, я могу взять на себя право еще раз сказать, что женщины и девушки, как полноправные бойцы, входившие в наши подразделения, с врагом сражались наравне с мужчинами, ни в чем им не уступая. Что же касается ведения разведки во вражеских гарнизонах, дальней и ближней, а также связи с подпольем окрестных городов и деревень, то здесь на всем протяжении войны использовались почти исключительно женщины.

Вступая в ряды защитников Родины, партизанки, все до единой, перед строем своего отряда принимали торжественную присягу. Слова ее, простой и величавой, навсегда западали в сердца и души партизанок. С ними шли они в бой, с ними погибали!

Вспоминается, как отряды 37-й партизанской бригады имени Пархоменко вместе с бригадами Виктора Ливенцева и Федора Павловского готовились к разгрому крупнейшего, хорошо укрепленного гитлеровского гарнизона в деревне Протасы, южнее Бобруйска. Поротно бойцы обучались ведению боя на открытой местности. Напряженные тренировки шли день и ночь. И как все учились боевому мастерству наши девушки и женщины.

И вот наконец этот день — 25 апреля 1943 года.

Три роты отряда имени Ворошилова в составе двухсот пятидесяти человек заняли исходное положение на опушке леса. За нашими боевыми порядками — партизанская артиллерия: три

орудия, минометы.

Гитлеровцы, узнав о нашем походе к Протасам, укрепились на возвышении сельского кладбища. Мы знали, что у них семь пулеметов. У нас намного больше пулеметов, но ротам предстоит преодолеть почти километр открытого пространства, чтобы войти в непосредственное соприкосновение с противником. Значит, вся надежда на то, что наши батарейцы и минометчики подавят вражеские огневые средства немного раньше, чем партизаны поднимутся в атаку.

Решили, что для начала сделает рывок вперед одна рота. Как только первая группа партизан стала короткими перебежками продвигаться к кладбищу, заговорили вражеские пулеметы — все семь. А этого только и ждали артиллеристы. Несколько орудийных залпов, серия точно «положенных» на вражеские позиции мин (жаль — боезапас мал!) — и два или три пулемета умолкли. Подавить остальные огневые точки гитлеровцев не удалось. Придется идти на довольно сильный огонь. Наши пулеметчики, прежде всего «станкачи», получили задачу: как только будет занят удобный рубеж, подавить огневые точки врага.

Стрелки часов приблизились к десяти. По условному сигналу остальные партизанские цепи одновременно поднимаются в рост и вырываются из леса. Почти тотчас же противник открывает шквальный пулеметно-автоматный огонь. Правда, дистанция еще очень велика, и он не очень эффективен. Вой и разрывы мин, треск очередей и выстрелы винтовок с обеих сторон сливаются в единый сплошной звук. Удачно «работают» наши минометчики — кажется, осекся еще один вражеский пулемет.

В партизанских цепях перебежками, время от времени залегая и ведя огонь из автоматов и винтовок, меняя на ходу обоймы и диски, продвигаются вперед, к траншеям и дзотам врага и наши отважные партизанки Тоня Семенчук, Татьяна Алябьева, Екатерина Клыга, Раиса Дементьева, Ева Воробей, Надежда Храпко, Лидия Семенович, Татьяна Шудро, Лидия Дубинчик, Софья Пархимчик, Елена Кашлачева, Вера Губанова, Александра Сергейчик и другие.

Наши пулеметчики не подкачали: вражеский огонь стал заметно ослабевать.

И вот траншеи. Ворвавшись в них, партизаны в рукопашной добивают гитлеровцев. Однако бой на этом не заканчивается. Перестрелки завязываются по всей деревне.

И только спустя три часа сопротивление оккупантов, не дождавшихся, судя по всему, подкрепления, было сломлено. В ходе дерзкой и решительной атаки, в которой Мария Мачковская и Лидия Семенович выполняли обязанности третьих номеров

пулеметных расчетов, вражеский гарнизон в Протасах численностью более 600 человек был полностью разгромлен. В этом бою мужественно сражались также партизаны отрядов Виктора Ливенцева, Николая Храпко, Устина Шваякова и Матвея Сезика.

Не меньший героизм проявляли наши женщины и в развернувшейся по всей республике «рельсовой войне», во время массированных ударов по вражеским коммуникациям. На их боевом счету многие километры взорванных стальных путей, уничтоженные воинские эшелоны, мосты, долговременные огневые точки и мощные укрепления охраны. Они принимали активное участие почти во всех диверсионных операциях на «железке», которые мы проводили.

Большим уважением среди бойцов отряда Михаила Грабко пользовались две бесстрашные девушки-партизанки — Ольга Груздова и Прасковья Козырева. Веселые, неунывающие, они ни в чем не уступали бывалым, опытным партизанам. В десятках труднейших походов, боев и диверсионных операций участвовали они за долгие годы борьбы с фашистами.

Судьбы девушек, удивительно схожие и одинаково нелегкие, сблизили и породнили их. Потеряв в раннем детстве родителей, обе девочки, совсем еще маленькие, попали в один из детских домов Калининской области. Жизнь сложилась так, что за несколько лет многократно им пришлось перебираться с места на место, из детдома в детдом. И каждый раз это было нелегко: испытывшие много горя дети со слезами на глазах покидали полюбившихся им воспитателей, сверстников, верных друзей.

Окончив семилетку в Торжке, подруги там же поступили в педагогическое училище, а в 1937 году совсем еще юными учительницами пришли в детский дом города Калинина. Исполнилась заветная мечта девушек: они стали воспитателями. Любимая интересная работа, такие же, как и они когда-то, обездоленные дети, которые, чувствуя сердечную доброту и душевность молодых педагогов, тянутся к ним, делятся своими радостями и заботами. Нужно сделать их счастливыми. Стоит ли искать для себя другую судьбу?

Война...

Подруги, не сговариваясь, решили: их место там, на фронте, в рядах Красной Армии. Они пришли в военкомат с написанными торопливым почерком заявлениями: «Прошу немедленно отправить на фронт!» Однако комсомолок, к их немалому огорчению, попросили подождать: здесь, мол, в тылу, они пока нужней.

Вновь и вновь обивают подруги военкоматовский порог. И

только весной сорок второго, в Удмуртии, куда они были эвакуированы вместе с детским домом, девушкам наконец повезло: им предложили пройти специальную подготовку. Узнав, что после окончания курса обучения предстоит выброска в тыл врага, Оля и Паня немедленно согласились.

Летом 1942 года завершивших подготовку девушек включили в состав партизанской группы Михаила Грабко, состоявшей в основном из белорусов, и направили за линию фронта. Долгим и нелегким был их путь по оккупированной врагом территории из северных окраин Витебской области в южные районы Белоруссии. Однако суровое испытание Груздова и Козырева выдержали.

Зима 1942/43 года проходит в непрерывных схватках с врагом. Суровые партизанские будни, нелегкая походная жизнь закалили девушек, воспитали в их характерах редкое мужество и стойкость.

Февральской морозной ночью группа подрывников под командованием Василия Лесика, в составе которой была и Ольга Груздова, вышла к полотну железнодорожной магистрали Минск — Гомель между станциями Осиповичи и Татарка. За плечами партизан — более ста километров тяжелого пути по незнакомой местности с разбросанными тут и там гитлеровскими гарнизонами. Бойцы устали: расстояние до цели пройдено с короткими привалами всего за двое суток.

Дорога усиленно охраняется. Едва ли не на каждом километре у полотна ее темнеют дзоты. Патрули, вооруженные автоматами, в сопровождении овчарок проходят по полотну через короткие промежутки времени. Лес, когда-то вплотную прилегавший к насыпи, сейчас метров на двести по обе стороны от дороги вырублен: хорошо просматривается почти каждый метр пространства. Кроме этого, многие участки на подходах к магистрали заминированы. Об этом тоже нельзя забывать.

Вывести группу к намеченной цели помог Василию Лесику проводник, житель одной из ближних деревень. К радости партизан, он оказался железнодорожником-стрелочником: как никому другому, ему хорошо известны многие детали в организации охраны дороги.

По шпалам, негромко переговариваясь между собой, проходит группа гитлеровцев. Шаря по снежному насту лучами фонариков, они внимательно и настороженно осматривают каждый метр железнодорожного полотна и рельсов.

— Обождем чуток, — наклонившись к Ольге, едва слышно шепчет проводник. — Сейчас еще пойдут!

И действительно, только смолкли вдали звуки солдатских

шагов, как из-за поворота появляется новый патруль. Автоматчиков шестеро. В надвинутых на глаза стальных шлемах, с оружием на изготовку, они с трудом сдерживают на поводках огромных овчарок. «Только бы не учуяли!» — мелькнула у девушки тревожная мысль. Но нет, партизаны остаются незамеченными.

Вот наконец долгожданный момент. Махнув рукой в сторону насыпи, стрелочник шепчет:

— Теперь можно!

Как и было условлено, к дороге ползут двое: Ольга Груздова и Василий Лесик. Остальные бойцы, передернув затворы автоматов, готовы в любую минуту прикрыть их огнем. Это на всякий случай.

Ночное небо чисто и безоблачно. Яркий диск луны заливает бледным, неживым светом каждый сугроб, каждый кустик на заснеженном ровном поле. Укрыться нигде: вокруг — ни единого деревца.

Все ближе и ближе насыпь. Еще несколько рывков вперед — и партизаны у самого рельсового стыка. Теперь все решают минуты.

Расстелив на снегу плащ-палатку, Ольга кивает товарищу: давай! Командир подрывников осторожно, чтобы не задеть металл, начинает долбить саперной лопаткой землю между двумя шпалами. Промерзлый гравий поддается с трудом, отнимает много сил. Но на передышку ни секунды нет: возможно, от этой единственной секунды зависит исход операции.

Через несколько минут углубление готово. Заложив заряд, партизаны засыпают его снегом. Поочередно, не выпуская из рук автоматов, тянут они в сторону леса плащ-палатку с вынутым грунтом, заматавая собственные следы березовыми ветками. Ползти приходится осторожно: рядом вьется шнур от взрывного устройства.

Позади более сотни метров. Теперь надо ждать. Однако изнемогать в тревожном ожидании, к радости партизан, им пришлось совсем недолго: почти тотчас же с запада, от станции Татарка, послышался мерный, все нарастающий перестук колес. Эшелон!

Приглушенный луч паровозного прожектора, высвечивая ненадолго и слабо сугробы вдоль насыпи, пробивается из-за поворота. Состав идет ходко, бригада, видно, стремится побыстрее миновать опасный участок. Товарные вагоны чередуются с открытыми платформами. На них под брезентовыми чехлами угадываются контуры боевых машин: танки!

— Пора! — горячо и взволнованно шепчет Ольга.

И в тот же момент Лесик резко и сильно дергает шнур.

Ослепительная вспышка озаряет заснеженное поле. Земля тяжело и гулко вздрагивает под ногами партизан. Доли секунды спустя до них доносится мощный, раскатистый взрыв. Свершилось!

Паровоз заваливается под откос, увлекая за собой часть вагонов. Продолжая по инерции двигаться, они наползают один на другой, круша и калеча под обломками гитлеровских вояк. Оглушительный грохот, скрежет металла, вопли раненых — все смешивается в единый гул.

Чуть погодя из хвостовых вагонов, которые не сошли с рельсов, раздаются автоматные очереди. Фашисты беспорядочно палят в сторону темнеющего леса. Одновременно открывают огонь пулеметы, установленные в ближних дзотах, патрули.

Но уже поздно. Партизанская группа без потерь быстро отходит и углубляется в лесную чащу. Несмотря на усталость, бойцы бесконечно счастливы: задание выполнено!

Обнимая друзей, Ольга взволнованно и горячо повторяет:
— С победой вас, родные! С победой!

И действительно, это — победа. Еще одна. Одна из многих.

Боевой счет подруг-партиzanок с каждым днем множился. Так к концу 1943 года при непосредственном участии Ольги Груздовой было подорвано и пущено под откос четыре вражеских эшелона. Несколько десятков вагонов с живой силой и техникой не дошли благодаря этому до линии фронта! Комсомолка лично произвела 18 взрывов рельсов во время ударов партизанских бригад по гитлеровским магистралям. На счету Прасковьи Козыревой два разбитых воинских эшелона. Один из них был пущен под откос 17 апреля 1943 года неподалеку от станции Муляровка на магистрали Брест — Гомель. Помимо этого, девушка неоднократно принимала участие в боевых операциях отряда, в том числе в уничтожении телефонной связи врага.

Беззаветному мужеству партиzanок мы обязаны многим. Примеров тому можно привести немало. Но один эпизод из боевой биографии Ольги Груздовой запомнился мне особо.

Шел май 1944 года. Партизанские отряды нашей 99-й бригады надежно блокировали крупный гитлеровский гарнизон в районном центре Телеханы Пинской области. За пределы населенного пункта оккупанты не рисковали выходить даже в дневное время: все их вылазки решительно пресекались партизанскими подразделениями. Снабжение гарнизона боеприпасами и продовольствием велось исключительно самолетами из прифронтового Пинска.

Однако мы не забывали о возможности прорыва плотного кольца партизанской блокады извне, со стороны Днепро-ско-

Бугского канала, по которому проходила в те дни полоса обороны фашистской армии. Вот почему одна из рот отряда имени Грабко под командованием Григория Логойко была послана на постоянную засаду к дороге Пинск — Телеханы, неподалеку от деревни Круглевичи. Партизаны окопались, закрепились и приготовились ждать врага как угодно долго. Среди них в составе своего взвода была и Ольга Груздова.

Прошло две недели. И вот майским полднем в расположении штаба бригады, который стоял в те дни в деревне Святая Воля, что в десяти километрах от Телехан, объявили тревогу. В поле, со стороны Пинска, появилась и двигалась на наши передовые посты гитлеровская легковая автомашина.

Я, комиссар бригады Андрей Чайковский и мой заместитель по разведке Виктор Макаров выбежали из хаты. Поле на подступах к деревне просматривалось отлично. Подношу к глазам бинокль, вижу машину. Темно-зеленого цвета, в разводах камуфляжа, она ползет медленно, переваливаясь на ухабах дороги. И первое, что мы все с удивлением заметили, — небольшое красное полотнище, полыхающее на ветру над кузовом.

— Откуда он здесь? — слышу полный недоумения голос Макарова. — Неужели Логойко прозевал?

— Не может этого быть, — с сомнением покачал головой Чайковский. — Командир он грамотный, с опытом.

Взвод охраны с двумя станковыми пулеметами был наготове. Заняв свои места в окопах, бойцы внимательно наблюдали за машиной. Она все ближе и ближе. Наконец, миновав передовые посты, легковушка въехала в деревню и направилась прямо к нам. Это была новенькая открытая «татра».

На переднем сиденье — двое в немецкой форме. Рядом с водителем, угрюмо поглядывая по сторонам, — гитлеровский офицер в надвинутой на глаза фуражке с высокой тульей. За его спиной, стоя в полный рост, радостно улыбаются нам бойцы партизанской роты Григория Логойко. В центре, с самодельным красным флагом в руках, — Ольга Груздова.

Когда машина поравнялась с домом, где находился штаб, девушка приказала шоферу остановиться. Скрипнув тормозами, «татра» замерла. Перемахнув через борт, партизаны выстроились перед нами. Рапортует Ольга:

— Товарищ комбриг! По поручению командования роты разрешите доложить...

Как выяснилось, гитлеровцы появились в тот день неожиданно. Два грузовика с автоматчиками, сопровождавшие легковую машину с жандармским полковником, на большой

скорости шли по большаку от Пинска к Телеханам. Фашисты были настороже: за каждым деревом, кустом их, конечно, могли ожидать партизаны. И все же засаду они проглядели. Подпустив колонну на несколько десятков метров, патриоты обрушили на нее шквал огня. Удар был ошеломляющий. Одна за другой рвались под колесами гранаты. Потеряв управление, грузовики завалились в придорожный кювет и вспыхнули.

С дружным партизанским «ура!» бойцы поднялись в атаку. И в первых рядах бежала молодая девушка. Это была Ольга Груздова.

Приняв четкий рапорт, я подошел к Оле, обнял и расцеловал ее. От имени командования бригады мы вместе с комиссаром Андреем Чайковским тепло поздравили отважную партизанку и всю группу с успешным выполнением задания.

Не менее памятно и дорого для меня имя еще одной партизанки, комсомолки Марии Колпаковой. Ничем не примечательная скромная девушка, по профессии педагог, Марийка пришла в отряд имени Кирова из родной деревни Ковчицы зимой 1942/43 года и с первых же дней активно включилась в боевую жизнь отряда.

В конце 1943 года линия фронта приблизилась к Березине. Радости партизан не было предела: каждый понимал, что освобождение родной белорусской земли от оккупантов не за горами. На ближних подступах к району действий отряда имени Кирова, взламывая оборону противника, успешно продвигалась на запад 37-я стрелковая дивизия Красной Армии. Форсировав реку и обойдя райцентр Паричи, ее части в середине декабря создали реальную угрозу прорыва на этом участке фронта.

Подтянув резервы и яростно обороняясь, гитлеровцы предприняли попытку сковать наступательные действия советского соединения. День и ночь шли ожесточенные бои. Контратаки фашистов, проводимые при поддержке авиации и артиллерии, следовали одна за другой.

И в этот напряженный момент, как никогда, пожалуй, своевременным оказалось решение командования отдельного Паричского отряда имени Кирова отвлечь на себя часть вражеских сил, то есть навязать противнику борьбу на два фронта. С этой минуты отряд вступал в полосу тяжелых, кровопролитных боев с крупными, значительно превосходящими армейскими подразделениями вермахта. Однако иного выхода в те дни не существовало.

Очередная атака гитлеровцев со стороны Бобруйска началась рано утром. Против кировцев, окопавшихся на окраине деревни

Ковчицы Вторые, было брошено около батальона солдат при поддержке бронетранспортеров и артиллерии. Партизаны стояли насмерть. В составе своей роты Мария Колпакова неоднократно участвовала в контратаках, умело и бесстрашно была из своего карабина фашистов. Получив отпор со стороны партизан, атака гитлеровцев захлебнулась. Многие десятки трупов и несколько подбитых бронемашин оставил противник на подступах к деревне.

Однако ночью положение еще больше обострилось. Немецким войскам с большим трудом удалось потеснить части 37-й стрелковой дивизии. И это не могло не отразиться на судьбе отряда имени Кирова.

На следующий день против партизан было брошено до 40 танков, артиллерия, шестиствольные минометы и около двух тысяч пехотинцев.

Неравный бой длился более тринадцати часов. В этом бою погиб почти весь командный состав отряда. Партизаны и партизанки сражались до последнего патрона.

Самоотверженно, с удивительной стойкостью и выдержкой вела себя в бою комсомолка Мария Колпакова. В полузасыпанной траншее, под свист снарядов и пуль, в грохоте разрывов и скрежете танковых гусениц она хладнокровно и метко уничтожала гитлеровцев из своего карабина. Трупы немецких солдат и офицеров густо устилали поле на подступах к боевым порядкам отряда. Однако и цепи партизан с каждой минутой редели.

Внезапно оборвав очередь, замолчал в десяти шагах партизанский пулемет. Весь расчет был убит взрывом мины. Ни минуты не колеблясь, Мария бросилась вперед. Сменив диск, девушка прижимает к плечу приклад ручного пулемета, ловит в прорези прицела поднявшиеся в рост фигуры гитлеровцев и, подпустив их поближе, уверенно нажимает на спусковой крючок. Пулемет оживает в руках партизанки, длинные, губительные очереди сеют смерть во вражеских цепях.

Партизаны дрались до последнего. Когда же в дисках и обоймах у них не осталось ни единого патрона, горстка уцелевших народных мстителей медленно поднялась из траншей. Коммунисты и комсомольцы шли, не дрогнув, в свой последний и неравный рукопашный бой. Шли, чтобы погибнуть за свое правое дело.

Они остались в нашей памяти героями. И в их рядах отдала, не колеблясь, свою жизнь во имя победы над фашизмом Мария Колпакова.

...Московские комсомолки. Их было в наших рядах не так уж много. Но все они, до единой, героизмом своим и мужеством завоевали у бойцов наших отрядов глубокое уважение и любовь. Они были настоящими партизанками, бесстрашными, стойкими, храбрыми.

Не забыть мне имена москвичек Риммы Шершневой, Нины Макаровой, Галины Кировой и других девушек, прибывших в белорусское Полесье в сентябре 1942 года.

В составе комсомольского отряда имени Гастелло, вошедшего позже в состав 121-й бригады имени Брагина, они прошли пешком более тысячи километров по вражеским тылам. На пути своем, пролежавшем через всю Белоруссию, довелось партизанкам повстречать немало гитлеровских гарнизонов, участвовать во многих боях.

Одной из первых серьезных операций, ставшей экзаменом на мужество и выдержку для молодых подрывников Галины Кировой и Нины Макаровой, явилась диверсия на одном из участков железной дороги Брест — Гомель в октябре 1942 года. Они вошли в состав группы заместителя командира отряда по разведке Николая Симонова, перед которой была поставлена задача пустить под откос вражеский эшелон с живой силой и боевой техникой.

Первая попытка заложить заряд под рельсы оказалась неудачной — мина нажимного действия не сработала. С громадным риском партизанам пришлось снимать мину: оставлять там тол бойцы не могли.

Через два дня группа вернулась на старое место. Заложив мину, партизаны протянули в сторону леса шнур. Но в самый последний момент выяснилось, что длина его явно недостаточна. Что же делать? Смекалистые девушки нашли выход. Они разматывали бинты, вымазали их в грязи и присоединили к концу шнура. Вскоре все было готово к взрыву. И он прогремел. Военский эшелон оказался под откосом. Боевое крещение партизанок состоялось.

У войны свои законы, жестокие, неумолимые. И перешагнуть рубеж ее, встретить Победу было дано далеко не всем. За Родину, за народ погибали многие.

В конце сорок второго не стало в наших рядах Риммы Шершневой.

Ученица 10-го класса, уроженка города Добруша Гомельской области, Римма уже летом сорок первого стала настойчиво просить послать ее к партизанам или на фронт. В июне 1942 года она была послана комсомолом в партизанскую бригаду.

Суровый бой за деревню Ломовичи Октябрьского района подходил к концу. Вражеский гарнизон, укрепившийся на ее улицах, был почти разгромлен. Лишь гитлеровцы, засевшие в самом крупном дзоте, который был центром обороны фашистов, по-прежнему оказывали упорное сопротивление.

Партизаны несли потери. Их цепи, готовые к броску, были прижаты к земле губительным пулеметным огнем. Очередная атака захлебнулась.

Стремясь спасти положение, поднялся молодой боец Александр Бондарчук. В руке его, занесенной для броска, зажата граната. Несколько шагов сделал он вперед, но амбразура дзота плеснула, мерцая, пулеметным огнем, и, подкошенный очередью, партизан упал замертво.

И в этот же момент на смену ему рванулась девушка. Захлебываясь, гремит пулемет. Фонтанчики взрытого пулями грунта вспыхивают у самых ног партизанки, а она каким-то чудом пробегает еще метров пятнадцать. Но пулеметная очередь прошла грудь девушки. Медленно оседая, она опускается на землю...

Смертельно раненную Римму вынесли с поля боя на руках. Она была еще жива. Ни минуты не медля, Галина Кирова и Нина Макарова перевязали подругу и на повозке повезли в ближайшую деревню Старосеки.

Узнав о случившемся, туда срочно выехал хирург соединения Ибрагим Друян. Однако помочь было уже нельзя...

За несколько минут до кончины, очнувшись от забытья, партизанка прошептала:

— Вот и повоевала я... Жаль только, до Победы не дожидла! — И уже совсем тихо: — Об одном прошу: маме не пишите.

Это были ее последние слова.

Осенью сорок третьего война оборвала жизнь еще одной замечательной партизанки — Веры Броваренко. Шестнадцатилетняя комсомолка лишь незадолго до этого пришла в отряд из оккупированного врагом Бобруйска. Ее отца, члена городского подполья, казнили после зверских пыток гитлеровцы.

На боевом счету девушки было участие в нескольких крупных операциях и походах в составе отряда имени Ворошилова. Смелой, решительной, не знающей страха — такой запомнилась она партизанам.

Случилось все сентябрьским днем 1943 года неподалеку от деревни Стрыжи Глусского района. Бойцам, прикрывавшим партизанский аэродром в бобруйском направлении, предстоял тогда неравный бой с крупными силами гитлеровцев. Они

готовились с часу на час к выступлению из деревни Барбарово, где располагался в то время вражеский гарнизон.

Упредить врага, нарушить его планы еще на подступах к партизанской линии обороны было теперь жизненно необходимым. От этого зависел всецело исход боя. Приказ Василия Ивановича Козлова, командира Минского соединения отрядов, мы помнили хорошо: «Удерживать позиции до последнего. Ни шагу назад!»

В тот же день усиленный минометами партизанский взвод выступил в засаду под Барбарово. Перед бойцами была поставлена задача, скрытно подойдя к гарнизону и дождавшись начала выступления противника, нанести ему первый неожиданный удар. После этого должна была последовать решительная контратака основных подразделений отряда.

Выйдя на опушку леса в полукилометре от деревни, партизаны залегли. Именно здесь вероятнее всего и должны были пройти фашисты. Вместе с товарищами, изготовив свой карабин к бою, ожидала появления гитлеровцев и Вера Броваренко.

Ночь провели без сна. А на рассвете потянулись в туманной дымке с окраины Барбарово к лесу первые группы немецких солдат, авангард вражеской колонны.

Но будто бы предвидя на своем пути засаду, фашисты круто изменили маршрут и стали углубляться в лес стороной от партизан. Атаковать их теперь не имело смысла: слишком велико расстояние.

Командир взвода после недолгого раздумья принял смелое решение: стремительным броском обогнать колонну и встретить ее на подступах к Стрыжам новой засадой. Выполнить такую задачу было нелегко, однако другого выхода не существовало.

И бойцы, взвалив на плечи ротные минометы, амуницию, боеприпасы и личное оружие, побежали что было сил сквозь лесную чащу едва заметными, давно нехожеными тропками.

Не отстает от боевых друзей Вера Броваренко. Выносливости ее мог позавидовать любой бывалый боец.

Наконец, преодолев напряженным броском около шести километров, партизаны укрылись за деревьями. Перед ними — широкая и прямая просека. С минуты на минуту здесь должны появиться каратели.

Ждать действительно пришлось недолго. Вскоре вдали показываются шеренги гитлеровцев. Слышатся отдаленные расстоянием команды офицеров, топот кованых сапог.

Пора! Над лесом, разрывая тишину, гремит мощный залп. Пулеметные трассы перечерчивают насквозь просеку, одна за другой тяжело ухают мины, точно накрывая вражескую колонну.

Хлестко звучат автоматы бойцов, гулко раскатываются разрывы ручных гранат.

Вскоре в бой вступили основные силы отряда. С дружным «ура!» партизаны бросились на гитлеровцев.

В первых рядах атакующих шла и Вера Броваренко. Вокруг взвизгивали пули, раскаленные осколки секли ветви деревьев, но молодая партизанка будто не замечала всего этого. Вперед, только вперед!

Впереди в нескольких шагах от нее полыхнул разрыв мины. Наверное, это последнее, что видела Вера. Тут же, будто споткнувшись, она выронила из рук оружие и неловко распростерлась в осенней листве. Гимнастерка на ее груди быстро темнела от крови...

Замолкли вдали последние отзвуки боя. В деревушку Стрыжи, возле которой только что были отбиты атаки карателей, партизаны бережно перенесли тело своей боевой соратницы. Прозвучал троекратный залп над свежей могилой — дань отваге и мужеству шестнадцатилетней партизанки.

Глава шестая С ПАРТБИЛЕТОМ У СЕРДЦА

Уже к 1 июля 1941 года Центральный Комитет Компартии Белоруссии, руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и Правительства СССР, разработал директивы о переходе на подпольную работу партийных организаций районов и областей, занятых врагом, о разворачивании партизанской войны в тылу врага. В них конкретизировались формы вооруженной борьбы с оккупантами, указывались объекты, по которым следовало наносить удары в первую очередь, разрабатывалось решающее положение партизанской тактики: не ждать врага, а искать и уничтожать его, не пассивничать, только наступать.

Под руководством ЦК КП(б)Б на всей территории республики была проведена огромная работа по перестройке партийных и комсомольских органов применительно к новым, военным условиям. Во главе областных, районных и первичных организаций становились мужественные, беспредельно преданные Родине и делу коммунизма люди, партийные и комсомольские вожаки.

Немало среди них было и женщин, принимавших самое активное участие в борьбе с врагом.

Белорусское Полесье... Край необозримых лесов, равнин и озер. В местах этих, ближе к Глуску, с теплотой и уважением вспоминают имя замечательной женщины, коммунистки Марины Ивановны Храпко. Добрая молва о ней среди полесских партизан и жителей окрестных деревень пошла с грозного для всех нас сорок первого года.

Впервые встретить Марину Ивановну мне довелось в сентябре 1942 года южнее Бобруйска. Нелегкое это было время для

партизан. Гитлеровское командование, сняв с фронта крупные войсковые части и объединив силы местных гарнизонов, блокировало наш район. Вызвано это было тем, что все магистрали, железнодорожные и шоссейные, находились к этому времени под постоянным огнем народных мстителей. Тысячи солдат вермахта из-за их смелых диверсионных операций не добрались к фронту, многие тонны боеприпасов, оружия и боевой техники взлетели на воздух.

Узнав заблаговременно о планах противника (наши разведчики в Заволочицах, Осиповичах и Бобруйске не прозевали), командование решило обмануть фашистов, ввести их в заблуждение.

И это нам удалось.

В одну из сентябрьских ночей партизаны временно оставили свои лагеря и будто исчезли, растворились в лесных чащобах. А на следующее утро гитлеровцы плотным двойным кольцом окружили покинутые нами лесные массивы. Двое суток пришлось фашистам искать партизан, топчась, по сути дела, на одном месте. Наконец ценой больших усилий им все-таки удалось обнаружить наш след к югу от «варшавки». Столкновение было неизбежным.

Севернее деревни Козловичи Глусского района нашему молодежному отряду пришлось вступить в первую схватку с противником. Она была нелегкой — в течение двух часов бойцам пришлось отбить несколько атак передовых карательных батальонов врага. Однако силы противника значительно превосходили наши. Положение народных мстителей, и без того сложное, с каждым часом ухудшалось. Отряду грозило полное окружение.

В этой трудной ситуации решено было немедленно установить связь с партизанскими отрядами Николая Храпко и Устина Шваякова и начать согласованные действия вместе с ними. Эту задачу поручили мне, тогда комиссару отряда, и разведчику Павлу Федорину.

В тот же день, пройдя несколько километров, выполнили мы задание, однако, условившись с соседями обо всем, выбраться обратно не смогли: путь был отрезан фашистами. Гитлеровские части с яростью обрушились на партизан Храпко и Шваякова. Пользуясь огромным превосходством в силах, каратели окружили отряды, зажав их в плотное кольцо.

День и ночь не умолкали разрывы гранат, гремели автоматные и пулеметные очереди. Каждый метр взятой партизанской территории враг оплачивал потерями. Нередко бои переходили в рукопашные схватки. Партизанам отступить было

некуда, и они дрались стойко, яростно и мужественно. Каждый знал, что плен даже для тяжело раненного партизана — это верная смерть. Фашисты не щадили никого, кто вставал с ними на борьбу. Но, конечно, не отсутствие выбора между гибелью в бою и в плену заставляло народных мстителей держаться до последнего. У каждого еще теплилась надежда на победу в этом неравном бою. Это главное.

Установив перед линией обороны отрядов мощные репродукторы, гитлеровцы начали психологическую атаку.

— Ваше положение безнадежно. Сдавайтесь! Сложившим оружие гарантируем жизнь! — разносилось по лесу.

Огнем отвечали партизаны на провокационные призывы фашистов.

Отражением вражеских атак умело и хладнокровно руководили Николай Храпко, Устин Шваяков, комиссар Василий Голодов и начальник штаба отряда Сергей Сыроквашин. Они успевали побывать на всех участках обороны, подавали бойцам пример мужества и выдержки.

Идти на прорыв из окружения довелось и нам: Семену Ольховцу, Павлу Федорину и мне. Именно здесь я и познакомился с Мариной Храпко.

Во время очередной атаки карателей я обратил внимание на молодую темноволосую девушку в армейской гимнастерке, которая, сноровисто перезаряжая свой карабин, вела огонь по наступающим вражеским цепям неподалеку от меня. На вид ей было не больше двадцати пяти лет. Поражали хладнокровие и выдержка — рядом рвались гранаты, свистели пули, срезали ветви деревьев осколки, а она тщательно прицеливалась, нажимала на спусковой крючок, так же спокойно перезаряжала карабин и снова расчетливо выбирала цель. «Ну и дивчина, — подумалось мне тогда. — Молодец!»

На следующий день, проведя разведку на юго-восток, командование отрядов нашло направление прорыва. Под покровом наступившей вскоре ночи партизанские подразделения бесшумно снялись со своих позиций и, прикрытые усиленными пулеметными взводами, двинулись в обнаруженную разведчиками брешь.

Случилось так, что в партизанской колонне, выходявшей из окружения, рядом с нами шагала с карабином в руках та самая девушка, на которую я невольно обратил внимание в бою. Выглядела она такой же бодрой и бойкой, хотя всего лишь несколько часов назад на моих глазах партизанке пришлось вместе со всеми выдержать нелегкую схватку с врагом.

— Кто вы? — спросил я.

— Боец отряда Марина Храпко, товарищ комиссар! — задорно отозвалась девушка.

Позже я узнал о славном пути этой активистки нашей партии, который она уже прошла в тылу врага. Марина вступила в ряды тех, кто создавал заново и укрепил подпольные партийные ячейки на захваченной фашистами территории, кто поднимал народ на борьбу и организовывал партизанские отряды.

Марину Храпко еще с довоенных времен хорошо знали жители Глусского района. В Жолвинецком сельсовете она избиралась секретарем комсомольской организации, заведовала местной библиотекой. К веселой, задорной и боевой девушке, начитанной и живой, умеющей заинтересовать и увлечь людей, невольно тянулась молодежь.

Вскоре девушку избрали вторым секретарем Глусского районного комитета комсомола, а затем она перешла в районный отдел народного образования.

В сорок первом Храпко принимала самое деятельное участие в подготовке района к эвакуации. За ней был закреплен Жолвинецкий сельсовет. Она как представитель партии делала все для скорейшей переброски на восток зерна, мяса, других продуктов. Врагу не должно остаться ничего!

Прогремев ожесточенными боями, откатилась в глубь страны линия фронта. Родное Полесье под пятой оккупантов. «Будем громить врага в его тылу!» — решила Марина и увела актив окрестных деревень на юг республики, к городу Мозырь.

Дойдя до райцентра Октябрьский, группа встретила партизан. Присмотревшись к девушке, командование предложило ей вернуться в свой Глусский район с ответственной и серьезной задачей — вести разведку и поднимать население на борьбу с оккупантами. И она без колебаний согласилась.

В начале октября 1941 года вместе со своим однофамильцем Константином Храпко Марина отправилась в обратный путь, в захваченный фашистами Глуск. За день оставив позади несколько десятков километров, они миновали деревни Городище, Лучки и многие другие. Картина везде была одна и та же: террор оккупантов, казни, пытки и издевательства над мирными советскими гражданами. Сердце Марины обливалось кровью при виде всего этого.

Под самым Глуском им встретились трое мужчин в выгоревшей командирской форме. Они пробирались на восток, обходя деревни, таясь от посторонних взглядов. После осторожного знакомства и взаимных расспросов все трое примкнули к Марине и Константину. Раздобыв у селян гражданскую одежду и узнав о последних событиях в Глуске (по

словам очевидцев, гитлеровцы оборудовали там крупный склад боеприпасов), пятерка решила на первую диверсию. С планом, предложенным Мариной Храпко, согласились все. Она пошла вперед — на разведку.

Благополучно проникнув в город, группа стала готовиться к операции. Разведаны подходы к складу, расположение поста охраны, пути возможного отступления. Той же ночью улицы Глуска содрогнулись от сильного взрыва — на воинском складе начали рваться боеприпасы.

Гарнизон города был поднят по тревоге.

— Закрыть все входы и выходы! Прочесать каждый дом! — в ярости приказал комендант.

Но уже поздно — Константин Храпко вместе с новыми друзьями успел выбраться за окраину. Марина решила остаться в Глуске, укрывшись у знакомой учительницы Полины Фукады.

На вторую ночь девушке удалось, хотя и с немалыми трудностями, покинуть город. Обходя населенные пункты, Храпко направилась в сторону реки Птичь. Вот наконец и она — холодная, по-осеннему неприветливая, с сильным, норовистым течением. Вокруг непроглядная тьма, ночное безмолвие. Раздевшись и связав в узел телогрейку, кирзовые сапоги и платье, девушка вошла в воду. Ледяной октябрьский холод перехватывал дыхание, обжигал тело, сводил судорогой ноги. Едва не теряя сознание, окончательно выбившись из сил, выгребла она к долгожданному берегу, набросила на себя мокрое платье, надела сапоги и — бегом, чтобы не замерзнуть, к лесу. Главное теперь — не сбиться с пути, не попасть в лапы к гитлеровцам!

К исходу ночи добралась она до родной деревни Жолвинец.

Собрав уже на следующий день активистов — всего 23 человека, в числе которых был и брат Марины Григорий, — активистка предложила им немедленно начать действовать. Прежде всего они решили раздать уцелевший колхозный хлеб и скот населению, сжечь мосты на реке Крапивица, уничтожить предателей в Жолвинце и в соседних деревнях.

Все из намеченного с немалым риском для жизни вскоре было выполнено. Тишины и спокойствия на оккупированной земле глусской враг не дожидется!

В апреле сорок второго у Марины Храпко и ее актива началась партизанская жизнь в отряде имени Кирова.

Из захваченного врагом Бреста ступила на путь борьбы с фашизмом еще одна замечательная патриотка, член партии Александра Ивановна Хромова. Одной из первых взялась она за организацию партийного подполья на западе республики.

Над старыми бастионами Брестской крепости еще стояло багровое зарево, когда в сумерках на железнодорожные пути за городом вышли две женщины. Стоявший у светофора товарный состав, на который им удалось сесть с помощью знакомого кондуктора, вот-вот должен был тронуться в сторону оккупированного фашистами Минска. Для того чтобы выйти на связь с подпольным центром в столице Белоруссии, туда ехали работница Брестского горпромторга, жена майора погранвойск Александра Ивановна Хромова и инструктор городского комитета партии Роза Степановна Радкевич. Они выполняли поручение группы коммунисток — жен военнослужащих, чьи мужья до последнего сражались в крепости: во что бы то ни стало установить связь с внешним миром.

Но, увы, опасная поездка закончилась безрезультатно. Связаться с минскими подпольщиками Хромовой и Радкевич не удалось. С большим трудом они вернулись в Брест. И вот горстка отважных женщин решила действовать самостоятельно, взяв на себя задачу сплочения патриотических сил города. Начались поиски верных людей, установление связей, создание партийных и антифашистских групп.

Поздним августовским вечером на одной из конспиративных квартир группа товарищей заслушала сообщение Розы Радкевич о неудавшейся попытке связаться с минским подпольем и получить от него инструкции, программу борьбы. Тут же приняли решение создать подпольный партийный комитет. Его возглавили инициаторы этого собрания — Петр Георгиевич Жуликов, бывший секретарь парткома Брестского железнодорожного узла, и Роза Степановна Радкевич. В состав комитета вошли женщины-коммунистки А. И. Хромова, А. М. Бабушкина, Т. Н. Смирнова, З. И. Южная, А. Ц. Аронина, Н. А. Комолова.

Начали со сбора оружия, боеприпасов и медикаментов, распространения в городе сводок Совинформбюро, организации срыва экономических и политических мероприятий оккупантов.

Гитлеровская служба безопасности и СД, жандармерия и полиция свирепели с каждым днем. Оккупанты чувствовали нарастающую волну борьбы, но, несмотря на все усилия, не могли ничего узнать о том, как она организована и кем направляется. С лихорадочной поспешностью пытались они нащупать очаги подпольной работы, выявить имена руководителей. Особенно озлобляло их собственное бессилие: отыскать таинственные радиоприемники, с помощью которых горожане узнавали правду о положении на фронтах, долгое время не удавалось.

Однажды фашисты ворвались в одну из квартир дома по улице Буденного, схватили и увезли в тюрьму молодую женщину.

На нее указал, как потом выяснилось, бежавший из лагеря военнопленный, арестованный патрулем. Под пытками он признался в том, что именно она передала ему советский паспорт, чтобы помочь выбраться из города. Однако женщина на допросах настойчиво повторяла одно и то же: паспорт нашел на улице ее сынишка, и она отдала документ первому встречному, кто об этом попросил.

Неделю спустя, так ничего и не добившись, ее выпустили. Если бы только знали тюремщики, что в лапах у них побывала не кто иная, как Роза Степановна Радкевич, в недавнем прошлом — ответственный работник городского комитета партии, и что именно у нее на квартире не так давно состоялось организационное заседание партийного подпольного комитета с участием Петра Георгиевича Жуликова, Александры Ивановны Хромовой, Зинаиды Ивановны Южной, Татьяны Николаевны Смирновой и других оставшихся в городе коммунистов.

Поздней осенью сорок первого Александра Хромова вместе с Розой Радкевич среди белого дня провезли через весь город в мешке с дровами, уложенном на санки, радиоприемник. С трудом отвязавшись от двух гитлеровцев, которых заинтересовало содержимое мешка, они установили аппарат в маленькой комнатухе Александры Ивановны. С этого дня она начала регулярный прием, размножение и распространение сводок Совинформбюро.

Коммунистическое подполье Бреста с каждым днем росло и действовало все активней. В ряды его вливались и приступали к борьбе с оккупантами десятки новых патриотов. Работу с молодежью было поручено возглавить Василию Нестеренко. Этот боевой, энергичный и смелый парень был инициатором многих диверсий. Тесную связь с ним и его подпольными комсомольскими группами поддерживала Александра Хромова.

К весне 1942 года патриотами Бреста было собрано и укрыто немало оружия и боеприпасов. А в начале апреля того же года группа из 25 коммунистов и комсомольцев ушла из города для организации молодежного партизанского отряда. Среди них были А. Хромова, Ф. Тронкина, М. Прошина. Командиром партизанской группы был назначен член городского подпольного комитета партии Г. Рева, комиссаром — А. Свитцов.

Однако неопытным, плохо вооруженным, почти незнакомым с местностью и военным делом патриотам не удастся создать по-настоящему боевое партизанское подразделение. В первой же стычке с гитлеровцами группу разбили. Против нее, казалось, была и природа — весна выдалась бурная, многоводная. Сырой, утопающий в разливах речек и ручьев лес выглядел чужим,

неуютным. И ребята, спрятав оружие в тайники, вернулись в город, чтобы продолжать работу в условиях подполья.

В июне сорок второго Александра Хромова и Григорий Рева в группе из шести человек вновь покидают Брест. Они заметили, что за ними установлена слежка. Взяли направление на Беловежскую пушу, полагая, что там обязательно должны действовать партизанские группы или армейские разведчики. Однако патриоты проделали этот путь напрасно: найти партизан не удалось. Те, как рассказывали местные жители, несколько недель назад покинули этот район: немцы начали прочесывать Беловежскую пушу и хватать всех, казавшихся им подозрительными.

После недолгих размышлений группа двинулась в сторону Пинска. Шли долго, обходя вражеские гарнизоны, иногда вступая в вынужденную перестрелку с гитлеровцами. Цель у всех была одна — перейти линию фронта и попасть к своим. Вот так брестчане и оказались, оставив позади сотни километров нелегкого пути, на юге Минской области, в партизанском Альбинске. Здесь, к огромной своей радости, они повстречали отряд Григория Кравца и едва ли не в тот же день приняли участие в тяжелом бою с гитлеровцами.

В донесении штабу соединения Григорий Кравец сообщил о группе брестских подпольщиков, присоединившихся к его отряду, и буквально через несколько дней Александру Хромову и Григория Реву вызвал к себе секретарь Минского подпольного обкома партии, командир соединения партизанских отрядов Василий Иванович Козлов. Его интересовал Брест.

Едва Хромова и Рева явились в штаб, как Василий Иванович приступил к детальным расспросам. Брестчане поняли, что командир соединения придает этой встрече особое значение.

— Рассказывайте! Сначала коротко — о себе, а потом со всеми подробностями — о Бресте, обо всем, что там происходит.

Так В. И. Козлов получил от непосредственных участников событий исчерпывающую информацию о положении в городе, о свирепствующих там службах СД и жандармерии, о том, в каких тяжелейших условиях приходится работать в подполье патриотам, объединившимся вокруг партийного комитета.

Уже темнело, когда брестчане закончили свой рассказ.

— Ординарец! — крикнул Козлов. — Огня!

Протягивая Хромовой коптилку, сделанную из гильзы, Василий Иванович сказал:

— Вот вам освещение, рядом — палатка. Полезайте в нее и опишите все, о чем только что мне рассказали. Конечно, толково, последовательно пишите. Договорились?

Писали они всю ночь, стараясь изложить только самую суть, загоняя в глухие тайники души те бурные и горестные чувства, которые были вызваны воспоминаниями.

А потом отчет Александры Хромовой и Григория Ревы самолетом был переправлен в Москву, в Белорусский штаб партизанского движения. Начальник штаба Петр Захарович Калинин познакомил с ним первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко. Отчет этот был очень кстати: как раз полным ходом шла подготовка к засылке в глубокий тыл врага группы активистов для организации Брестского подпольного обкома КП(б)Б во главе с Сергеем Ивановичем Сикорским.

Январь 1944 года. Выполняя указание Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии, наша 99-я партизанская бригада имени Д. Гуляева, пройдя около пятисот километров нелегкого и опасного пути вдоль прифронтовой полосы, прибыла в распоряжение Брестского подпольного обкома партии. Нам предстояло вести вооруженную борьбу с врагом в новых условиях — в обстановке близящегося окончательного разгрома фашистских полчищ на белорусской земле, ее долгожданного и полного освобождения.

Морозным январским полднем по вызову командования я прибыл в штаб соединения и одновременно в Брестский областной комитет партии, находившиеся при партизанской бригаде имени Свердлова. Здесь, на островах Споровских болот, восточнее города Березы, ожидала меня встреча с необыкновенно интересным человеком, о чьих боевых делах в рядах брестских подпольщиков я уже давно был наслышан.

Обсудив с Сергеем Ивановичем Сикорским все необходимые вопросы, я спустился в землянку заместителя командира партизанского соединения по партийно-массовой работе Сергея Егоровича Егорова. В отрядах и бригадах называли его комиссаром объединения. На скамье возле дощатого стола с разложенной на нем картой области сидела молодая, хрупкого сложения, светловолосая женщина. Поднявшись навстречу, Сергей Егорович крепко пожал мне руку.

— Знакомьтесь. Первый секретарь Антопольского райкома партии Александра Ивановна Хромова. А это Владимир Яковенко — командир недавно прибывшей в наши места девяносто девятой бригады имени Гуляева.

Мы обменялись дружеским рукопожатием.

Удивительные чувства владели мной в те минуты. Неожиданной встречей с этой женщиной, о которой говорили так много доброго, был я взволнован и искренне тронут. Так вот она

какая, Александра Хромова, одна из организаторов Брестского партийного комитета, мужественный и бесстрашный член городского подполья! Нет, не такой я представлял ее себе — более солидной, что ли. А передо мной — совсем еще молодая изящная женщина.

— Представляли меня другой? Старше? — словно прочитав мои мысли, улыбнулась Александра.

Я невольно смутился.

— Дело не в возрасте. Просто думал, что вы другая внешне: такая властная, суровая... А что касается молодости, то этот недостаток, говорят, быстро проходит. Ведь так?

Все рассмеялись.

Сергей Егорович после непродолжительного молчания поднял глаза на Хромову:

— А не поделиться ли тебе опытом с молодым комбригом, Александра Ивановна? Человек он в наших местах новый, в деталях с обстановкой познакомиться еще не успел. Расскажи-ка ему поподробней о партийных делах, о работе с комсомолом, с молодежью. Мне кажется, это будет полезным, тем более, что вы ведь теперь соседи: Антопольский и Ивановский районы рядом.

Я горячо поддержал просьбу Егорова: рассказ Хромовой обещал быть интересным.

— Главная задача, которую ставит перед собой районный комитет партии, — собравшись с мыслями, начала Александра Ивановна, — подъем народа, от мала до велика, на борьбу с врагом, с оккупантами. Этому мы отдаем и будем отдавать все свои силы без остатка, знания, опыт.

Узнал я в тот день немало для себя полезного и нужного. Опыт партийного руководства, которым поделилась со мной Александра Ивановна Хромова, был действительно богатым, разносторонним. Стало мне понятно и другое — за что так любят и уважают антопольские коммунисты своего вожака.

К началу 1944 года в районе было создано 33 антифашистские подпольные группы и 27 комсомольских организаций, объединивших в своих рядах около трехсот человек. В деревнях к этому времени был подготовлен надежный партийный резерв — двести патриотов и патриоток, готовых в любую минуту выполнить самое трудное поручение руководства.

В состав райкома партии вошли Григорий Андреевич Дудко, секретарь подпольного районного комитета комсомола Сергей Васильевич Керов, комиссар отряда Григорий Яковлевич Рева, а также инструктор РК партии Прасковья Семеновна Сидорук. Активными пропагандистами райкома стали Василий Сидорович Ломако — политрук одной из партизанских рот, Степан

Васильевич Соколовский и Багимкул Кулобаев.

В десятках деревень, нередко под боком вражеских гарнизонов, силами районного комитета было проведено около трехсот пятидесяти собраний и митингов по мобилизации сил на борьбу с оккупантами. В них принимали участие десятки тысяч жителей Антопольского района. Многие из этих собраний провела сама Александра Хромова.

В ответ на призывы партии ряды партизанских подразделений с каждым днем полнились все новыми и новыми бойцами. В райком и штабы отрядов обращались сотни жителей Антопольского района с просьбой о зачислении их в партизаны. При Антопольском РК партии была создана специальная комиссия по приему населения в отряды народных мстителей. Ее возглавляли Семен Тимофеевич Шиш и Григорий Яковлевич Рева.

Основным партизанским формированием Антопольского района являлся хорошо вооруженный отряд имени Кирова. На боевом счету его было тридцать девять вражеских эшелонов с живой силой и техникой, пущенных под откос, восемьдесят километров уничтоженной проводной связи противника, тридцать семь взорванных и сожженных мостов. Силами отряда были разгромлены гарнизоны оккупантов в деревнях Детковичи, Грушево, Осмоловичи, Зелово, Смолярых, в поселке Городец и других.

Необходимо отдать должное и командиру отряда Семену Тимофеевичу Шишу. Это он, бывший счетовод колхоза из деревни Худлин, с первых месяцев оккупации сражавшийся с врагом, возглавил отряд имени Кирова, личным примером воспитывал своих бойцов. Доверие, оказанное народом, смелый и опытный командир оправдал.

В рядах партизан была вся семья Семена Тимофеевича. На боевом счету его сыновей — семнадцатилетнего Петра и его погодка Василия, которые находились в диверсионной группе Алексея Антончика, было немало подорванных железнодорожных эшелонов врага. В отряде много дел нашлось и для жены командира Марии Федоровны, которая пришла с двумя совсем еще маленькими дочурками Женей и Верой.

Особенно теплым словом хочется вспомнить старушку, мать Семена Шиша, Наталью Петровну. Несмотря на преклонный возраст, она в суровый для всех нас час нашла в себе силы покинуть родной кров и уйти вместе с детьми своими и внуками в партизанский отряд.

Сохранился в партизанской семье как реликвия бесценный фотоснимок. Объектив фотоаппарата запечатлел трогательную сцену: первый секретарь Брестского подпольного обкома партии

Сергей Иванович Сикорский благодарит партизанскую мать Наталью Петровну Шиш за сына ее, командира отряда имени Кирова, и боевых внуков — Василия и Петра. На снимке рядом с С. И. Сикорским и Натальей Петровной — Семен Тимофеевич и Петя Шиш. Через несколько часов юному партизану предстояло уйти на очередную операцию по подрыву вражеского эшелона.

Авторитет Антопольского райкома партии и партизанского отряда имени Кирова среди местного населения был огромен. Отправляя лучших своих сынов и дочерей в ряды народных мстителей, жители окрестных деревень, надежные союзники партизан, регулярно собирали для бойцов отряда продовольствие, одежду, обувь. Лишь в декабре 1943 года сельскими активистами было собрано в подарок партизанам сорок теплых рубашек, семьдесят пар нательного белья, пятьдесят три пары шерстяных перчаток, восемьдесят пар теплых носков, десять полушубков и двадцать пар валенок. Кроме того, крестьяне изыскали 600 метров белого полотна для пошива маскировочных халатов. Но особенно много радости доставили бойцам письма с пожеланием успехов в их нелегкой борьбе с врагом, которые сопровождали каждый подарок.

Немалую помощь партизанам оказывал местный актив и население в агитационной и пропагандистской работе во вражеских гарнизонах. Так, после неоднократного распространения листовок и писем командования в одном из гарнизонов в партизанский отряд с оружием в руках перешло тринадцать солдат-сербов и десять полицейских. Это была заслуга трех отважных женщин из деревни Демидовщина — второго секретаря подпольного райкома комсомола Клавдии Миронюк, Веры Вишневской и Евдокии Чмель.

В рассказе Хромовой не мог не обратить я внимания на одну деталь, особенность. Подробно, с увлечением описывая напряженную, полную риска работу антопольских коммунистов, районного актива, молодежи и партизан отряда имени Кирова, секретарь подпольного райкома партии старательно избегала говорить о себе, о своем вкладе в общее дело. А он, я знал об этом, был немалым.

Весна 1943 года. В одну из ненастных мартовских ночей, задолго до рассвета, на взлетно-посадочную полосу партизанского аэродрома, расположенного западнее деревушки Альбинск, приземлился военно-транспортный самолет. Из открывшегося люка самолета на землю прыгнули шестеро. Здесь их уже давно ждали. Крепкие объятия друзей, соратников по борьбе с фашизмом, нетерпеливые расспросы, улыбки.

По решению ЦК Компартии Белоруссии и Центрального штаба партизанского движения с целью дальнейшего развертывания отпора врагу и подпольной работы на оккупированной Брестчине в глубокий тыл врага прибыли секретари Брестского обкома партии Сергей Иванович Сикорский и Иван Иванович Бобров, уполномоченный ЦК ЛКСМБ, секретарь Брестского обкома комсомола Федор Дмитриевич Ромма, работник аппарата НКВД подполковник Александр Николаевич Дроздов и радисты.

После недельной подготовки и сборов оперативная группа, состав которой пополнился брестскими подпольщиками Александрой Хромовой и Григорием Ревой, а также прилетевшим с Большой земли редактором областной газеты «Заря» В. Ф. Калиберовым и другими товарищами, тронулась в путь, на запад республики. Ценнейшая информация о положении в оккупированном Бресте, об организованной и повсеместной борьбе с врагом, которой поделилась Александра Хромова с Сергеем Ивановичем Сикорским, была внимательно выслушана и принята к сведению. Полученная от непосредственных участников событий, она крайне важна своей достоверностью, правдивостью.

Труднейший и опаснейший переход на запад по глубоким вражеским тылам был завершен в апреле сорок третьего. На небольшом островке Споровских болот, в урочище Хованщина, группа встретилась с бойцами и командирами отряда имени Щорса и оборудовала свою стоянку.

Одним из первых вопросов, который встал перед обкомом и штабом соединения, была организация надежной связи с подпольем Бреста, с его партийным комитетом. Огромная важность этой задачи была понятна каждому — и Сергею Ивановичу Сикорскому, официально принявшему на себя обязанности командира соединения партизанских отрядов области, и его заместителям — Ивану Ивановичу Боброву, Сергею Егоровичу Егорову, Александру Николаевичу Дроздову и Федору Дмитриевичу Ромме. И человек, способный выполнить это сложнейшее и рискованное задание, вскоре был найден. Его кандидатура была принята всеми единогласно: выбор руководства пал на Александру Ивановну Хромову.

Майским солнечным утром вошла Александра Ивановна в шалаш секретаря обкома.

— Садись поближе, товарищ Хромова, — пригласил ее Сикорский и, обращаясь к членам обкома, продолжил начатый разговор: — Именно ей мы и поручим это задание. Начштаба, дай-ка карту. Тебе предстоит пойти, товарищ Хромова, этим

маршрутом на запад. Рева, друг твой старый, будет твоим телохранителем. Из встретившихся по пути отрядов и групп высылай сюда к нам связных. О паролях условитесь с Александром Николаевичем, — Сикорский кивнул в сторону Дроздова. — Теперь о главном. Во что бы то ни стало проникни в Брест. Узнай все детально о Петре Жуликове и его организации. Восстанови, где можно, старые связи, наметь новые. Подробности обсудите опять-таки с Дроздовым. Мы должны получить о Бресте самую точную и полную информацию. Понятно?

— Да, Сергей Иванович, я поняла.

— А раз так, то готовься к походу.

Из шалаша Сикорский и Хромова вышли вместе.

— Шурочка, — после недолгого молчания глухо проговорил Сикорский, — у меня к тебе еще одна просьба. Если представится такая возможность, то разыщи, пожалуйста, мою семью. И о других узнай. Кого сможешь, выведи из города.

— Обещаю вам это, Сергей Иванович! Сделаю все, что смогу.

— Это было бы здорово!

Секретарь обкома благодарно пожал ей руку.

Человек доброго и щедрого сердца, он был замечательным семьянином. В постоянных размышлениях о судьбах подполья, Сергей Иванович вновь и вновь возвращался мыслями к жене, к детям, оставшимся в оккупированном Бресте. Ему, как, пожалуй, никому другому, была понятна тревога и боль товарищей своих, партизан, чьим близким и родным не удалось уйти в свое время на восток с Красной Армией. Там, в разоренном врагом городе, где уже третий год шли повальные аресты и казни патриотов, в ежеминутной опасности находились не только Бронислава, сыновья и дочь. Смертельная опасность нависла и над семьями председателя облисполкома К. Н. Длугошевского, его заместителя Р. Н. Груздева, начальника управления культуры облисполкома П. А. Абрасимова и других товарищей по работе, друзей. Спасти их, вывести к своим — эта задача стояла перед подпольным обкомом партии и штабом соединения наравне с развертыванием боевых операций.

На следующий день Хромову и ее спутников у сторожевого поста поджидали 14 бойцов, идущих под Брест. Командовал ими кареглазый, смуглолицый парень. Его Александра Ивановна знала хорошо. Это был Сумбат Арзуманян, которого высоко ценил Сикорский, полагаясь во всем на него, как на самого себя.

Семнадцать человек тронулись в неблизкий и опасный путь.

Сложные чувства владели Александрой Ивановной. Гордясь оказанным ей доверием, в то же самое время она не могла не отдавать себе отчета в том, насколько рискованно и нелегко

будет попасть в оккупированный Брест. В городе на каждом шагу подстерегала опасность. Немалые сомнения вызывала и предстоящая встреча с Петром Жуликовым: как вернее и надежней организовать ее? Да и жив ли вообще отважный руководитель городского подполья? Не было полной уверенности и в том, удастся ли ей выполнить свое обещание — вывести семью секретаря обкома и другие семьи из оккупированного, наводненного войсками и жандармерией Бреста. На душе было тревожно.

Пожалуй, самым невозмутимым и спокойным казался в этой группе, пробирающейся по лесам и болотам на запад, командир сопровождения — Сумбат Арзуманян. Конечно, это было только внешне, просто он скрывал, что и сам напряжен до предела: Сикорский поручил ему оберегать безопасность шестнадцати спутников.

На седьмой день, благополучно миновав немецкие посты и заставы, группа вышла к восточной кромке Старосельского леса.

По заданию С. И. Сикорского Хромова, побывав в Бресте, должна была установить связь с партизанами Беловежской пущи. Но в Старосельском лесу ее догнала доставленная нарочным депеша. «Александра Ивановна, — писал Сикорский. — Ваш маршрут я немного изменил. За железную дорогу ушла группа. Вы остановитесь в отряде имени Чернака. Идите в Брест, возьмите в отряде бойцов, они будут вашими проводниками. Встретимся в отряде. Сергей».

Через несколько дней, после короткой подготовки, взяв в отряде двух партизан, Хромова вышла в Брест. Переночевав на хуторе Ковалево, она в простеньком платье и с косынкой на плечах вместе с тещей сопровождающего ее бойца Николая Щербакова подошла к городским окраинам.

За Кобринским мостом Александра Ивановна рассталась с пожилой женщиной — идти дальше ей предстояло одной. Улицы города, наводненного немецкой солдатней и офицерами, патрулировались крупными армейскими нарядами и жандармерией. Однако, к счастью, никто не обратил внимания на молодую женщину в поношенном сиреновом платье.

Хромова благополучно добралась до дома Тамары Андреевны Фурсовой, члена своей подпольной пятерки, а та проводила ее к Екатерине Сименковой. Сименкова обрадовалась известием о том, что подпольный партийный комитет действует, им по-прежнему руководит Петр Георгиевич Жуликов. Катя рассказала подруге о положении в городе, и они вместе начертили схему расположения штабов и частей брестского гарнизона.

В тот же день подпольщицы убедились в том, что за домом, в

котором жил хозяин бондарной мастерской Жуликов, установлена слежка. Тогда, следуя указаниям Сикорского, Хромова встретила с Алексеем Георгиевичем Серафимовичем, ближайшим соратником Жуликова. Она предупредила его о том, что ему, возможно, придется взять на себя руководство подпольной организацией в случае ареста Петра Жуликова. Серафимовичу поручила регулярный сбор разведанных о противнике и связь с партизанами отряда имени Чернака через Екатерину Сименкову. Из отряда эти сведения должны были поступать в штаб соединения.

Итак, главная часть задания выполнена. Одновременно с этим от Алексея Серафимовича получили 120 тысяч рублей советских денег и облигаций для передачи в Фонд обороны. Подготовила к выходу из Бреста в лес несколько женщин и детей, членов семей партизан и партийных руководителей. Теперь оставалось не менее трудное — поиски Брониславы Антоновны Сикорской.

Найти ее было нелегко, и Александре Ивановне вместе с Сименковой пришлось перебрать немало вариантов, прежде чем они вспомнили о жене первого секретаря горкома партии Анне Коротковой. Именно она могла помочь в розысках. Так и случилось. Короткова сообщила, что Броня с детьми живы и что, соблюдая строжайшие меры предосторожности, никому не доверяя, они ютятся неподалеку от реки Мухавец.

— Боюсь, что трудный у меня с ней получится разговор, — задумчиво покачала головой Хромова.

И разговор действительно получился трудным. Едва молодые женщины вошли в маленькую комнатку, где с детьми и братом скрывалась Сикорская, как Бронислава Антоновна, хотя она и знала Короткову достаточно хорошо, как-то замкнулась. Казалось, она не поверила даже тому, что муж ее жив, находится где-то рядом и командует партизанами области.

— Я подумала, — односложно отвечала она.

— Хорошо, я найду потом, — согласилась Хромова.

Наутро Сикорская сказала, что она еще не решила, как поступить, а еще через день, едва Александра Ивановна постучалась в квартиру, прямо с порога отрезала:

— Мы никуда не пойдем! Раз нет записки от мужа, значит, вы обманываете. Прощайте!

Понять Брониславу Антоновну, ее осторожность и недоверчивость было не трудно: малейшая ошибка, лишнее слово, чужой взгляд могли стоить жизни не только ей самой, но и ее детям. Все оставшиеся в городе семьи партийных и советских работников, военнослужащих, о которых стало известно

оккупантам, были физически уничтожены. Избежать этой страшной участи жене Сикорского удалось чудом, лишь благодаря помощи друзей, замкнутому образу жизни и частой смене квартир. Все это Хромова прекрасно понимала.

Сикорский ждал прихода группы в отряде имени Чернака. Придя с ротой бойцов из Споровских лесов, он готовился перевести партизанские семьи через железную дорогу.

— Сергей Иванович, Броня и дети живы, здоровы, — еще издали, подходя к стоявшему у землянки секретарю обкома, начала Хромова. — Но вывести их из города я не смогла.

— Вижу, — глухо проговорил Сикорский.

— Она не поверила мне. Требуется записка...

Сергей Иванович потемнел лицом: наверное, особенно остро понял свою оплошность.

— Сергей Иванович, дайте мне записку. Сегодня же, сию же минуту, я уйду обратно в Брест!

— Хорошо, Шура. Записку я напишу.

На третий день к Кобринскому мосту на окраине Бреста подходили две неприметно одетые женщины. Впереди, держа в руках бидон (якобы направляясь в деревню за молоком), шла Сикорская со старшим сыном и дочерью. Чуть поотстав, Хромова несла на руках трехлетнего Славика. Отвлекая внимание охранников на мосту, она играла с малышом. Тот заливисто смеялся.

Прошли.

На хуторе были каратели. Женщины долго сидели, притаившись во ржи. Спустя несколько часов дорога в отряд стала свободной.

И вот радостная, долгожданная встреча. Обняв жену и детей, Сергей Иванович горячо и благодарно расцеловал Александру Хромову, потом сказал:

— Со мной пришла Александра Ивановна Федосюк. Она назначена уполномоченной обкома партии по кусту Антополь — Кобрин — Дивин. Передашь ей все брестские явки: связь с городом будет держать она. Сама пойдешь в отряд имени Кирова — ты назначаешься туда парторгом. Еще раз спасибо, друг мой боевой, за все, что ты для меня, для нас сделала!

Молодого партийного руководителя, мужественную брестскую подпольщицу ждали новые боевые дела. До полного освобождения Белоруссии от фашистского ига оставалось чуть больше года.

Александра Ивановна Федосюк, член Брестского подпольного обкома партии, уполномоченная по группе районов. Ей весной

сорок третьего передала Александра Хромова все необходимые для связи с Брестским коммунистическим подпольем материалы: явки, клички, пароли.

Прекрасен и ярок жизненный путь этой удивительной женщины, уроженки деревни Андронowo Кобринского района. Вступив в 1925 году в ряды Коммунистической партии Западной Белоруссии, Федосюк вскоре становится профессиональной революционеркой, подпольщицей. Агенты польской дефензивы яро преследуют ее, активного работника ЦК комсомола Западной Белоруссии, выполнявшей ответственные партийные поручения, трижды арестовывают и заключают в тюрьму, разлучают с маленькой дочкой. С огромным трудом товарищам по борьбе удается переправить малышку через границу, в Минск, к отцу Николаю Масловскому, видному комсомольскому работнику Западной Белоруссии, которого лишь нелегальный переход польско-советской границы спас в свое время от неминуемого ареста и каторги.

Александра Ивановна активно участвовала в создании органов Советской власти в освобожденных с приходом 17 сентября 1939 года Красной Армии районах на западе Белоруссии, в разделе помещичьей земли, активно организовывала политическую и культурную работу в деревнях. Это она, дочь крестьянина-бедняка, став депутатом Народного собрания, голосовала в Белостоке за немедленное присоединение Западной Белоруссии к Союзу Советских Социалистических Республик, а затем участвовала в работе Чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР, осуществившей этот исторический акт.

Потом Александра Ивановна Федосюк работала председателем Кобринского горисполкома, была избрана депутатом Верховного Совета БССР, а за несколько месяцев до начала войны ее утвердили заместителем председателя Брестского облисполкома.

В суровый для Родины час под бомбами и артобстрелом ушла Александра Федосюк из пылающего Бреста на восток. Добравшись до Москвы, выехала в Пензу, откуда была отозвана в распоряжение Центрального штаба партизанского движения.

Вскоре Александра Ивановна была уже в глубоком вражеском тылу. А весной сорок третьего, пройдя сотни километров по оккупированной белорусской земле, вместе с Николаем Климцом, представителем ЦК ЛКСМБ, она появилась в расположении Брестского подпольного обкома партии. Из ее рук получил Сергей Иванович Сикорский пакет с сургучными печатями, в котором было решение недавно состоявшегося V пленума ЦК КП(б)Б и другие директивы по развертыванию партизанского движения и

подпольной работы в тылу врага. Несколько раньше такие же пакеты Федосюк вручила командиру Минского партизанского соединения Р. Н. Мачульскому и вожаку партизан Пинской области В. З. Коржу.

С этого дня предстоит Александре Ивановне Федосюк, члену подпольного обкома партии, уполномоченному по группе районов, напряженная, полная риска, но благородная работа по всемерному разворачиванию народной борьбы против оккупантов, по укреплению партийных и комсомольских организаций на западе республики, по восстановлению здесь Советской власти.

О Тане Алябьевой, славной девушке, возглавлявшей комсомольскую организацию нашего партизанского отряда с декабря сорок второго по июль сорок четвертого, хочется рассказать особо.

Стоял морозный январский день 1943 года. По-зимнему яркое солнце слепило глаза. Мы вошли в большую деревню Зубаревичи Глусского района. Здесь нам предстояло закрепиться рядом с другими отрядами бригады: вражеский гарнизон находился по соседству, всего лишь в трех километрах западнее, и возможность внезапного нападения гитлеровцев не исключалась.

Закипела работа. Разыскав десяток-другой лопат, топоры и ломы, партизаны дружно принялись за сооружение линии обороны. Вызвались помогать им в этом и местные жители — вместе сподручней!

Окопы были уже почти готовы, когда с южной околицы, где в расположении отряда имени Кирова был развернут штаб нашей бригады, появился Владимир Жлобич, наш комиссар. Рядом с ним, к моему немалому удивлению, бойко шагала невысокого роста незнакомая девушка, в туго перетянutom ремнем полушубке, с пистолетом в кобуре. На вид ей никак нельзя было дать больше двадцати, однако держалась она солидно, побоевому.

— Откуда, комиссар? — еще издали поинтересовался я.

— Из штаба бригады!

— А дивчину где добыл?

— Не дивчину, а помощника комиссара отряда по комсомолу! — неожиданно твердым голосом отчеканила девушка.

— Ого! Грозный у нас будет комсомольский вожак, — невольно улыбнулся я.

— Давайте знакомиться, товарищ командир. Татьяна Алябьева, — приложив руку к головному убору, вытянулась девушка.

— А кто тебя к нам назначил?

— Утверждена Центральным Комитетом ЛКСМ Белоруссии!

— Что ж, решение Центрального Комитета мы признаем. Сами комсомольцы. Так что приступай, Танюша, к исполнению своих обязанностей. В отряде у нас больше ста человек. И почти все молодежь. Основное внимание в своей работе уделяй боевым делам: успешно громить врага — для нас задача номер один!

В тот же вечер, собрав в одном из домов молодежь, провела Татьяна Алябьева свое первое комсомольское собрание. Она рассказала бойцам о задачах Ленинского комсомола в условиях партизанской войны в глубоком вражеском тылу, о повсеместной борьбе с захватчиками, уделила немало внимания положению на фронтах.

А потом, после собрания, были и песни — веселые, задорные, комсомольские.

По душе пришелся новый комсорг бойцам. С ней было по-настоящему интересно, увлекательно, легко. Далеко не каждому дан талант организатора, умеющего сплотить, объединить мыслями, настроением, делами людей, но у Тани Алябьевой он определенно был, яркий, самобытный и страстный. Удивительно быстро внесла она живую, свежую струю в наши суровые партизанские будни, в однообразный и нелегкий быт. Возвращаясь из тяжелых походов, после сложнейших операций и схваток с врагом, ребята, несмотря на усталость, обязательно заходили в дом, где жил их комсомольский вожак. Там всегда было весело — не умолкали родные, полюбившиеся всем песни, стихи, рассказы, звучали шутки и смех.

— Ну как твой помощник по комсомолу? — поинтересовался я как-то у Владимира Жлобича.

— Ничего, справляется. Ну и поет, конечно.

— Как это поет?

— А очень просто — поет. Пройдем сегодня вечером мимо ее дома — сам слушаешь. Стосковалась, Володя, молодежь по хорошей песне. Не будет песен, добрых, чтоб за душу брали, — придет тоска, появятся карты.

— Что ж, пожалуй, ты прав!

Тем же вечером при обходе постов завернули мы с комиссаром к дому, в котором обосновалась Алябьева. Еще издали слышали молодые, дружные голоса. «Катюша»! Сменяя ее, звонкий девичий голос затягивает: «Бьется в тесной печурке огонь...» Не узнать его невозможно: Татьяна!

— Да, поет она хорошо. Но не каждый же вечер?

— Завтра не до песен будет, Володя. Завтра поход. И успех его во многом зависит от того, какие чувства, настроения будут у

ребят сегодня, накануне боя.

Что ж, комиссар абсолютно прав.

Авторитет Татьяны Алябьевой среди партизан отряда был непререкаем. И не только из-за хороших, добрых песен. Она оказалась чудесным, задушевым товарищем, настоящим боевым другом. Требовательная во всем к себе, принципиальная и честная, Таня оказалась очень смелой, мужественной девушкой. И прежде всего, конечно, в боевой обстановке. Так было во время схватки с крупным гитлеровским гарнизоном в Старом Селе, что под Глуском, при налетах на вражеские укрепления у железнодорожных магистралей, во время массовых подрывов рельсов. Партизаны видели своего комсорга там и только там, где всего труднее, всего опаснее.

Начиная с 1943 года по заданию командования диверсионные группы нередко выходили на подрыв железнодорожных рельсов в район Осиповичей. Мы знали, что в тех местах прошло детство нашей Танюши, что на станции Завишин она родилась и в конце тридцатых окончила семилетку.

В первые дни войны выпускницей Минского финансового техникума Алябьева эвакуировалась в Чкаловскую область и начала там работать инспектором райфо. Работала и писала одно за другим заявления в ЦК ЛКСМ Белоруссии: «Хочу с оружием в руках стать на защиту Отечества, родного белорусского народа».

Центральный Комитет ЛКСМ Белоруссии порекомендовал зачислить Татьяну Алябьеву в одну из готовившихся к отправке в тыл групп. Наконец-то мечта девушки сбылась. И вот 2 августа 1942 года, пройдя ускоренный курс подготовки, Татьяна в качестве связной ЦК комсомола Белоруссии вместе с отрядом имени Гастелло ступила на оккупированную землю республики.

Путь в постоянных боях и схватках с гитлеровцами оказался долгим и очень тяжелым. Оставив позади многочисленные районы Витебской, Минской и Могилевской областей, места, где прошло ее детство, Татьяна спустя несколько месяцев добралась до партизанского Альбинска, что под Любанью. Здесь, в штабе соединения отрядов Минской области, где ей предстояло некоторое время работать, находились видные организаторы и руководители народной войны на земле Белоруссии, в том числе уполномоченный ЦК КП(б)Б, секретарь ЦК ЛКСМБ товарищ Виктор. Это подпольная кличка вожака белорусской комсомолки Кирилла Трофимовича Мазурова.

Шли дни напряженной, требующей мужества и бесстрашия, сложнейшей работы. Инициативно и умело выполняла Таня Алябьева все ответственные поручения ЦК комсомола. Сотни километров опасного пути, минуя вражеские гарнизоны, посты и

засады, приходилось ей преодолевать, чтобы появиться как связной Центрального Комитета в отрядах и бригадах Минской и Могилевской областей.

И только потом получила назначение в наш молодежный отряд имени Ворошилова.

С приходом Татьяны ряды комсомольской организации начали быстро расти, и вскоре наш отряд превращается, по существу, в комсомольский.

Одним из основных правил в работе с комсомольцами стали регулярные общие собрания с подробным и тщательным разбором боевых дел. Наиболее отличившиеся в ходе операций отмечались, их опыт и пример становился достоянием других бойцов. Давая своим членам различные поручения, комсомольская организация добивалась их неуклонного исполнения.

Вот некоторые примеры боевой деятельности комсомольцев нашего отряда:

С 1 марта по 8 апреля 1944 года комсомольская группа во главе с Николаем Семенчуком на железнодорожной магистрали Лунинец — Барановичи в дневное время обстреляла из противотанкового ружья и пулеметов десять вражеских эшелонов. В результате десять паровозов было выведено из строя. На личном счету Семенчука — девять пущенных под откос железнодорожных составов противника.

3 марта 1944 года группа комсомольцев во главе с Ф. И. Ярушиным подорвала на mine одну и обстреляла две вражеские автомашины.

В течение марта того же 1944 года комсомольская группа под руководством Семена Бубича подорвала на минах три автомашины с оккупантами на дороге между Пинском и Логишином.

О боевых делах комсомолии нашего отряда, возглавляемой Татьяной Алябевой, можно было бы рассказывать еще и еще.

Все собрания комсомольцев проводились по-деловому, конкретно, коротко. Какой бы вопрос ни ставился на обсуждение, он всегда был прямо или косвенно связан с главной проблемой — как молодые народные мстители выполняют свой комсомольский долг, партизанскую присягу.

Вот, к примеру, повестка дня собрания, состоявшегося 8 июня 1944 года:

1. Разбор боевых дел комсомольцев.
2. Боевые традиции Ленинского комсомола.

3. Постановление бюро Брестского подпольного обкома ЛКСМБ от 9 мая 1944 года «О героической смерти комсомольца-подрывника Н. Гойшика».

Наиболее активные комсомольцы имели постоянные поручения. Семенчук, к примеру, нес ответственность за боевые действия комсомолки отряда, Барташевич — за боевую учебу, Змачинский — за стенную печать.

Несколько слов о стенных газетах. Им в любых условиях комсомольцами и, конечно же, Таней Алябьевой, уделялось большое внимание. Помимо ротных боевых листков был налажен регулярный выпуск отрядной газеты. В номерах ее, выходящих на обойной бумаге, освещалась боевая деятельность и повседневная жизнь отряда, описывались основные события и итоги операций, жизнь советских граждан в окрестных деревнях. Вывешивались эти листки в партизанских землянках и шалашах, на стенах домов.

Одной из основных форм комсомольской работы была, разумеется, агитационно-пропагандистская деятельность. Частым гостем в деревнях зоны действия отряда была Татьяна Алябьева со своими помощниками. Проводя регулярные митинги и собрания сельской молодежи, комсомольцы рассказывали о положении на фронтах и в советском тылу, о жизни и деятельности партизан, их борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, зачитывали и распространяли сообщения и сводки Совинформбюро, советского радио. Весомы и значительны были результаты их патриотической работы. Например, лишь в городском поселке Мотоль, в деревнях Тышкевичи и Твардовка весной сорок четвертого местное население предложило комсомольцам несколько тысяч рублей для отправки их в Москву на постройку танковой колонны.

Силами комсомольцев организовали в отряде художественную самодеятельность. Участники ее выступали не только в подразделениях бригады, но и в окрестных деревнях. Содержание номеров ее носило яркий патриотический характер, в них разоблачался так называемый «новый порядок», усиленно насаждаемый гитлеровцами на оккупированной территории. Нередко выступлениями самодеятельности, живыми и интересными, завершались массовые митинги и собрания местных жителей. Так было, например, в деревнях Великая Гать, Выгонище, Долгое, к востоку от райцентра Ивацевичи Брестской области весной 1944 года.

Комсомол Белоруссии, боевая молодежь ее, сочетая самые разные формы своей патриотической деятельности, не жалея сил и самой жизни, делали все для скорейшего освобождения родной земли от фашистских захватчиков.

И он наступил, этот радостный, долгожданный день. Последний бой с оккупантами Таня Алябьева приняла вместе со

всеми комсомольцами 10 июля 1944 года неподалеку от деревень Круглевицы и Озарицы Телеханского района. Подразделение гитлеровцев в тот день было наголову разгромлено.

А через неделю, 17 июля, состоялось и памятное всем последнее комсомольское собрание отряда. После подведения окончательных итогов боевой деятельности молодежи отряда против немецко-фашистских захватчиков комсомольцам в торжественной обстановке вручили временные удостоверения членов Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии. С этого собрания, забыть которое, видимо, до сих пор не может никто из оставшихся в живых его участников, взволнованные и окрыленные, уходили комсомольцы в ряды действующей армии, в полки и дивизии прославленного в сражениях 1-го Белорусского фронта. Впереди их ждали новые бои, впереди была Великая Победа.

А для нашей Танюши, нашего боевого помощника комиссара, начинались в тот день будни новой, мирной, созидательной жизни. По направлению ЦК ЛКСМБ уходила она на ответственную комсомольскую работу в освобожденный Брест, на восстановление этого прекрасного и легендарного города.

ГЛАВА 7

Глава седьмая ПАРТИЗАНСКИЕ ОРЛЯТА

В каждый город, деревню и хуторок, в каждый дом и в каждую семью принесла война невосполнимую тяжесть утрат, бесконечные страдания и боль. Людское горе, пришедшее на нашу землю в далеком сорок первом, было общим, единым для всех. Лишения и беды легли на плечи каждого: и красноармейца, шедшего под огнем в атаку, и пожилого рабочего, который по пятнадцать часов в сутки не отходил от станка где-нибудь на заводе в Сибири, и простой колхозницы, чьим неизмеримым трудом вырачивался для страны, для армии нелегкий хлеб, и жителя блокадного Ленинграда, испытавшего на себе весь ужас бесконечных дней и ночей бомбежек, артобстрелов, страшного голода.

Но еще больше пришлось пережить и выстрадать всем тем, кто не смог, не успел в первые военные недели уйти вместе с отходящими частями Красной Армии на восток, кому было суждено оказаться на временно оккупированной врагом территории. Свирепый массовый террор, казни и пытки советских людей, неслыханные насилия, грабежи и издевательства... Фашисты не щадили никого — ни женщин, ни стариков, ни детей.

Дети... Их судьбы в суровую военную годину на оскверненной фашизмом земле были особенно тяжелыми, страшными. Десятки тысяч их были заживо сожжены или расстреляны вместе с родителями во время карательных акций, чудом уцелевшие, выжившие стали сиротами, лишились крыши над головой.

В первые же месяцы после прихода на нашу землю захватчиков партийные органы, командование партизанских отрядов, а затем и бригад, комсомол делали все от них

зависящее, чтобы облегчить участь маленьких граждан страны, потерявших родителей, спасти их от голодной и мучительной гибели. Центральный Комитет КП(б)Б, понимая огромную важность этой проблемы, настойчиво и категорически требовал самых действенных и скорейших мер для ее разрешения. Так уже в конце 1942 года в освобожденных партизанами районах Белоруссии начали возникать первые лесные школы.

Немалая заслуга в этом принадлежала комсомолу республики, и в особенности секретарю ЦК ЛКСМБ Кириллу Трофимовичу Мазурову. По его указаниям комсомольцы всех районов и областей Белоруссии проводили огромную работу по организации школьного воспитания детей. Самое серьезное и пристальное внимание уделял Кирилл Трофимович подбору кадров воспитателей и педагогов, созданию в школах пионерских организаций и, конечно, оказанию им всемерной помощи и поддержки во всех начинаниях, в повседневных делах и заботах.

В декабре 1942 года в большом полесском поселке Карпиловка Октябрьского района была открыта первая начальная школа. На ее открытие приехала помощник комиссара партизанского отряда имени Ворошилова по комсомолу Татьяна Алябьева. Тепло поздравив учеников и молодую заведующую Марию Марцинович с открытием школы и началом учебного года, Таня с большим подъемом и гордостью рассказала ребятишкам о героизме бойцов и командиров Красной Армии, ведущих на фронтах Великой Отечественной войны тяжелые бои с гитлеровскими захватчиками, о всенародном подъеме партизанской борьбы в глубоком вражеском тылу, на оккупированных землях Белоруссии, о беспримерных массовых подвигах городских подпольщиков, бесконечно преданных своей Родине советских патриотов. Затаив дыхание слушали малыши доходчивые и простые слова о своих отцах, матерях, старших братьях и сестрах, беззаветно преданных идеям Ленина, делу коммунизма.

В числе самых первых была организована начальная школа и в деревне Крюковщина, что под Глуском. Здесь нелегкую заботу о судьбах юных взяла на себя по поручению райкома ЛКСМБ и партизанского командования комсомолка Антонина Павлова. Посильную помощь ей в том с первых же дней оказывала жительница деревни Елена Гришанович.

Горячо, с энтузиазмом взялись за порученное дело патриотки. Прежде всего они выбрали подходящий, давно оставленный хозяевами дом, где были две большие и светлые комнаты. Несколько дней ушло на то, чтобы начисто, добела вымыть в нем полы, убрать мусор, отскоблить от грязи и копоти окна и стены. С

помощью селян сколотили самодельные лавки и столы, сработали немудреные учебные пособия. Вскоре все было готово для начала занятий.

Обойдя каждый дом, каждую хату в Крюковщине, побывав в окрестных лесах, где скрывались от преследования гитлеровцев партизанские семьи, девушки составили полный список детворы школьного возраста. Ее оказалось немало: по пятнадцать — двадцать человек в каждом из четырех классов.

В деревнях, что поближе, с немалым трудом удалось достать девушкам кое-что из письменных принадлежностей: оберточную бумагу, куски обоев, несколько тетрадей, карандаши и даже ручки с настоящими перьями. Аккуратно разложив все это по столам, будущие педагоги засели сами за учебники.

А наутро, едва лишь холодное солнце медленно поднялось над кромкой ближайшего леса, перед крыльцом новой школы, разом притихшие и серьезные, кучками собрались малыши. Молча и робко прижимая к груди домотканые холщовые сумочки (в них — скудный крестьянский завтрак: пара печеных бульбин, краюха ржаного хлеба да луковичка), детишки удивленно и застенчиво разглядывали свою первую и оттого такую необычную школу. Этой минуты все они ждали с нетерпением и трепетом.

— Входите же, смелей! — едва лишь прозвенел негромко колокольчик, с улыбкой позвали детвору взволнованные молодые учительницы.

Распахнулись двери, и ребятишки протиснулись в классы. Не беда, что было их только два, что грубо сколоченные из сосновых досок скамьи и столы заменяли ученические парты и что далеко не каждому досталась заветная ручка. Зато с полным правом звались теперь малыши словом, пока еще непривычным, но таким желанным и неповторимым: ученики, школьники!

Первый свой урок начали партизанские учительницы с рассказа о нашей великой Родине — Союзе Советских Социалистических Республик, огромной и могучей стране, колыбели Октябрьской революции. С трепетом и волнением слушала детвора рассказ о вожде и учителе рабочих и крестьян, о вечно живом и гениальном Ленине. А потом заговорили комсомолки о суровом и страшном испытании, выпавшем на долю нашего народа.

И если в эти минуты у кого-то из малышей появились на глазах слезы, то это не были слезы отчаяния или страха. То заговорила в сердцах детворы память, живая, цепкая, громкая, как набат, как крик души раненой! Сколько безутешного горя, сколько ужаса и бед довелось уже пережить почти каждому из них! А многие из ребят уже лишились отцов и матерей, сестер и

братьев, своих родных и близких.

Несколько месяцев спустя, в феврале сорок третьего, в партизанской школе появилась бесценная и редкая реликвия — сравнительно свежий номер газеты «Правда». Радости учеников и воспитателей не было предела. Еще бы! Получить весточку из далекой Москвы, узнать о том, чем живет Родина, — такое случалось в те дни нечасто. И не было, пожалуй, счастья большего для любого из нас, чем подержать в руках газету, бережно развернуть ее, пробежать взглядом по каждой полосе!

Газета! Московская! В школе будут читать! Весть об этом разнеслась среди сельчан мгновенно.

Вечером в школьном домике было не продохнуть. Здесь собралась едва ли не вся деревня — и стар и млад. Взрослые и дети, мужчины и женщины, старики и старушки пришли сюда задолго до назначенного часа, как на светлый и радостный праздник.

Прочсть газету попросили Антонину Павлову, уважаемую всеми молодую учительницу. Заметно волнуясь под множеством нетерпеливых взглядов, развернула девушка шелестящие листы. И сразу же в помещении воцарилась напряженная тишина. Ни малейшего движения, ни даже вдоха не позволяли себе селяне до тех пор, пока не была прочитана до последней строчки вся газета.

Вот так живое и могучее слово ленинской партии звучало в стенах партизанских школ в самую страшную годину, когда жестокий враг огнем и смертью пытался сломить волю и дух советского человека на оккупированной земле, поработить его, когда пылали сотни деревень и городов. Оно звучало как символ непоколебимой веры народа в свое освобождение, как могучий призыв к мужественной и беспощадной борьбе за свое счастье и независимость. Оно зажигало и в сердцах наших детей неистребимую страсть к борьбе за правду, за свое светлое будущее.

С особенной теплотой вспоминают бывшие дети и партизаны одну лесную школу, пожалуй самую крупную в партизанских краях. Она располагалась на небольшом островке в глубине Споровских болот, в полукилометре от второго семейного лагеря отряда имени Макаревича. Ее организаторами стали две юные брестчанки Ядвига Чернявская и Вера Иванова, давнишние подруги, а в недалеком прошлом — выпускницы областного педагогического училища. В родном городе они участвовали в антифашистском движении, выполняя ответственные поручения руководителей партийного подполья. Однако весной сорок

четвертого, когда стало ясно, что патриоток не сегодня-завтра могут схватить гитлеровцы, они решили немедленно уходить к партизанам. Так после долгих скитаний оказались девушки в бригаде имени Свердлова, которой командовал Иван Павлович Мариняко.

Расчистив с двумя бойцами и ребяташками, что постарше, небольшую площадку под двумя огромными раскидистыми дубами, Ядвига и Вера построили из березовых жердей высокий частокол. Это были стены школы, а крышей послужили тонкие сляги, плотно укрытые хвойными ветками. Из отесанных жердей сколотили учительский стол, парты и скамейки. Классную доску заменил добытый партизанами большущий лист фанеры.

Лесная школа, над входом в которую сразу же появился написанный учениками лозунг «Смерть немецким оккупантам!», получила романтическое название «У дуба». В нее были зачислены все до единого ребяташки школьного возраста. А таких в семейном лагере собралось около ста, и из них больше шестидесяти первоклассников.

Навсегда запомнился малышам их первый учебный день. Прозвенел неведомо откуда попавший в лес колокольчик, и на островке наступила тишина. Ребята, затаив дыхание, боясь шелохнуться, слушали ровный, неторопливый голос первой учительницы, рассказывавшей о великой Стране Советов, об их огромной и прекрасной Родине.

Необычной была эта школа «У дуба». Необычной тем, как здесь учили и учились. На всех малышей был единственный букварь, по одному учебнику арифметики, истории, грамматики. Не было ни бумаги, ни тетрадей, ни чернил, ни карандашей. Настоящим мелом, который тщательно берегли и экономили, писали редко — его заменяли кусочки беловатой обожженной глины. Но все это, казалось, не было главным для ребят — они имели огромное желание учиться, стремились к знаниям. И это стремление с каждым днем крепло и росло.

Из коры дуба для каждого первоклассника старшие вырезали буквы, всего шестьдесят один комплект. Классные счета смастерили из ореховых веточек, косточками в них служили желуди. Экономя бумагу, которую изредка все-таки удавалось достать для школы бойцам, малыши научились писать на бересте. На кусках побольше вычерчивали таблицу умножения, расписание уроков, метрическую систему мер и даже заметки для первой стенной газеты.

Немало внимания уделялось в школе и спорту. Партизаны построили спортивную площадку с беговой дорожкой, перекладиной, оборудованием для прыжков в длину и высоту, а

также с кругами для метания учебных гранат. Здесь с ребятами проводились ежедневная физическая зарядка, спортивные игры, эстафеты, соревнования.

Много внимания уделялось и внеклассной работе. Вера Иванова разучивала с малышами стихи Александра Сергеевича Пушкина и Якуба Коласа, слова и мелодии любимых советских песен, старшая пионервожатая Елена Мулярчик готовила их к приему в пионеры, Ядвига Чернявская проводила репетиции литературного монтажа «Были для детей» Сергея Михалкова, а также написанной ею пьесы «Юные мстители». Частыми гостями в школе было командование отряда и особенно отличившиеся в схватках с врагом бойцы. Они рассказывали детям о всенародной борьбе с захватчиками, о своих партизанских буднях, о трудных и опасных походах и операциях, о последних новостях с фронтов Великой Отечественной войны. Все эти встречи проходили живо, интересно, с огоньком.

С большим удовольствием выполняли ребята и различную работу: заготавливали дрова и хворост, помогали взрослым на отрядной кухне. Много сил и старания вложили они и в сбор лекарственных растений: валерианового корня, ландыша, коры крушины. Лучшим специалистом и наставником по «лесной аптеке» оказался тихий старичок из семейного лагеря Зиновий Федорович Хоружий. Часть трав, собранная малышами под его руководством, отправлялась самолетами в советский тыл, а все остальное шло на нужды партизанского госпиталя. Так что школьники тоже вносили свой посильный вклад в дело разгрома фашистов и освобождения родной белорусской земли.

Огромную роль в патриотическом воспитании детей имели проводимые педагогами беседы о Советской стране, о Ленинской Коммунистической партии и комсомоле, о городах — Москве и Минске, Ленинграде и Бресте, коллективные читки сводок Советского информбюро, листовок и газет, доставляемых самолетами с Большой земли, рассказов и повестей советских писателей. В такие минуты, незабываемые и радостные, особенно остро ощущали детишки себя здесь, в глубоком тылу врага, гражданами своей великой страны социализма.

Как-то в школу, проделав долгий путь, попал один из номеров журнала «Пионер» с напечатанным в нем рассказом Льва Кассиля «Огнеопасный груз». Собравшись все вместе, слушали малыши это захватывающее, необыкновенно интересное повествование. Вечерело. Студеный апрельский ветер забирался под старенькую, во многих местах латанную одежку ребят. Но их желание узнать, как развивались события дальше, было настолько велико, что на все предложения учителей продолжать

чтение завтра они дружно требовали:

— Сегодня! Только сегодня! Мы будем внимательно слушать!

Занятия в лесной школе, которые велись почти полный световой день в сложных условиях довольно частых авианалетов, бомбежек и артобстрелов, все-таки давали ребятишкам разносторонние и прочные знания, воспитывали в них дисциплинированность, трудолюбие и усердие. Мы с большим удовлетворением узнали, что с 1 сентября 1944 года, уже после освобождения Белоруссии от оккупации, все «выпускники» партизанских школ с успехом стали продолжать учебу в нормальных условиях, из них не было ни одного второгодника. Всем этим они бесспорно были обязаны своим замечательным педагогам — Ядвиге Антоновне Чернявской и Вере Георгиевне Ивановой. Именно им, их незаурядному опыту и деловым качествам обязана 2-я лесная школа той известностью, которой она совершенно заслуженно пользовалась среди партизан и жителей окрестных деревень.

Прошло совсем немного времени со дня начала занятий, как 2-я лесная превратилась в базовую для всех остальных школ партизанской зоны. Сюда за методическим опытом преподавания в условиях лесной жизни приезжали учителя Елена Несветаева (1-я лесная школа), Анастасия Прядунова (3-я лесная школа), Вера Хоружая (однофамилица легендарной Веры Хоружей, 4-я лесная школа), Зинаида Пясковская (школа семейного лагеря отряда имени Жданова) и многие другие. Ежемесячно здесь собирались учительские конференции, на которых происходил взаимный и плодотворный обмен опытом, делались устные и письменные отчеты о проводимой работе, намечались планы на будущее.

Нельзя не вспомнить добрым словом замечательную девушку, инструктора лесных школ бригады имени Свердлова комсомолку Анну Минюк. Всегда радостно встречаемая ребятишками, не унывающая в самые трудные минуты, она принимала активное участие в организации каждой школы, делая все, чтобы жизнь детей становилась день ото дня все более интересной и увлекательной. В семейных лагерях Аню хорошо знали все и относились к ней с большим уважением. Каждый ведь видел, что, помогая ученикам и педагогам, комсомолка не ограничивалась рекомендациями, наставлениями и советами, но подавала окружающим, и в первую очередь детворе, личный пример трудолюбия и целеустремленности.

Несмотря на юные годы (в сорок третьем ей едва минуло двадцать лет), девушке пришлось пережить и увидеть немало горя, страданий, несправедливости. С двенадцатилетнего возраста, совсем еще подростком, узнала она, что такое тяжелый

крестьянский труд в поле, нищета, голод, поденщина. Таков был удел многих в те нелегкие годы на западе Белоруссии, стонавшей под игом буржуазной Польши. Но долгожданное освобождение, пришедшее на эту землю сентябрьскими днями тридцать девятого, все изменило к лучшему. Многострадальный народ, волею своей соединивший судьбу с великим Советским Союзом, зажил счастливо, спокойно, созидательно.

Получив наконец возможность учиться, Анна в 1940 году поступила в Брестское педагогическое училище, стала членом Ленинского комсомола. Училась с увлечением, мечтая о гордой и благородной профессии учительницы. Но этой мечте не суждено было сбыться. Все поломала война. Вернувшись в родной Мотоль, большую деревню в Ивановском районе, Анна Минюк немедленно включилась в подпольную антифашистскую деятельность, которую с первых же дней оккупации возглавил секретарь поселковой комсомольской организации Иван Калилец. Анна стала активным, смелым и надежным помощником комсомольского вожака.

Осенью сорок первого Иван Калилец с большой группой единомышленников-комсомольцев ушел в лес и вскоре стал комиссаром партизанского отряда. Оставшись в родной деревне, Анна не колеблясь приняла на себя обязанности отрядной разведчицы и связной. Пристально следя за обстановкой во вражеском гарнизоне, она своевременно и точно информировала о ней боевых товарищей, регулярно выходя на связь с партизанами. Ее квартира превращается в конспиративную явку, в место нелегальных встреч с партизанскими разведчиками.

Бойцы отряда нередко проводили дерзкие, но почти всегда успешные операции, загоняя гитлеровцев в укрепленные пункты. Широко используя тактику засад и внезапных ударов на улицах Мотоля, Иван Калилец и его друзья едва ли не каждую ночь становились полновластными хозяевами этого населенного пункта.

Многие из жителей знали о той работе, которую вела во вражеском гарнизоне Анна Минюк. Но предателей среди них не оказалось. Лишь спустя полтора года, в январе сорок третьего, над разведчицей стали сгущаться тучи: гитлеровцам удалось все-таки напасть на след подполья. Первыми были арестованы родные Ивана Калильца. После четырех месяцев зверских, мучительных пыток в сырых подвалах пинской жандармерии мать комиссара Наталья Федоровна и его сестра Анна были безжалостно уничтожены.

Вскоре страшная беда настигла и семью Минюков. Январским утром в их дом ворвались гитлеровцы. Бежать из оцепленной

хаты было уже поздно, да и некуда. Анна, прекрасно понимая, что пришли именно за ней, решила спрятаться, и это удалось: карателям не пришлось в голову заглянуть в узкую и почти незаметную щель под печкой, где притаилась девушка.

Жестоко избив отца Анны Андрея Александровича, мать Александру Кирилловну и ее младших сестер, фашисты увели их в районный центр Иваново. В тот же день начались допросы и пытки Минюков. Где скрывается дочь? С кем она связана в Мотоле? Кто еще работает на партизан? Но все эти вопросы, конечно, остались без ответа. Через несколько дней, так ничего и не добившись, гитлеровцы уничтожили всю семью.

С большим риском выбравшись из деревни, вне себя от горя и отчаяния, Анна Минюк ушла в отряд Ивана Калильца. Начались нелегкие боевые партизанские будни, пришлось испытать радость одержанных над фашистами побед, были и тяжелые, невосполнимые утраты. А потом — лесные школы, их становление, организация, напряженная повседневная жизнь. Вся эта трудная работа легла на хрупкие плечи Анны.

На долгие годы сохранили ребята в памяти своей тот незабываемый и торжественный день, к которому все они с необыкновенным волнением и радостью готовились задолго. День, когда старшие товарищи, боевые командиры, партизаны и вожатые повязывали им алые пионерские галстуки.

Замерла на лесной полянке ребячья шеренга. В нескольких шагах от нее, на ровной площадке, выложена из сухого хвороста огромная пятиконечная звезда — будущий костер. Возле каждого ее угла приготовлено по ведру с водой: это на случай внезапного налета фашистских самолетов, чтобы быстро погасить пламя.

Прямо из лесу, при боевом оружии, твердо чеканя шаг, к ребячьим рядам направляются командир, комиссар и комсомольский вожак партизанского отряда.

— Для встречи командования отряда — смирно! — подает команду пионервожатый и, вскинув руку в салюте, четким шагом выступает вперед: — Товарищ командир, товарищ комиссар, товарищ секретарь комсомольской организации! Пионерская дружина при партизанском отряде имени Калинина на торжественный сбор у костра построена!

Приняв рапорт, командир бросает клич:

— Пионеры! К борьбе за великое дело Ленина — будьте готовы!

Звонкоголосо, дружно и ликующе разносится по полянке отклик:

— Всегда готовы!

К вечернему небу взвизывает яркое пламя костра.

В напряженной тишине читает вожатый первую фразу торжественного обещания:

— Я, юный пионер Советского Союза...

На едином дыхании, отчетливо и звонко повторяют школьники, как солдаты в строю, гордые и прекрасные слова. И кажется, будто чуткое эхо в лесу, подхватив фразу за фразой, слово за словом, далеко-далеко разносит эту чистую, возвышенную клятву юных пионеров на верность великому и вечно живому делу Ленина, на беззаветную готовность бороться до конца за торжество и величие этого правого дела.

Апрель сорок четвертого. Уже третью неделю подряд, день и ночь, шли на подступах к Споровским болотам тяжелые бои. Сжимая кольцо окружения партизанских бригад, фашистские прифронтовые дивизии в яростных атаках медленно продвигались вперед.

Грудью встречая натиск врага, на сравнительно небольшом пространстве партизанской зоны насмерть стояли бойцы бригад имени Свердлова, имени Гуляева, имени Дзержинского, имени Советской Белоруссии. Здесь каждая лесная опушка, каждый бугорок, каждая болотная кочка дышали пулеметным и автоматным огнем. Плечом к плечу с тысячами мужчин, юношей и стариков на земле этой на равных дрались сотни женщин и девушек.

Выполняя приказ штаба соединения, наша 99-я бригада имени Гуляева и бригада имени Свердлова прикрывали партизанскую зону с юго-востока, по реке Ясельда, возле Мотоля, деревень Тышковичи и Буссы. Траншеи партизанского отряда имени Грабко, которым командовал тогда Владимир Катков, и гитлеровские позиции разделяла лишь река, каких-нибудь сто метров. Ни днем ни ночью не умолкал здесь яростный бой: тяжело ухали разрывы снарядов и мин, строчили, сливаясь в единый звук, пулеметные и автоматные очереди. Бойцы партизанских подразделений делали, казалось, невозможное, сдерживая почти три недели бешеный натиск регулярных, хорошо вооруженных армейских частей вермахта. Однако многократное превосходство гитлеровцев в силах к середине апреля дало все-таки себя знать. В районе деревни Тышковичи после танковой атаки гитлеровцев оборона партизан была прорвана. Неся немалые потери, народные мстители были вынуждены отступить. В образовавшуюся брешь, развивая успех, начали немедленно втягиваться все новые и новые штурмовые отряды фашистов.

И с этой минуты каждый островок на Споровских болотах

превратился в бастион, в маленький очаг обороны. Непроходимые для танков и бронетранспортеров болота были слишком обширны и глубоки для успешных действий гитлеровской пехоты. Но, несмотря на все это, яростные бои разгорелись здесь с невиданным драматизмом и упорством.

Несколько раз в день по пояс, а то и по грудь в ледяной воде сходились в рукопашных схватках контратакующие партизанские роты и цепи фашистов. Вой и разрывы мин, уханье снарядов и гранат, автоматные очереди и pistolетные выстрелы, крики отчаяния и ярости, предсмертные стоны раненых — все смешалось в этом аду. Своих и чужих распознавали здесь только по говору, на слух — настолько густо все были облеплены болотной грязью.

А в воздухе над партизанской зоной неумолчно и зловеще ревели десятки авиационных моторов. Фашистские штурмовики и бомбардировщики с раннего утра и до поздней ночи обстреливали людей, сотнями бомб уничтожали на израненной земле все живое, не щадя ни женщин, ни стариков, ни даже детей.

А детей в те страшные дни в блокадном кольце было немало: многие сотни. Укрывшись на островках Споровских болот, под защитой партизанских отрядов и бригад, они переживали здесь последние месяцы оккупации, как никогда твердо веря в долгожданное освобождение. И прежде всего ради этих малышей стояли насмерть в Споровских болотах тысячи бойцов, партизан и партизанок.

Ранним утром 12 апреля, вскоре после того как бойцы 99-й бригады отбили очередную атаку фашистов невдалеке от имения Миничи, из штаба соединения Брестской области прибыл связной. Он сообщил о приказе командира соединения Сергея Ивановича Сикорского: мне немедленно явиться в штаб. С чем именно был связан этот вызов, связной не знал.

Оставив за себя комиссара бригады Андрея Чайковского, я вместе с адъютантом Николаем Дешевым тронулся в путь. Дорога была неблизкой: около десятка километров болотами, в большинстве — по блокированной гитлеровцами территории. Шли в ледяной апрельской воде, минуя топи, проваливаясь все-таки порой по грудь, помогая друг другу выбраться из трясины. Лишь изредка мы давали себе передышку на редких, еще покрытых жухлой прошлогодней травой зыбких кочках.

Только к вечеру добрались мы, окончательно измотанные, до обширных, густо поросших лесом островов. На одном из них располагались тщательно замаскированные землянки Брестского подпольного обкома партии и штаба соединения партизанских отрядов области.

Начало темнеть, когда один из бойцов охраны штаба подвел нас к блиндажу первого секретаря обкома и командира соединения С. И. Сикорского.

Сергей Иванович встретил нас приветливо. Внимательно выслушав доклад о состоянии обороны на восточном участке партизанской зоны, который прикрывался отрядами 99-й бригады, он начал задавать вопросы, разные по сути, но сводившиеся в конечном счете к одной проблеме — бедственному положению детей, попавших в тяжелые условия вражеской блокады.

— Именно ради них и держим мы эти болота, — с волнением в голосе сказал Сикорский. — Не то давно бы уже начали прорыв из окружения, ведь силы и возможности для этого есть.

Слова его неожиданно были прерваны рокотом самолетов.

— Наши! «Кукурузники!» — обрадовался я.

— Единственная отрада. — Мягкая улыбка осветила лицо Сикорского. — Без них совсем было бы худо. Ну пошли, встретим.

Живо подхватив автоматы, мы вышли из землянки. Низко над лесом, едва не задевая торчащими шасси верхушки деревьев, идет пара По-2. Заметив сигнальную ракету, пущенную партизаном аэродромной команды, самолеты неторопливо разворачиваются, и почти тотчас же от их фюзеляжей отделяются и стремительно несутся к земле небольшие темные комочки. «Боеприпасы!» — понял я.

Через минуту-две все повторяется. Сделав новый заход, По-2 еще раз проносятся над островом. И снова партия грузов, шурша в кронах деревьев и ломая ветви, летит к земле. Приветливо покачав на прощание крыльями, самолеты берут курс на юг, к линии фронта. Она проходит теперь совсем неподалеку: километрах в пятидесяти-шестидесяти от нас, по Днепровско-Бугскому каналу. Радостные и счастливые, мы еще долго смотрим им вслед: через несколько минут они будут там, на Большой земле!

Переночевав в штабе соединения и получив новые установки командования, наутро мы вышли в обратный путь, в бригаду. Порадовать своих было чем: боеприпасы прибыли!

Вот и соседний со штабом соединения остров. О нем мы знали уже давно. Здесь, под могучим дубом, обосновалась одна из лесных школ семейного лагеря № 14 партизанского отряда имени Макаревича. Крона векового дуба, плотная и развесистая, выбрана прикрытием для школы удачно: она служит и надежной защитой от дождя, и маскировкой при налетах фашистской авиации. Вокруг ствола (его едва ли смогут трое обхватить!) вкопаны в землю и опоясаны жердями и ивняком четыре столба. В

этом сооружении, почти неразличимом издали, за самодельными столами и партами учатся, готовят уроки дети.

В тот день на острове занятий в школе не было: с самого раннего утра ребята, что постарше, помогали взрослым разыскивать в болотах и в лесу сброшенные ночью грузы. Маленькими группками и поодиночке они шныряли теперь окрест: помочь партизанам в выполнении настоящей, «взрослой» боевой задачи — что могло быть важнее для них сейчас?

На солнечной полянке неподалеку от школы мы встретили учеников младшей группы. Одетые в лохмотья, почти все босые, бледные и исхудавшие, завидев нас, они несмело приблизились. С восхищением разглядывая наше с Дешевым оружие и форму, дети поначалу смущались и робели, потом разговорились, стали нас расспрашивать: когда же наконец придет Красная Армия и будут ли еще бомбежки, как можно стать настоящим партизаном?..

Почти вся детвора этой лесной школы была из деревни Хомск Дрогичинского района, дотла сожженной гитлеровцами. Чудом избежавших гибели ребятешек родные и близкие, тоже уцелевшие при расправах, переправили под защиту партизанских отрядов. Здесь началась для них новая, такая же суровая, как и раньше, но чем-то удивительная для оккупированной территории жизнь: здесь ребят ждала лесная школа!

Организовать школу комиссар бригады имени Свердлова Г. А. Дудко поручил комсомолке Вере Хоружей. Горячо взялась девушка за необычное для нее дело. Помогать ей в этом вызвались почти все бойцы партизанского отряда. В разгромленной немцами школе деревни Кокорица они отыскивали и привезли в лес настоящую школьную доску, несколько десятков тетрадей, мел. Учебники и программы для 1-го и 2-го классов Вере удалось вынести с собой из родной деревни перед приходом гитлеровцев. Постоянно помня о детворе, партизаны из каждого похода, если была возможность, приносили карандаши, бумагу, мел. Чуть позже, когда на одном из островов были обнаружены залежи беловатой глины (смекалка везде выручала), куски ее, как и в нашем отряде, научились обжигать в огне — получался настоящий мел. Из древесной коры для учеников вырезали аккуратные буквы: такой была их первая в жизни азбука. Поскольку почти не было бумаги, малыши писали свои первые слова на бересте. И получалось это у них, признаться, совсем неплохо!

Такой была и эта лесная школа, еще одна из очень многих на оккупированной врагом земле, школа, где учили детвору добру, разуму и справедливости, учили, когда вокруг полыхала страшная война. В детях, это каждый понимал, — продолжение

судеб наших, наше будущее.

ГЛАВА 8

Глава восьмая ВЕРНЫЕ ДОЛГУ

Теперь о партизанских медиках, мужественных, смелых людях, которые до конца отдавали себя беззаветному служению добру, в любой момент были готовы на самопожертвование. Невозможно в полной мере оценить многотрудный повседневный подвиг, который они совершали долгие годы в партизанских зонах. Они спасали раненых на полях боев, с завидной самоотверженностью эвакуировали наши госпитали во время частых вражеских блокад, каждую минуту готовы были отложить в сторону свою санитарную сумку и взять в руки автомат, целыми сутками напролет дежурили, не смыкая глаз, около получивших ранения и больных бойцов в лесных «госпиталях».

Первая встреча с медиками на партизанских тропах произошла у меня весной сорок второго года, когда я был командиром взвода. Обстоятельства, при которых это случилось, были довольно необычными.

Мартовским погожим днем по приказу командира отряда Василия Губина наш взвод выступил в Протасы, крупную ближнюю деревню. Задание, которое нам предстояло выполнить, было несложным: доставить в штаб отряда местного жителя Григория Вежновца. По некоторым сведениям, этот человек, будучи вооруженным, долго проживает в деревне. Что-то здесь не так.

К вечеру добрались мы до места. Разыскав нужную хату, взяли ее в плотное кольцо: Вежновец ведь мог оказать сопротивление. На этот случай возле окон заняли места пулеметчики. С одним из разведчиков, Павлом Федориным, я поднялся на крыльцо. В доме тишина: ни скрипа половиц, ни

голосов. Чем-то встретит нас хозяин? Решительно распахнув дверь и миновав сени, мы оказались в просторной крестьянской горнице. Здесь было сумрачно: ставни притворены. Не сразу глаза освоились с полумраком. А когда мы наконец взгляделись, то первое, что заметили, — стволы двух автоматов, направленные из-за печи нам навстречу.

«Сейчас начнется!» — мелькнула горячая мысль. Понимая, что укрыться от огня некуда, крикнул, уже готовый нажать на спуск:

— Бросайте оружие! Дом окружен!

Лишь потом я осознал, насколько опрометчиво мы действовали: ведь времени открыть огонь у наших противников было сколько угодно. Однако автоматы их почему-то молчали.

Напряженную тишину в доме нарушил взволнованный женский голос:

— Не стреляй, Гришенька! Свои они, партизаны! — От простенка между окнами шагнула нам навстречу пожилая седоволосая женщина. Умоляюще выбросив руки, она обращалась уже к нам: — Как же вы так, сыночки мои? Не спросив, не разобравшись что к чему, едва пальбу не начали. Так и от беды недалеко!

Из-за печи, опустив оружие, вышли двое. Среднего роста, ладные на вид ребята. Кто же из них Вежновец?

Кое-как успокоив женщину, ставшую между нами, я спросил парней:

— Кто вы такие?

— Партизаны мы из отряда Павловского.

Лица у хлопцев открытые, честные — не похоже, чтобы врал. Однако поверить им на слово мы, конечно же, не могли, да и приказ оставался приказом.

— Ну ладно, в штабе все выясним. А сейчас давайте оружие и одевайтесь: едем в отряд.

Провожая всех нас до калитки, хозяйка дома несколько раз встревоженно повторяла:

— Вы уж только разберитесь с ними как следует. Обязательно, не торопясь. Партизаны они, еще с сорок первого. Да и как же иначе, когда такое вокруг творится!

Я твердо пообещал матери, что решение наше будет справедливым.

«Что-то здесь действительно не так! — подумалось мне. — Будь ребята иными, они вели бы себя по-другому: таким ведь терять нечего...»

В тот же день задержанных доставили в штаб отряда. Допрос оказался далеко не легким: один из партизан, житель той же

деревни Протасы, уверенно заявил, что Григорий Вежновец и его товарищ — не те, за кого себя выдают.

Решить окончательно их судьбу, не проверив все досконально, мы не могли. На завтра мне предстояло выехать в отряд Федора Павловского, чтобы выяснить твердо личности задержанных в Протасах.

— Охрану не снимай, пока не разберешься во всем до конца, — приказал Василий Губин. — Головой своей отвечаешь за каждого из них.

На ночь задержанных поместили в одном из домов Зубаревской Буды, маленькой деревушки, где располагался в те дни штаб нашего отряда. Усиленный караул получил самые строгие указания на случай любой неожиданности.

Едва рассвело, я зашел в хату, где находились Григорий Вежновец и его товарищ. Зашел и не поверил своим глазам: они были не одни. На широком топчане рядом с ними сидела темноволосая смуглая девушка. Догадавшись, судя по всему, что перед ней один из партизанских командиров, она внимательно и настороженно разглядывала меня.

Я обернулся к часовым:

— Как это понимать? Откуда она здесь?

Один из них ответил:

— Так то ж сестричка. Сегодня под утро сделала перевязку нашему раненому и вот сюда зашла.

— И вы пустили? Выходит, коли она медсестра, ей все позволено?

— Вы не поняли, — тихо сказала девушка. — Я родная сестра Гриши. Мария Вежновец.

— Не сочиняй!

— Правда это, — подтвердил Григорий. — Как узнала она, что увезли меня в отряд Губина, так одна среди ночи через лес пошла — разыскивать нас. Добралась сюда уже под утро, раненому вашему перевязку сделала, а потом часовых уговорила: рядом с братом, сказала, хочу побыть.

— Отчаянная дивчина, — смутился я. — Так значит, ты не медсестра!

— Вы ж все равно не поверите, если скажу, что медицинское училище перед самой войной окончила, — улыбнулась она.

А примерно через час на трех санных повозках выехали мы в районный центр Октябрь, в отряд Федора Павловского. Дорога предстояла неблизкая и почти целиком через густой лес. Однако связывать задержанных я не стал: сам не знаю почему, но верил этим людям. И не ошибся. К полудню были мы в Октябре. Вскоре состоялась встреча с командиром отряда Павловским. Теперь все

прояснилось окончательно: Григорий Вежновец и его товарищ действительно были бойцами отряда, посланными в Протасы по заданию командования.

Я был от всей души рад. Вернув ребятам оружие, извинился перед ними: на войне всякое случается. Расстались мы тепло.

Крепко пожал я руку и Гришиной сестре:

— До встречи, Марийка. Коли надумаешь, переходи к нам в отряд: у нас на сто бойцов — ни единого медика.

Она улыбнулась:

— Ну уж нет — еще арестуете. А если серьезно, то хочу везде быть с братом. Один ведь он у меня теперь остался.

На том и распрощались. Суждено ли нам встретиться еще? Всяко может случиться. Война — загадывать вперед трудно.

И вот минуло немногим более полутора лет, и нам довелось повстречаться снова. Это случилось в сентябре сорок третьего, в деревне Славковичи, что под Глуском.

В тот день принимал я штаб 99-й партизанской бригады, командиром которой был только что назначен. В числе других представился мне Ибрагим Леонидович Друян, начальник медслужбы бригады, волевой, решительный человек, знакомый мне еще с октября 1942 года. Рядом с ним стояла с санитарной сумкой через плечо невысокая черноволосая девушка, судя по всему немало уже исходившая по партизанским тропам.

Лицо ее, без сомнения, было знакомо мне, нам, конечно же, приходилось где-то встречаться. Но где, когда и при каких обстоятельствах, я, как ни старался, вспомнить не мог: ведь чуть ли не каждый день война сводила между собой десятки людей.

— Товарищ командир, не припоминаете? — негромко спросила девушка. — Я же Мария Вежновец, медсестра!

Конечно же, это была она, обаятельная, милая девушка, которую довелось мне узнать еще в сорок втором! Как повзрослела, закалилась она с тех пор, став, судя по всему, настоящим бойцом!

Нелегко сложилась жизнь у этой славной девушки. Ей было не больше девятнадцати, когда пришла в дом ее родителей незваная страшная беда. Мария росла в деревне Протасы Паричского района. Семья ее одной из первых вступила в колхоз. Советская власть открыла селянам новую жизнь, новые горизонты, радость освобожденного труда, дорогу к знаниям. Вскоре детей Леонтия Вежновца, Марию и Григория, направили учиться. Григорий поступил в военное училище и стал кадровым командиром, Мария же, окончив в Бобруйске школу медсестер, осталась работать там в одной из городских больниц. Но недолго пришлось им жить под мирным небом.

Когда фронт подошел вплотную к Бобруйску, Мария ушла в Протасы, к родным. А вскоре здесь же появился и Григорий, вырвавшийся из окружения. Семья собралась на совет.

— В деревне мне оставаться нельзя, — сказал Григорий. — Придут немцы — и мне и вам не миновать петли. Словом, ухожу я партизанить.

И Мария ушла вместе с братом.

Первое время действовали небольшой группой, состоявшей из нескольких местных жителей и военнотружущих, бежавших из плена. День ото дня группа росла, превратившись вскоре в хорошо вооруженный партизанский отряд.

Каким-то образом гитлеровцам стало известно о Марии и Григории, их партизанской борьбе. Расплата последовала незамедлительно. Весной сорок второго после мучительных пыток и издевательств был расстрелян Леонтий Афанасьевич Вежновец. Пелагею Афанасьевну и младшую дочь ее, Пашу, оккупанты решили пока не трогать. За домом их установили наблюдение: фашисты надеялись, что рано или поздно здесь обязательно появятся Мария и Григорий.

Партизаны ответили на это новыми ударами по врагу. Десятки смелых операций провели в те месяцы бойцы, громя гарнизоны оккупантов, уничтожая полицейские посты, участвуя в диверсиях на железных дорогах.

И тогда в Протасы был направлен карательный отряд. Приближавшуюся колонну гитлеровцев первой заметила Паша. Испуганная, прибежала она к матери, начала уговаривать ее уйти в лес.

— Беги одна, доченька, — ответила Пелагея Афанасьевна, обняв Пашу. — Там брат твой. А я уж здесь останусь: меня, старую, немцы не тронут. На что я им?

Поняв, что добраться до леса она уже не успеет, девочка решила схорониться в соседском сарае. Отсюда ей хорошо была видна вся улица. Едва войдя в деревню, каратели приступили к осуществлению своего изуверского плана. По списку, составленному кем-то, они стали собирать в хату Михеда Голуба всех жителей. Туда же привели и мать Марии. Связав женщине руки за спиной, они бросили ее в обозную повозку и приказали смотреть на дом, куда уже было согнано двадцать четыре семьи. Потом гитлеровцы заперли хату и, облив ее со всех сторон бензином, подожгли. Забушевало, взметнувшись к небу, яркое пламя. Всех, кто пытался вырваться из огня, каратели хладнокровно расстреливали из автоматов. Вскоре крики несчастных затихли.

Сотворив свое гнусное дело, гитлеровцы ушли из деревни. За

последней повозкой, привязанная к ней, шла мать Марии. Подгоняя ее ударами кнута, рядом вышагивал фашист. Судьба Пелагеи Афанасьевны стала известна лишь через несколько дней. На первом же допросе в Паричах ее избили до полусмерти. Оккупанты хотели узнать, где скрывается ее сын Григорий. Но мать молчала. Тогда пытки были продолжены. На одном из допросов, собравшись с силами, она схватила со стола тяжелую чернильницу и швырнула ее в лицо гитлеровскому офицеру. Пелагея Афанасьевна просто надеялась ускорить развязку, понимая, что конец будет один. Однако палачи еще долго глумились над своей жертвой. И лишь убедившись, что добиться от мужественной женщины им ничего не удастся, фашисты казнили ее во дворе комендатуры.

Разыскав партизан, рыдающая Паша рассказала сестре и брату о трагедии, разыгравшейся в их родной деревне. Тогда же Мария и Григорий поклялись бить врага, пока будут живы.

Вокруг по-прежнему полыхала партизанская война. Многие гибли в боях, сотни боевых друзей получали в схватках с врагом тяжелые ранения и увечья. Спасению их жизней решили отдать все силы сестры Мария и Паша Вежновец.

В райцентр Октябрь, где в то время находился партизанский госпиталь, едва ли не каждый день приходили все новые и новые повозки с ранеными. Их было очень много, и каждый боец нуждался в тщательном уходе, в квалифицированной медицинской помощи. Сутки напролет, не зная отдыха, проводили девушки возле госпитализированных, перевязывая их раны, заботливо выхаживая каждого.

Приходилось участвовать сестрам в составе бригады Федора Илларионовича Павловского, одного из первых среди партизан Героя Советского Союза, и в многочисленных боях. Под вражеским огнем выносили они на себе раненых, оказывали им первую медицинскую помощь, а затем сопровождали до госпиталя.

В январе сорок третьего, преодолев более семидесяти километров трудного, опасного пути, привезла Мария из Полесского партизанского соединения в деревню Альбинск группу тяжело раненных бойцов для отправки на Большую землю. Здесь, неподалеку от деревни, находился партизанский аэродром, куда должен прибыть самолет. Однако, когда он прилетит, никто точно не знал. Оставалось лишь ждать, ухаживать за ранеными, делать им перевязки, готовить пищу. И все это легло тогда целиком на плечи партизанской медсестры Марии Вежновец. Единственной ее помощницей была хозяйка дома, в котором поместили раненых, жена красноармейца, находившегося на

фронте.

Прошло много дней, а самолет не появлялся. Когда у Марии кончился перевязочный материал, она вместе с хозяйкой пошла по хатам, собирая все, что можно: простыни, рушники, рубашки, выстиранный белый материал. Но скоро и этот «резерв» истощился. Между тем двум раненым стало значительно хуже, необходима была срочная квалифицированная врачебная помощь. И Мария сразу же выехала в ближнюю деревню Сосновку, где располагалась санитарная часть штаба соединения партизанских отрядов Минской области. К раненым поспешил начальник медслужбы соединения хирург Ибрагим Леонидович Друян. Внимательно осмотрев бойцов, он отметил, что все до единого были тщательно ухожены, получали самую квалифицированную медпомощь.

— У нас же сестрица, что иной доктор, — говорили бойцы Друяну, кивая на Марию. — Сама хоть кого на ноги поставит.

Да, здоровье людей находилось в надежных руках.

Оставив привезенные с собой медикаменты, Ибрагим Друян уехал. А вскоре после этого деревушка Альбинск подверглась налету фашистской авиации. Под вой пикировщиков, среди разрывов падающих бомб одного за другим перетащила Мария раненых в глубокий овраг, спасая их от гибели. Все бойцы остались живы...

В мае 1943 года Марию как опытную медицинскую сестру перевели в санитарную часть 99-й бригады. Принимая бригаду, я радовался, что в ее медслужбе, возглавляемой Ибрагимом Друяном, предстоит работать таким замечательным людям, как Мария Вежновец.

Непосредственными организаторами медицинской службы в бригаде стали также врач Раиса Васильевна Дементьева, медсестры Мария Соколовская, Ксения Прокопчик, Ксения Огур, Александра Сергейчик и многие другие. С их помощью на специально созданных курсах прошел переподготовку весь медперсонал партизанских отрядов нашей бригады. В каждом из взводов были подготовлены из числа девушек-бойцов инструкторы, которые отвечали в своих подразделениях за строгое соблюдение санитарного режима. А во время выхода на задания они наравне с мужчинами участвовали в боях, выносили с поля раненых и оказывали им первую медицинскую помощь.

Во всех отрядах эти женщины участвовали в оборудовании специальных землянок и буданов для раненых, где были аптечки, наборы инструментов и перевязочные средства.

Заботливо и самоотверженно ухаживая за ранеными, медсестры и санинструкторы делали все, чтобы как можно

быстрее поставить их на ноги, вернуть в строй полноценными бойцами. А если появлялись в тех местах гитлеровцы, наши медики, не колеблясь, брали в руки оружие и грудью вставали на защиту своих пациентов.

Позже для тяжело раненных и контуженных был создан в лесу бригадный госпиталь, начальником которого стал Ибрагим Леонидович Друян. Здесь работали самые опытные, подготовленные медсестры и фельдшеры, прошедшие суровую школу партизанской борьбы. Госпиталь этот был мобильным — при смене района действий бригады он быстро разворачивался на новом месте в заново открытых землянках, шалашах и домах.

Нельзя не вспомнить добрым словом наших удивительных партизанских медиков, женщин и девушек, проявлявших редкую находчивость, героизм и отвагу при исполнении своего нелегкого долга.

Особенно запомнилась мне скромная, ничем, казалось, не приметная с виду женщина, фельдшер Ирина Калиновская. До самого освобождения Белоруссии от вражеского ига она была надежной и верной помощницей хирурга Ибрагима Друяна. Многим партизанам сохранила она жизнь.

Войну Ирина встретила, работая в одном из военных госпиталей Красной Армии. Тяжелые это были дни. Когда бои приблизились вплотную, началась эвакуация госпиталя. Фельдшеру Калиновской было поручено сопровождать автомашину с ранеными на восток, в сторону Минска. Однако добраться до столицы Белоруссии им не удалось. Вскоре шоссе, заполненное до предела потоком беженцев, перерезали вражеские танки.

— Все, кто может передвигаться, уходите к лесу! — понимая, что медлить нельзя, распорядилась молодая женщина.

Сама же она осталась с тяжело раненными, чтобы разделить до конца их участь. А участь эта была тяжелой.

В тот же день в составе гитлеровской мехколонны санитарную машину направили в Слуцк. Израненных бойцов и командиров, беспомощных, лишенных подвижности, ожидал плен. И хотя избежать этого, казалось, нельзя, Ирина Калиновская все же надеялась на счастливую случайность. И она вскоре представилась. С наступлением ночи фашистская колонна растянулась. Опасаясь, видимо, налетов нашей авиации, гитлеровцы соблюдали полную светомаскировку: в нескольких десятках шагов от дороги все тонуло во мраке.

Перед одним из поворотов Ирина приказала водителю отстать от идущего впереди грузовика, и, когда была потеряна из виду идущая следом машина, они вдруг свернули на узкий

лесной проселок. К счастью, в колонне исчезновение санитарной машины осталось незамеченным. Глухой проселок вывел их через некоторое время к жилью. Это оказалась деревня Шушицы. Несмотря на глубокую ночь, жители оказали раненым посильную помощь: женщины накормили их и, переодев в гражданское, развели по хатам.

Наступившее утро принесло новые заботы: оставаться в деревне надолго было опасно. Переговорив с селянами, Ирина решила отвезти красноармейцев в районный центр Греск, в городскую больницу. Судя по всему, там была еще возможность устроить их на лечение.

До Греска добрались к полудню дальними лесными дорогами, в обход деревень. Персонал районной больницы тепло встретил раненых воинов. Их разместили по палатам как гражданских больных. Здесь же осталась и Ирина.

Поселившись в доме медсестры Фаины Тарасевич, Ирина вскоре узнала, что в больнице едва ли не с первых дней оккупации действует антифашистская организация, возглавляемая главным врачом Юрием Георгиевичем Войчиком. В состав ее входили медицинские работники Лидия Ковалева, Анна Соболевская, Галина Жук, Феня Тарасевич и многие другие. Уберечь от плена, от гибели раненых бойцов и командиров Красной Армии, вывести их, вооружить и отправить к партизанам — вот главная цель, которую ставили перед собой подпольщики.

В их ряды, не колеблясь, стала и Ирина Калиновская.

Задачи, возложенные на нее руководством группы, были нелегкими и крайне опасными: нужно было поддерживать связь с местными подпольщиками и обеспечивать транспортировку оружия. По несколько раз в месяц, ночами, минуя вражеские посты, доставляла она из окрестных деревень в Греск пистолеты, гранаты, боеприпасы, прятала их потом у себя на квартире. Днем же все силы приходилось по-прежнему отдавать раненым. С утра и до позднего вечера не покидала Ирина больничные палаты, перевязочные.

Несмотря на скудный рацион и нехватку медикаментов, силы у бойцов день ото дня крепили. Вскоре некоторые из них, наиболее оправившиеся, начинают готовиться к уходу в партизаны. Снабдить их оружием и боеприпасами помогала Ирина.

В сентябре сорок первого из этих бойцов и местных подпольщиков под Греском был организован партизанский отряд. Командиром выбрали Виктора Курганова, человека очень решительного и энергичного. Одной из связных отряда стала фельдшер Калиновская.

А спустя месяц октябрьским утром неподалеку от города завязался тяжелый бой между партизанами и фашистами. Под натиском превосходящих сил врага отряду пришлось отступить. Отход своих товарищей прикрывал лейтенант Михаил Либенков. Долго длилась неравная схватка. Окруженный со всех сторон гитлеровцами, командир Красной Армии держался насмерть, стараясь во что бы то ни стало задержать врага. И это ему удалось. Но вот на исходе последний диск. Вокруг скашивали ветви деревьев осколки гранат, свистели пули. Навылет прострелена рука, а затем и грудь Михаила. Сознание покидает его... Безоружный, истекающий кровью партизан попал в руки фашистов. К вечеру его привезли в городскую больницу Греска. Гитлеровцам он нужен живым: от него они рассчитывали получить информацию о греском подполье, о партизанских формированиях. Однако состояние лейтенанта было почти безнадежным — слишком велика потеря крови.

В борьбу за жизнь командира вступили медики — весь персонал районной больницы во главе с Юрием Войчиком, главным врачом. Разумеется, у них были иные цели, чем у гитлеровцев. День и ночь, сменяя друг друга, дежурили возле раненого фельдшеры, медсестры и санитарки. Вскоре им удалось привести его в сознание.

А городская комендатура едва ли не каждый день наводила справки о партизане: готов ли он к допросам? Однако ответ всякий раз был один и тот же: состояние Либенкова все хуже, смертельный исход, видимо, неизбежен. А тем временем Михаил поправлялся. И наступил день, когда по поручению товарищей Калиновская рассказала ему о существовании в больнице подпольной антифашистской организации, о работе ее по спасению раненых бойцов и командиров Красной Армии. Узнав о возможности уйти из оккупированного города, чтобы вернуться в отряд, Либенков воспрянул духом.

Поздней осенней ночью на связь с командованием отряда в деревню Гацуки отправилась Ирина Калиновская. Отыскав партизан, она сообщила комиссару отряда о положении дел в больнице, о Михаиле. Решено было любыми путями спасти его. Договорившись о совместных действиях, Ирина вернулась назад. Здесь ждал ее лейтенант Либенков. Вполне оправившись от ран, он был готов к побегу.

— Завтра ночью! — шепнула ему Ирина.

И побег состоялся. Ночью Калиновская вывела Михаила из больницы. Их путь лежал глухими извилистыми улочками, в стороне от патрулей и застав, к окраинам Греска, а оттуда — к деревушке Камень, неподалеку от которой базировался в те дни

отряд. Встреча с боевыми друзьями была радостной. Тепло и сердечно благодарили партизаны Ирину.

На другой день, вернувшись домой, Калиновская узнала, что в содействии исчезновению из больницы Михаила Либенкова гитлеровцы подозревают и ее, за ней установили наблюдение. Оставаться на месте было невозможно: риск оказаться в лапах врага становился слишком велик. Руководитель антифашистской организации Юрий Георгиевич Войчик приказал Ирине, чтобы она немедленно уходила в партизаны. Той же ночью вместе с последней группой выздоравливающих командиров и красноармейцев Калиновская покинула райцентр. С собой группа уносила добытые медикаменты, а также оставшиеся оружие и боеприпасы, которые хранились на квартире Ирины.

Ушли они, как выяснилось, в самое время. Ранним утром следующего дня в больницу нагрянули гитлеровцы: они искали Калиновскую. Однако было поздно — она к тому времени была уже в отряде.

Будучи в партизанах, я узнал еще одну замечательную женщину — медицинскую сестру Ксению Семеновну Огур. Война застала ее в родной деревне Зорька Глусского района, куда она приехала в отпуск после окончания медучилища. Проводив четырех своих братьев в Красную Армию, сама Ксения вскоре ушла в партизаны. Произошло это, на первый взгляд, случайно. Во время одного из боев неподалеку от Зорьки взрывом гранаты была ранена группа партизан. Под огнем противника их вынесли с поля боя и доставили в деревню. Хирург Ибрагим Друян тотчас приступил к делу.

Неожиданно дверь в хату, где лежали раненые, распахнулась, и на пороге ее, взволнованная, запыхавшаяся, появилась молодая девушка:

— Я медицинская сестра. Могу ли чем-нибудь вам помочь? Это была Ксения Огур.

Всю ночь помогала она врачу обрабатывать раны бойцов, делать перевязки. Работала девушка сноровисто, умело. А наутро, когда Ибрагим Друян, горячо поблагодарив Ксению, отпустил ее домой, она твердо, как о давно решенном, заявила:

— Никуда я от вас не уйду! Зачисляйте в отряд!

В тот же день Ксению приняли в отряд имени Воронова. Человек отзывчивый, с чуткой и доброй душой, она оказалась прекрасной медицинской сестрой. Ее заботами было спасено немало человеческих жизней, сохранено здоровье десяткам партизан.

Выхаживая друзей по отряду, девушка не щадила себя. Во

время вспышки сыпного тифа она сутками не отходила от больных и сама не убереглась, заболела. Вот тогда на помощь ей поспешили товарищи, подруги.

Едва став на ноги и окрепнув после недуга, Ксения снова вернулась в строй. И снова ждали ее нелегкие партизанские будни, дни и ночи, отданные без остатка добру, людям, гуманному долгу медика.

Размышляя о «партизанских докторях», не могу не продолжить рассказ о замечательной семье патриотов Вежновец и о самой младшей из них — Паше. В свои четырнадцать лет, пережив гибель родителей, стала эта девчушка партизанской медсестрой, бойцом, а затем и отрядной разведчицей.

В апреле сорок третьего решено было с участием нескольких партизанских бригад — 1-й Бобруйской, 123-й и нашей, 37-й, — разгромить один из самых крупных вражеских гарнизонов в Полесье, располагавшийся в Протасах. С особой безжалостностью грабили здесь фашисты мирное население, бесчинствовали в окрестных деревнях, мучили и казнили людей при малейшем подозрении их в сочувствии партизанам.

Нужно было получить подробные данные о гарнизоне. Добыть их мог лишь человек, хорошо знающий деревню, знакомый с ее жителями. Кроме того, появление его там не должно было навлечь подозрений гитлеровцев.

После долгого обсуждения кандидатур остановили свой выбор на Паше Вежновец. Совсем еще девчушка, подросток, она, казалось, не привлечет к себе внимания оккупантов. К тому же Паша превосходно знала все подходы к деревне и ее жителей. Получив необходимые инструкции, она за две недели до начала операции отправилась в путь весенним топким лесом, через болота, нехожеными, зыбкими тропами. Вернуться она обещала скоро, надеясь за день-два разузнать все необходимое.

Однако минуло больше недели, и дошли до отряда тяжелые вести о юной разведчице. Сообщали люди, будто попала девчушка в руки оккупантов и теперь дни ее сочтены.

Как выяснилось позже, Паше удалось незамеченной добраться до околицы деревни и в деталях разведать расположение дзотов, других укреплений противника и его огневых точек. Оставалась невыясненной лишь точная численность гарнизона. И Паша решила обойти центральные улицы деревни. Здесь-то ее и опознал как родную сестру Григория Вежновца предатель. Пашу немедленно схватили и в тот же день повезли на допрос в Паричи.

Две недели подряд не прекращались пытки, истязания и

побои. День и ночь допытывались палачи у девочки: где располагается партизанский отряд, чем он вооружен, сколько бойцов, что известно об их планах? Однако она упорно молчала.

Тогда фашисты привезли Пашу в ее родную деревню — для окончательной расправы. По их замыслу, казнь юной партизанки должна была запугать ее односельчан, сломить их дух. Перед тем как захлопнулась дверь подвала, куда вместе с другими односельчанами была брошена девочка, один из полицаев пригрозил:

— Не признаешься — завтра же тебя повесят!

Однако ранним утром 25 апреля на подступах к деревне неожиданно разгорелась жаркая схватка: отряды народных мстителей атаковали Протасы. К полудню вражеский гарнизон прекратил свое существование. От справедливой расплаты не ушли ни оккупанты, ни их приспешники.

Пока партизаны добивали гитлеровцев, Григорий с помощью крестьян отыскал подвал, где томились узники. И вот Паша, измученная, в кровавых подтеках, у него на руках. Сразу же девочку привезли в бригадный госпиталь: предстояло сделать многое, чтобы спасти ее, вернуть ей здоровье. Внимательно осмотрев юную партизанку, Ибрагим Друян ужаснулся: все ее тело, с головы до ног, было покрыто свежими кровоточащими ранами. Несколько недель настойчивого лечения и заботливого ухода понадобились партизанским медикам, чтобы поставить девочку на ноги. Понемногу Паша начала поправляться. А едва поднявшись с постели, она стала помогать Марии в ее нелегких обязанностях медицинской сестры, перевязывала раненых, кормила их. А потом, окрепнув, вернулась Паша в бригаду Федора Павловского.

С особенной теплотой и участием вспоминаю и Антонину Семенчук, человека удивительных душевных качеств, нашу партизанскую медсестру. Трудно рассказать обо всем том, что пришлось пережить ей в свои шестнадцать лет.

Январским днем сорок третьего жители Парщахи, маленькой деревушки, где Тоня жила вместе с родителями, были заняты своими повседневными делами, хлопотали по дому, по хозяйству. Война уже давно вошла в их быт, стала суровой неизбежностью со всеми лишениями и невзгодами.

Вот уже несколько часов подряд со стороны Осиповичей доносились сюда звуки разрывов гранат и пулеметных очередей. Они то затихали, то вновь нарастали, приближаясь. Не скрывая беспокойства, прислушивались к ним и Семенчуки — Антон Викентьевич и Татьяна Васильевна. Там вместе со своими

друзьями вели тяжелый и упорный бой с врагом их сыновья Николай и Женя, братья.

— Отобьются! Не впервой, — успокаивая жену и дочь, говорил Антон Викентьевич.

Однако собственную тревогу ему скрыть не удавалось. Старый партизанский разведчик, он начал в последнее время сдавать — сказывались два нелегких военных года. С трудом поднимался он утром, временами не то что ходить, даже сидеть не мог — болели суставы, мучил ревматизм.

Тихонько скрипнув, приоткрылась дверь. На пороге стояли покрасневшие от мороза трое ребятишек, двоюродные братья Тони — Костя, Женя и Леня. Сестренка улыбнулась им, кивнула: заходите, мол, в хату, раздевайтесь.

И вдруг она замерла, прислушиваясь к возникшему на улице шуму. Он быстро нарастал, приближаясь со стороны околицы. И вот уже можно разобрать, что это рокот автомобильных двигателей. Немцы! Антон Викентьевич, забыв о болях, резко поднялся и подошел к окну. В деревушку входили вездеходы с черными крестами на бортах. А со стороны леса приближались, держа оружие наготове, плотные цепи фашистов. Это были каратели.

Приникнув к окнам, жители деревни затихли. Настороженно следя за солдатами, селяне не догадывались о той страшной участи, которая была уготована им, хотя каждый понимал, что ничего хорошего от оккупантов ждать не придется.

Восемь фашистов направились к хате Семенчуков.

— Прячась, — кивнув на крышку подпола, тревожно прошептала Татьяна Васильевна, и Антон Викентьевич исчез в хорошо укрытом подземелье, имевшем выход на огороде.

Распахнув ударами ног дверь, в горницу ввалились несколько карателей. Первым им попался пятилетний Леня. Схватив мальчика за рубашонку, один из фашистов приподнял его с пола и передал другому. Тот, неторопливо выйдя на крыльцо, коротко размахнулся и хладнокровно швырнул ребенка в снег.

Тоня в ужасе закричала.

Вслед за Леней во двор были выброшены Костик и Женя. Прикладами автоматов и пинками каратели вытолкнули из хаты Антонину, а за ней и Татьяну Васильевну. Всех их, раздетых, по морозу повели на колхозный двор. Сюда же сгонялись и все остальные селяне.

— Шнель! Шнель! — злобно рывкали на людей гитлеровцы.

Толпа на колхозном дворе с каждой минутой росла. Дрожащие от холода и страха дети, женщины и старики с ужасом смотрели на стоявших поодаль солдат, невозмутимых, с

автоматами на изготовку.

Антон Викентьевича каратели не нашли. Из своего убежища, выходявшего на огород, он хорошо видел, что происходило на колхозном дворе, — это было рядом — и не сомневался в том, что готовящаяся расправа над односельчанами предпринята из-за него, из-за Николая и Евгения, сыновей-партизан. Оставив убежище, Антон Викентьевич поспешил на колхозный двор. Когда он появился там, седовласый, спокойный, гитлеровцы, будто по команде, с недоумением уставились на него.

— Что смотрите? — подойдя поближе, спросил Семенчук. — Живого партизана не видели? Так вот он я, перед вами. Сам пришел. А других не трогайте. У нас в деревне больше некому было воевать. Посмотрите, кого вы согнали: одни женщины, дети да больные старики.

Антон Викентьевич хотел еще что-то сказать, но стоявший рядом огромного роста фашист что было силы ударил его кулаком в лицо: Семенчук упал. Его тут же подняли, и подскочивший переводчик выкрикнул:

— Где партизаны? Говори, быстро!

— А разве ты не слышишь перестрелку? Там и партизаны. Поди-ка сунься к ним!

От нового удара старик потерял сознание.

Его еще долго и озлобленно били, а затем бросили в притихшую толпу.

Тем временем большую группу селян по команде одного из офицеров отделили от остальных и повели к дощатому строению, стоявшему чуть поодаль. Распахнув настежь ворота телятника, каратели начали загонять в него стариков, женщин и детей. Туда же швырнули они и Семенчука, до сих пор не пришедшего в сознание. Вскоре деревянная постройка была заполнена до предела. Задвинув на тяжелый засов ворота, несколько гитлеровцев неторопливо направились к машинам и вернулись с канистрами в руках.

Но сперва в дело вступили пулеметы. Длинные, размеренные очереди ударили по стенам сарая, прошивая их насквозь. Послышались стоны раненых. А потом, облитый бензином, телятник сразу занялся огнем, едва к нему фашисты поднесли факел. Яркое пламя, взметнувшись, моментально охватило все строение. На маленькой дерегушкой поднялся и за клубился к небу черный дым.

Тем утром в огне погибли многие: пятилетняя Надя Слезина, Анастасия Пархимчик со своими сыновьями Сашей и Вовой, Анастасия Шпаренок с тремя детьми от пяти до двенадцати лет, Евдокия Гаврисюк с двумя мальчиками, девочкой и престарелой

матерью, Фруза Харчук с тремя, Елена Бута с двумя, Роза Млынарчик и Павлина Кашен, каждая с четырьмя детьми, Текля Гасюк с восьмилетним сыном. И многие другие. Заживо было сожжено семьдесят два человека, из них сорок шесть детей.

Тоне Семенчук и другим девушкам гитлеровцы приказали собраться в дорогу. А они тем временем грузили на автомашины собранные по хатам продукты, вещи, все, что представляло хоть какую-то ценность. Действовали фашисты деловито, с привычной сноровкой мародеров. Когда со всей деревни был согнан скот, в воздух с громким шипением взвилась красная ракета. Это был сигнал. Тут же по улицам двинулись факельщики, поджигая все, что только могло гореть. Паршаха запылала. Вскоре на месте домов остались лишь черные, закопченные остовы печей.

А по дороге, ведущей в сторону Осиповичей, брели тем временем под охраной гитлеровцев девушки, а перед ними стадо ревущей скотины. Коровы двигались медленно, то и дело разбредаясь по кустам. Оккупанты, подгоняя животных, нервничали: в любой момент можно ожидать налета партизан. А до города путь неблизкий. По обрывкам фраз конвоиров догадались девушки об ожидающей их участи: в Германию! Решение бежать созрело у всех само собой. Вот наконец и подходящее место. Рядом деревушка Осы-Колесы. По обеим сторонам от дороги густой сосновый лес. Пора!

— Ну-ка, девчата, врассыпную! — что было сил крикнула Тоня Семенчук.

В тот же миг все бросились в кусты. Затрещали автоматы: спохватившись, каратели открыли огонь. Одна за другой, скошенные пулями, падали девчонки. Лишь немногим из них удалось укрыться в лесу.

Увязая в глубоком снегу, вместе с уцелевшими подругами бежала и Тоня. Падала, поднималась и снова бежала. Наконец, совершенно обессиленная, она рухнула в сугроб и долго, очень долго не могла подняться.

«Надо идти, обязательно идти! Иначе схватят», — повторяла девушка про себя, пытаясь встать на ноги.

И она в который уже раз вставала и шаг за шагом брела дальше, в спасительную лесную чащу. Мороз, отнимая последние частицы тепла, забирался под ветхую одежду, нестерпимо обжигал тело, сковывал движения.

Больше недели блуждала Антонина по лесам в поисках партизанских стоянок. И, уже отчаявшись, потеряв всякую надежду на спасение, заметила на исходе дня вдали цепочку вооруженных людей в гражданском. Это были бойцы бригады Андрея Шашуры, возвращавшиеся после очередной операции.

Через несколько дней, придя в себя от пережитого, Тоня была переправлена в наш отряд, где сражались ее братья Николай и Евгений. Горестной была их встреча — весть о страшной гибели Татьяны Васильевны и Антона Викентьевича сюда еще не дошла.

Отряд имени Ворошилова стал с той поры родным и для Тони. Здесь прошла она курс специальной подготовки, стала медицинской сестрой. Добрая, отзывчивая, заботливая, она быстро и по праву завоевала любовь и уважение партизан. Множество ласкательных имен от полного имени Антонина существует и в русском и в белорусском языках. Но ее, нашу славную, милую Тоню, все называли только сестричкой.

Не меньшей любовью среди бойцов бригады пользовалась Александра Сергейчик, в прошлом подпольщица из деревни Заволочицы Глусского района. Застенчивая и тихая в редкие минуты отдыха, она буквально на глазах преображалась в боях, становилась человеком, которому, казалось, неизвестны страх и колебания. Под вражеским огнем она спасала раненых, оказывала им первую помощь, выносила с поля боя.

Особенно отличилась Саша во время «рельсовой войны», когда по приказу с Большой земли все партизанские соединения одновременно приступили к подрыву железнодорожных путей в глубоко вражеском тылу.

Подготовка к этой операции, которую называли «Концертом», началась в нашей бригаде в начале сентября сорок третьего года. Получив задание от командования соединения, штаб бригады подробно разработал все детали предстоящих действий, поставил конкретные задачи перед всеми службами, в том числе и перед медиками. В свою очередь партизанские врачи провели инструктаж с медицинскими сестрами, фельдшерами, распределив их по отрядам.

20 сентября 1943 года, получив долгожданный приказ о выходе на задание, мы выступили в поход. Настроение у бойцов было приподнятое — нам предстояло нанести по врагу большой и внезапный удар. Бригаде для подрыва был определен участок железнодорожной магистрали Минск — Бобруйск между станциями Осиповичи и Татарка. Около ста километров нелегкого пути, отделявших нашу базу от места проведения диверсии, нужно было преодолеть за двое суток.

Поначалу все складывалось удачно: первый день прошел без происшествий. Отдохнув несколько часов в первой половине ночи, мы двинулись дальше. Но на второй день к вечеру неожиданно возникли осложнения. Небо, затянутое с утра пеленой облаков, вдруг совсем потемнело, нахмурилось, и

заморосивший мелкий дождь вскоре сменился настоящим ливнем. Под хлещущими его струями люди тотчас промокли до нитки. Темп движения, однако, не замедлился: вели бригаду разведчики из местных жителей. Когда же наступила ночь, положение резко усложнилось. Идти по бездорожью, не снижая скорости и совершенно бесшумно, становилось с каждой минутой все труднее. Стоило нам опоздать с выходом в намеченную точку, и выполнение боевого задания, назначенного на 22 сентября, неминуемо сорвалось бы.

Вот наконец и торфяные карьеры, начинавшиеся, по рассказам наших проводников, неподалеку от станции Татарка. Глубокие, с обрывистыми берегами, они стали серьезным препятствием на пути партизан. Тропинки между ними превратились в грязное, скользкое месиво. Держась друг за друга, мы осторожно продвигались вперед. И вдруг в ночной темноте громкий выкрик впереди. Выяснилось, что, оступившись, упал в карьер начальник штаба отряда. Быстро разыскав веревки, к нему спустили одного из бойцов. Упавшего тут же вытащили, он отделался лишь ушибами. Саша Сергейчик оказала ему помощь, хотя это и при пустяковых ранах далеко не просто: не видно ни зги, перевязку надо делать на ощупь, вслепую.

Когда до железнодорожного полотна осталось не более километра, по цепи прозвучала команда проверить готовность всех к операции. И тут-то выяснилось, что поджигать огнепроводные шнуры нечем — на всю бригаду ни единого годного коробка спичек, ни клочка сухого трута от кресал. Это может показаться смешным в век газовых, да еще пьезоэлектрических зажигалок, но тогда нам было не до смеха. Как ни суди, а решение можно было принять только одно: немедленно отойти к ближайшей деревне и побыстрее раздобыть спички.

Наконец все готово к операции. Один за другим уходят партизанские подразделения в сторону насыпи. В штабе бригады, расположившемся в полукилометре от железной дороги, наступают тревожные минуты ожидания. Здесь же стоят, настороженно прислушиваясь к тишине, начальник санслужбы Ибрагим Друян и медсестра Александра Сергейчик.

И вдруг, нарушив безмолвие осенней ночи, на подступах к полотну загремели пулеметные и автоматные очереди, гулко заухали разрывы гранат. Ясно, что засевшие в бункерах гитлеровцы обнаружили диверсионную группу и оказали ей бешеное сопротивление. Это понятно, хотя и огорчительно. Но вот несколько, один за другим, взрывов. Что это? Каждому ясно: даже по самым оптимальным подсчетам овладеть

железнодорожным полотном и заложить под рельсы взрывчатку подрывники к этому времени еще не могли. Прошло несколько минут.

— Наши на минное поле напоролись! Есть убитые, много раненых, — вынырнув из темноты, кричит срывающимся голосом один из бойцов отряда имени Ворошилова.

Схватив санитарную сумку, к насыпи побежала Александра Сергейчик. А там уже в полную силу идет бой: трассирующие очереди яркими разноцветными стрелами вспарывают ночную мглу, рвутся мины. Пренебрегая опасностью, Саша оказывает первую помощь раненым, переносит в лесную лощину, где был уже развернут походный медпункт.

На границе минного поля нашла медсестра комиссара отряда имени Ворошилова Владимира Жлобича. Уткнувшись головой в мокрый песок, он безмолвно лежал на боку, Саша торопливо сделала командиру перевязку, а затем с помощью одного из бойцов перенесла его в медпункт.

И снова — к насыпи.

Немало партизан спасла в ту ночь отважная девушка, и только когда сама получила ранение, оставила место жаркой схватки. Товарищи под огнем вынесли ее от полотна железной дороги.

Партизаны захватили трехкилометровый участок дороги, и началась массовая установка зарядов. Скоро в общий гул боя вплелись сотни взрывов — это сработали партизанские мины. Задание командования было выполнено: стальные пути на заданном участке дороги выведены из строя!

Исключительную отвагу и самоотверженность проявили все без исключения медики — врачи, медсестры, фельдшера и санинструкторы. Вот они поименно: Раиса Дементьева, Мария Вежновец, Антонина Семенчук, Мария Соколовская, Екатерина Клыга, Ольга Груздова, Прасковья Козырева, Ксения Прокопчик, Татьяна Шудро, Лидия Семенович, Надежда Мельникова, Клара Хайман, Ева Александрова, Ксения Огур, Анастасия Александрова, Анна Филиппова, Софья Пархимчик, Ева Воробей.

Летом сорок третьего года отрядам имени Кирова, Щорса, Ворошилова и Буденного была поставлена задача разгромить вражеский гарнизон в деревне Балашевичи Глусского района.

Погожим июньским утром народные мстители в условленный час атаковали врага. Схватка длилась недолго. Захваченные врасплох гитлеровцы в панике отступили, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Но не обошлось без потерь и в партизанских рядах: несколько

человек получили ранения. Все они были вынесены из-под огня противника медицинской сестрой Дорой Шпаковской. Сделав перевязки бойцам, она вызвалась сопровождать повозки с ранеными, когда отряды, успешно завершив выполнение задания, начали отход из Балашевичей к деревушке Устерхи.

Едва деревня осталась позади, как группа партизанского прикрытия внезапно была обстреляна врагом. Снова разгорелся бой. Когда же гитлеровцы вплотную подступили к обозу с ранеными, на их защиту вместе с бойцами охраны встала и медсестра Шпаковская. С карабином в руках отражала она одну за другой атаки фашистов. Все попытки немцев захватить обоз были отбиты.

В десятках боев довелось участвовать отважной девушке. Под вражеским огнем она вынесла с поля боя тридцать четыре тяжело раненных бойца. А в минуты затишья все свои силы Дора отдавала уходу за ранеными и больными. Кроме того, за самый короткий срок Шпаковская подготовила четырнадцать санинструкторов для партизанских подразделений. Все они стали надежными помощниками отрядных врачей, фельдшеров, медсестер.

С первых же месяцев войны оказывала помощь раненым партизанам, снабжала их медикаментами Федора Петровна Чурун из деревни Березовка Глусского района, а в начале 1942 года, в самое тяжелое, пожалуй, время, ушла в отряд Николая Храпко. Но недолго пришлось ей там сражаться. Вскоре по просьбе нашего командования девушку перевели в наш молодежный отряд, и стала у нас первой медицинской сестрой.

С той поры Фаина, как ласково мы ее называли, участвовала едва ли не в каждом походе, в каждой операции, проводимой отрядом, выносила с поля боя раненых, спасала им жизни. С санитарной сумкой видели ее партизаны в самой гуще схваток с врагом, под огнем. А сколько бойцов выходила девушка между боями, вернула их в строй!

В бессознательном состоянии попал на хирургический стол Ибрагима Друяна молодой пулеметчик Михаил Дубинчик. Его состояние было, казалось, безнадежным: все тело иссечено осколками гранат. Потом у него насчитали почти сорок ран. Больше месяца не отходила от Михаила Фаина, дежурила ночами возле его постели, сменяя подруг. И партизан выздоровел, вернулся в ряды отряда полноценным бойцом.

Благородному делу спасения раненых партизан с первых же дней войны посвятила себя и медсестра Мария Соколовская. Осуществить поставленную перед собой цель ей не помешали ни

ПЛЕН, НИ МУКИ, ПЕРЕНЕСЕННЫЕ В ЗАСТЕНКАХ ФАШИСТСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ, НИ ДОЛГАЯ, ПОЧТИ ДВУХЛЕТНЯЯ, РАЗЛУКА С СЕМЬЕЙ.

Война застала Марию в Бобруйске, где она работала медицинской сестрой военного госпиталя. А через несколько дней, когда враг уже вплотную подошел к городу, ей пришлось распрощаться со своими родными, с маленькой дочерью и двумя сыновьями. Нужно было уезжать вместе с полевым госпиталем на восток, в глубь страны.

За десятками бойцов и командиров, раненых, контуженных, получивших увечья и ожоги, ухаживала в ту нелегкую пору Мария. В тряском кузове армейской полуторки, в деревенской хате, под брезентовым пологом санитарной палатки оказывала она первую помощь своим товарищам. Работала женщина и под бомбами, артобстрелами, в непосредственной близости от передовой.

Осенью сорок первого под Брянском госпиталь попал в окружение. На прорыв вражеского кольца пошли все, способные держать в руках оружие. А с тяжело ранеными остались медсестры, в том числе и Мария Соколовская.

ПЛЕН... ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА И ПОБОИ ОХРАННИКОВ, ПОПРАННОЕ ДОСТОИНСТВО, СМЕРТЬ ТОВАРИЩЕЙ. Все это суждено было пережить и Марии. Но она не пала духом, не смирилась со своей участью, твердо решив вырваться из неволи. И — отчаянный, дерзкий, почти без шансов на успех побег. Глухими проселками, избегая жилья, пробиралась она в родной город. Его было не узнать теперь: разоренные жилища, руины.

Радостно встретили Марию близкие: жива! Но вместе с радостью приходит тревога. В Бобруйске, вызывая ужас горожан, свирепствуют СД, жандармерия. Достаточно малейшего подозрения, чтобы оказаться тотчас в сырых подвалах охранки: ведь никаких документов у Марии нет. Опасаясь ареста, Соколовская переехала вместе с семьей в другую часть города, в заброшенный хозяевами ветхий дом. Здесь, ближе к окраине, малоллюдно, тихо, почти нет соседей.

Вскоре удалось раздобыть и документы. В этом Марии помогли друзья, связанные с одной из подпольных групп Бобруйска. Они же устроили женщину на работу — в городскую больницу, превращенную гитлеровцами в военный госпиталь.

С радостью узнала Соколовская о существовании в госпитале антифашистской организации, небольшой, но сплоченной. В ее рядах — хирург Анатолий Иванович Сорокоумов, другие медики. К ним, не колеблясь, присоединилась и Мария.

Через связанных подпольщики передавали партизанам медикаменты, перевязочные средства, добытые в больнице. Туда

же переправляли разведанные о размещении в городе вражеских частей, сведения о работе железнодорожного узла, комендатуры, полиции. Самое активное и непосредственное участие в этом принимала медсестра Соколовская.

Не сидел сложа руки и ее муж, бондарь по профессии. Едва ли не каждую ночь он вместе со старшим сыном Робертом расклеивал по городу сводки Совинформбюро, листовки, воззвания к населению.

В декабре сорок второго, воскресным утром, Мария провожала к партизанам мужа и сыновей. Остаться в городе им больше было нельзя — в любой момент возможен арест.

Четверо суток спустя после долгих скитаний добрались Соколовские до райцентра Октябрь, где находился в то время штаб партизанской бригады Федора Павловского. Отец и сыновья были зачислены бойцами в отряд Трофима Жулого.

А тем временем над Марией нависла беда. Узнав об уходе из города ее мужа и сыновей, оккупанты установили за женщиной наблюдение. И без того нелегкая жизнь превратилась с той поры в настоящую пытку.

Вскоре Соколовскую арестовали. Вместе с ней попала в застенки жандармерии и мать Елена Францевна, пожилая, слабая здоровьем женщина. На допросах фашисты, угрожая оружием, требовали признания, что муж Марии и ее сыновья ушли в партизаны, допытывались, поддерживает ли она с ними связь, и если да, то каким образом.

Однако Соколовская была непреклонна. День ото дня повторяла она одну и ту же версию: с мужем разошлась почти месяц назад. Уходя из дому, тот забрал сыновей — Толю и Роберта. И где они теперь, не знает. Пыталась, правда, искать, но все безрезультатно.

Марии не верят. Но через несколько дней, так ничего и не добившись, обеих женщин отпустили.

Соколовская решила, что оставаться в городе ей больше нельзя. По решению руководства подпольной группы вместе с другими патриотами, Еленой Францевной и дочерью она ушла из Бобруйска, надеясь попасть к партизанам.

Но в одной из окрестных деревень Соколовские совершенно неожиданно нарвались на облаву. После короткого допроса их в сопровождении полицейских отправили назад, в город. И снова сырые подвалы жандармерии, снова побои, издевательства и угрозы. Вызывая Марию из камеры по несколько раз в день, от нее требовали ответа на вопросы: куда шла, с какой целью, что известно о муже и сыновьях, где они?

Соколовская держалась твердо.

— Впроголодь ведь живем, господин офицер, — отвечала она спокойно. — Не всякий день осьмушку хлеба видеть приходится. А на руках у меня дочь да мать-старушка. Вот и приходится продукты по деревням выменивать, последнее отдавать. Туда же и нынче мы шли.

Однако выпускать ее гитлеровцы не торопились. Выпустили только мать и дочь Соколовской. С немалым трудом разыскав Веру Стрелкову, связную отряда, они немедленно ушли из города. На правом берегу Березины, возле деревни Рожанов, встретили партизан.

А Мария продолжала томиться в застенках жандармерии. Месяца через два Соколовскую вывели наконец из камеры. В толпе молодых женщин ее под охраной автоматчиков повели на городской вокзал. Их загнали в товарные вагоны, и скоро забитый до отказа невольницами эшелон пошел на запад. Ясно, что впереди — Германия.

«Бежать! Бежать, пока не поздно!» — билась горячая мысль.

Но как? Почти у самой крыши вагона — небольшое оконце, заколоченное крест-накрест досками. Иного пути на волю нет. Надо попытаться! Когда начало смеркаться, Марии с помощью двух соседок, молодых учительниц, удалось открыть окно. Помогая друг другу, узницы поочередно выбирались наружу, повисали на руках, держась за кромку окна и, выбрав момент, прыгали в темноту, на насыпь. Скорость, к счастью, была невелика — эшелон шел на подъем. Вскоре перестук его колес замолк вдали.

Теперь — быстрее в лес!

На поиски партизан ушло несколько дней. И вот после долгих скитаний, бессонных и тревожных ночей появилась Мария в лагере отряда имени Ворошилова. Ей повезло: случайно встретилась с разведгруппой Николая Семенчука. А уже через неделю участвовала в разгроме гитлеровского гарнизона в деревне Балашевичи, что под Глуском.

И с той поры легла полной мерой на плечи ее нелегкая забота о здоровье своих товарищей, об их жизнях. Много было различных схваток с врагом, через которые прошла с санитарной сумкой за плечами партизанская медсестра Мария Соколовская. И в любой ситуации, везде и всегда действовала она решительно, умело и самоотверженно.

Огромное внимание придавали партизанские врачи и медсестры оказанию медицинской помощи мирному населению временно оккупированных районов и областей. Это была на редкость ответственная и нелегкая работа. В приказе № 21 от 21 июня 1943 года по 99-й бригаде медперсоналу предлагалось два

раза в неделю, по средам и субботам, проводить в деревнях амбулаторный прием больных. Таким образом гражданское население получало возможность обратиться в случае необходимости за квалифицированной медицинской помощью. На прием к партизанским врачам приходили сотни женщин, стариков, детей. Медработники выбивались из сил, но делали все, чтобы помочь людям, не оставить их без внимания и поддержки.

Все это умножало любовь народа к партизанам, еще теснее сближало, роднило их. Иначе и не могло быть: ведь одним из источников священной борьбы с врагом, на которую позвала нас партия, было это единство.

Таковыми они были, наши партизанские врачи, медсестры и санитарные инструкторы. Разные дороги привели их на тропы народной войны. Но все они с одинаковым мужеством и самоотверженностью участвовали в великом ратном и человеческом подвиге, ценою которого была завоевана свобода и независимость родной земли.

ГЛАВА 9

Глава девятая ТЫЛ НАШ ПАРТИЗАНСКИЙ

Три года суровой, неумолимой и яростной партизанской войны в Белоруссии. Это был настоящий фронт. Фронт без флангов, фронт за линией фронта. Силу ударов его и мощь довелось испытать пришельцам с первых же месяцев войны и оккупации. Но рядом с ним, порою незримо для врага, проходил и еще один фронт, не менее героический, самоотверженный, которому мы, партизаны, обязаны были в те годы всеми своими успехами в ратных делах, самим существованием отрядов и бригад.

Это был наш народ, наши сограждане, сотни тысяч женщин, девушек, стариков и детей, при бескорыстной помощи которых жило и крепло, уверенно набирая силы, партизанское движение.

Голубое июньское небо было высоким и чистым. Лазурная глубина его порой исчезала за смыкавшимися над машиной ветвями деревьев, но, едва лесная дорога вновь выводила на открытое место, бескрайний синеющий простор снова и снова приковывал к себе взгляд. Лежа без движения в тряском, скрипучем кузове полуторки на охапке свежей травы, я в который уже раз возвращался памятью к пережитому в этот день.

Яростный воздушный бой с «мессерами», свое ранение и вынужденную посадку нашего СБ — все это я представлял себе совершенно отчетливо. Происшедшее же потом вспоминалось смутно, с немалым трудом.

Где я? Что с экипажем, с ребятами? Куда меня везут? В одном, правда, несмотря ни на что, я был твердо уверен: люди, поспешившие мне на помощь, в беде человека не оставят, не

бросят его.

Спустя полчаса старенькая полуторка остановилась посреди деревенской улочки, напротив небольшого аккуратного дома. Нетрудно было догадаться, что здесь разместилась больница: две молоденькие девушки, выскочившие тотчас же на крыльцо, были одеты в белые халаты.

— Принимайте, сестрички, летуна! Ранение в ногу, — деловито пояснил один из моих спутников.

Вскоре я с наложенными повязками, туго перебинтованный, лежал в крохотной двухместной палате.

Белые стены, чистота. От молоденькой медсестры, назвавшейся Реней, узнал, что нахожусь в деревне Пятевщина, в двадцати километрах к югу от Минска. О судьбе моих бывших товарищей, с которыми там, у разбитого бомбардировщика, я не смог даже попрощаться, девушка ничего не знала.

— Да вы не волнуйтесь, — успокоила она. — Скоро вернется Володя Беляков, тот, который привез вас сюда, и все прояснится. А пока отдыхайте, набирайтесь сил, ведь ранение у вас серьезное.

Заботливо поправив одеяло и улыбнувшись, девушка вышла из палаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

На следующее утро в палате появился высокий голубоглазый парень, которого я узнал сразу: это он помогал мне выбраться из покоренной кабины самолета.

— Здорово, летун! Как самочувствие?

Я догадался, что передо мной — Володя Беляков, тот самый, о котором вчера говорила мне Реня.

— Слышал, интересуешься товарищами своими? — продолжал приветливо он.

— Конечно! Что с ними?

— Живы и невредимы. Командир твой, лейтенант Батенин, спрашивал о тебе, беспокоился. А о них не волнуйся — прямо от самолета еще вчера они ушли к своим. Сопровождением я их обеспечил...

Договорить Володя не успел. В коридоре неожиданно раздались взволнованные голоса, затем дверь в палату приоткрылась, и несколько женщин внесли на руках тяжело раненного полковника. У него были перебинтованы обе ноги, рука, голова.

Подежурить возле раненого вызвалась уже немолодая, седоволосая женщина в крестьянской одежде. Тихонечко придвинув табурет, она неслышно присела у его изголовья, не отводя от полковника горестного, полного сострадания и боли взгляда. Временами тот бредил то ли в беспамятстве, то ли во сне, и тогда селянка, постоянно приговаривая что-то, заботливо

смачивала его лоб, густо покрытый капельками выступавшего пота, и губы влажным полотенцем.

— Потерпи, родной! Потерпи еще немного. Авось полегче станет.

С каждым часом раненых в крохотной больничке Пятевщины становилось все больше — в тяжелом гуле орудий, в грохоте танков и самолетов приближался фронт.

Не смыкая глаз, день и ночь проводили местные жительницы возле нас, забыв о делах своих, о себе, о времени. Мы принимали из их рук еду, забывались тяжелым сном, заботливо укрытые их одеялами, терпеливо сносили любую боль, когда они меняли повязки на наших ранах. А в редкие свободные минуты женщины застирывали бурые пятна крови на наших гимнастерках, соленых от пота и серых от придорожной пыли и гари. Их присутствие не давало нам упасть духом, помогало сохранить стойкость, надежду вернуться в боевой строй.

Это они под бомбами и под пулеметным огнем вражеских самолетов отправлялись в нелегкий и опасный путь за медикаментами.

В невеселых мыслях, в томительном ожидании минуло еще несколько дней. Ни для кого из нас не было секретом, что упорные бои идут уже на самых ближних подступах к Минску. Вскоре, к немалой боли нашей, город пал. А уже через несколько часов по шоссе, проходящему неподалеку от Пятевщины, загрохотали траками тяжелые бронированные машины с крестами на бортах.

Сжав кулаки, в бессильной ярости наблюдали мы из окон за бесконечной вереницей танков, тупорылых грузовиков и штурмовых орудий, ползущих на восток.

Тягостные раздумья наши были прерваны взволнованным женским голосом:

— Родненькие вы мои, спрячьте оружие, у кого есть. Не ровен час — сюда ворвутся. Тогда беда!

В дверях палаты стояла с покрасневшими от недосыпания глазами одна из наших медсестер — Мария.

— За себя, сестричка, нам не страшно, — не отрывая взгляда от окна, повел плечами раненный в обе руки лейтенант, недавно подселенный в нашу комнатуху. — Военные мы... А вот как о вас, о девушках, о женщинах, подумаешь, так сердце кровью обливается: что ждет вас здесь? С войной шутки плохи. Так что совет мой вам: уходите отсюда, пока не поздно. Все уходите, и поскорей!

Мария от неожиданности растерялась:

— Ой, да что вы такое говорите? А на кого же мы вас

оставим? Вы об этом подумали? — Помолчав немного, она добавила твердо, как о чем-то давно решенном: — Никто из нас отсюда не уйдет. Ни сегодня, ни завтра. Об этом не может быть и речи!

Да, ни одна из женщин не покинула в те тяжелые дни больницу. Спокойно, без суеты и нервозности, продолжали они ухаживать за ранеными.

Наступила короткая летняя ночь. Никто из нас, конечно, до самого рассвета не сомкнул глаз.

А утром на деревенской улочке, ведущей к больнице, послышался треск мотоциклов. Сомнений не оставалось: скоро гитлеровцы будут здесь.

Вот у крыльца громко взвизгнули тормоза, потом умолкли моторы. В наступившей тишине под окнами, распахнутыми настежь, отчетливо послышалась чужая речь.

— Гранату бы сейчас! — зло процедил сквозь зубы молоденький лейтенант, не сводя глаз с двери, ведущей во двор. — Одной бы хватило.

— Это немудрено. А о них ты подумал? — кивнув в сторону девушек и женщин, вставших так, чтобы загородить собою раненых, отозвался кто-то.

Звякнув щеколдой, медленно раскрылась дверь, и на пороге, держа оружие на изготовку, появились трое гитлеровцев: два офицера и солдат-автоматчик. Пристально оглядевшись по сторонам, они неторопливо двинулись вдоль коридора, у стен которого на тюфяках, набитых сеном, лежали раненые.

Мне приходилось видеть гитлеровцев и раньше, только с воздуха. Когда мы с бреющего полета обстреливали из пулеметов их колонны, фашисты в панике разбегались по придорожным рвам и кюветам и имели тогда неприглядный и жалкий вид.

Теперь же, самодовольные, вооруженные до зубов, они держали себя перед беспомощными людьми высокомерно и нагло, будучи убежденными в своем превосходстве и безнаказанности. Вот один из них, произнеся какую-то фразу, пнул сапогом тюфяк, на котором лежал боец. Другой, криво усмехнувшись, брезгливо поморщился и зажал пальцами нос.

— Издеваются, — с трудом сдерживая себя, прошептал лейтенант. — Но ничего: доведется — посчитаемся, все припомним!

Обойдя больницу, побывав в сараях и в саду, гитлеровцы уехали, почему-то не обшарив наши вещи. А ведь почти у каждого было оружие. Беспечность? Самоуверенность? Никто не мог понять, что это было. Но так или иначе, а никого из нас гитлеровцы не тронули. Правда, вскоре стало известно, что всех

раненых приказали вывезти в лагерь для военнопленных.

Приближался вечер. С наступлением сумерек деревушка, до этого притихшая, словно ожила. На крыльцо больницы торопливо поднимались женщины и старики, неся в руках наспех собранные узелки с едой.

— Нашим на дорогу, — передавая снедь санитаркам и сестрам, говорила одна из женщин. — Здесь хлеб, немного сала, бульба печеная — что в доме было.

Вскоре стемнело. Фашисты, как ни странно, не появлялись. После недолгих сборов во дворе больницы стали собираться раненые — все, кто мог хоть как-то держаться на ногах, кто надеялся и рассчитывал добраться до линии фронта. Маленькими группами по два-три человека, многие на самодельных костылях, уходили они на восток, в сторону Днепра, где гремели бои. Далеко за околицу провожали их в горестном молчании женщины.

— Удачи вам, родные, дороги счастливой, — со слезами на глазах вздыхали они.

— Спасибо за все! — отзывались бойцы. — Вернемся с победой! Ждите!

К ночи больница почти опустела. Всех тех, кто не мог идти на восток, увели к себе жительницы Пятевщины.

Скоро в моей палате появился Володя Беляков. С ним была незнакомая мне молодая женщина.

— Надя, — мягко улыбнувшись, представилась она. — Я вас знаю хорошо, Володя успел рассказать.

— Жена, — коротко пояснил мой тезка и сразу же перешел к главному: — Здесь оставаться больше ни минуты нельзя.

Так попал я в дом Беляковых. Они встретили меня как своего. Женщины сменили повязки на моих ранах, накормили меня, уложили спать.

— Все будет хорошо, сынок, — пожелав спокойной ночи, улыбнулась мне Надина мама. — Не волнуйся!

Оставшись один, я еще долго лежал, не смыкая в темноте глаз, не в силах уснуть. Лежал и видел любопытные глазенки двух маленьких девчушек, дочерей Надежды и Владимира. Что грозит им, если обнаружат меня фашисты здесь? Зря, конечно, зря согласился я с доводами Нади. Ведь это смертельный риск для всей ее семьи.

Володя, глубокой ночью ушедший из дома, появился на рассвете. Лицо его осунулось и посерело, глаза глубоко запали.

— Вот, — устало выдохнул он, протянув мне сложенный вдвое листок. — Читай.

Я развернул бумажку. Это была справка, удостоверявшая, что

я, Яковенко В. К., являюсь колхозником деревни Пятевщина.

— Так, понимаю...

— Ничего ты еще не понимаешь, — улыбнулся Владимир. — Слушай внимательно. Есть возможность поставить тебя на ноги. Но риск большой. Не студишь?

— Давай без вступлений, тезка.

— Поедешь в Минск. В больницу.

— Но ведь в Минске гитлеровцы.

— Да. Но в одной больнице остались свои, надежные люди. Они тебе помогут.

— Нет. Это плен, лагерь, конец. Спасибо за все тебе и Наде, но уж лучше я поползу на восток, к линии фронта!

— Не надо горячиться, — вступила в разговор Надежда. — Давайте выбирать лучшее из худшего. В Минске опасно, да. Это ясно как белый день. Но опять же если не будет вам медицинской помощи, то наверняка приключится антонов огонь. Ведь так?

— Допустим.

— До Минска можно добраться спокойно. Отвезет вас пожилая женщина, — объяснила Надя. — Не знаю, как дальше, но пока документы у гражданских почти не проверяют. Смотрят только, не стрижен ли, — военных ищут. А справка надежная, подвести не должна. Как только в городе рану подлечите, на ноги станете, так и махнете за линию фронта вместе с Володией моим.

Владимир подтвердил:

— Без тебя, браток, не уйду. Это точно.

Пыльный проселок вывел на обочину шоссе. Пожилая женщина, молча правившая до этого лошадь, неторопливо обернулась ко мне, ободряюще улыбнувшись, спросила:

— Справку-то не позабыл, сынок?

— Нет.

— А по-белорусски размаўляеш?

Я отрицательно покачал головой.

— Ладно. Придется за тебя объясняться. Значит, как договорились: ранило тебя на шоссе при бомбежке. Понял?

— Ясно.

Шоссе встретило нас грохотом танковых колонн. Сотрясая все вокруг, тяжелые бронированные машины с крестами на бортах медленно ползли навстречу, лязгая гусеницами.

К полудню добрались мы до окраин Минска. Страшная картина предстала перед глазами. Большая часть города была разрушена. Дымящиеся руины, группы пленных в сопровождении автоматчиков.

Вот и больница. У дверей ее, на асфальте, — сорванная вывеска: «Первая Советская».

Переговорив о чем-то в приемном покое с пожилой санитаркой, сопровождавшая меня женщина подошла вместе со мной к совсем еще юной медсестре в белом халате.

— Кира Каленик, — назвала девушка себя, а когда через минуту в дверях появился молодой человек со строгим, неулыбчивым лицом, добавила: — А это мой брат, хирург.

Внимательно оглядев меня, врач повернулся к моей попутнице:

— Он?

— Он, — кивнула та.

— Сделаем все, что можно, — сказал хирург.

— Поправляйся, сынок. Счастливо тебе! — прощаясь, обняла меня «землячка» из Пятевщины.

В палате, куда меня в тот же день поместили, свободной оказалась лишь одна койка. Там лежало шестеро парней примерно одного возраста и пожилой рабочий-металлист. Кем были все они, я мог лишь догадываться.

Хотя в городе хозяйничал враг, больница жила своей размеренной жизнью. Медперсонал, состоявший в основном из женщин, спокойно и уверенно делал свое дело. Суеты или нервозности не замечалось. Кира Каленик и ее подруги-медсестры едва ли не круглые сутки проводили в палатах и, выхаживая нас, казалось, забывали о себе, о времени.

День за днем тянулись недели. Очень хотелось скорее подняться на ноги и пробиться через линию фронта к своим. Рана медленно, но верно заживала. Но вскоре по больнице разнеслась тревожная весть: гитлеровцы собираются провести строжайшую проверку всех находящихся на излечении. Сомневаться не приходилось, что раненых красноармейцев и командиров ждала одна участь... Вечером в палате со свертком в руках появилась Кира.

— Завтра утром за тобой придут. Приготовься, — шепнула она и, положив пакет под мою кровать, добавила: — Здесь одежда — брюки и рубашка. Все свое оставишь в палате — пригодится другим.

На следующее утро у дверей больницы появились две молоденькие девушки, приветливо улыбнувшись, представились: Мария и Лида.

— Поживете пока у нас — в рабочем общежитии швейной фабрики, — заботливо поддерживая меня под руки, говорила дорогой Мария. — Вот только питаться придется кое-как. Мы на одной картошке перебиваемся.

Окраинными глухими улочками, подальше от глаз патрулей, выбрались мы часа через два на Малую Серебрянку — южнее

Минска. Здесь, в небольшом фабричном общежитии, в одной из пустующих комнат, мне предстояло провести недели две или три, пока не появится возможность уйти на восток, к линии фронта. Так объяснили мне девушки, помогая устроиться поудобней на широком матраце, аккуратно застеленном стареньким одеялом. Когда они ушли, в дверь комнаты кто-то постучал. Я отозвался, и на пороге, с кружкой и миской в руках появилась незнакомая мне женщина лет тридцати.

— День добрый, хлопчик, — улыбнулась. — Меня зовут Мария Петровна — соседка твоя. Будем знакомы! — Следом за ней вошел мужчина, годами постарше ее: — А вот и муж мой, Яков Егорович. Ивановские мы.

— А я из Пятевщины. Володей зовут.

Мои новые соседи, переглянувшись, разом улыбнулись:

— Говор твой малость не тот.

Поняв, что «конспирация» моя не удалась, я от души рассмеялся вместе с ними.

— Ну вот что, дружок, — перешла на серьезный тон Мария Петровна. — С завтрашнего дня, будь любезен, приходи обедать к нам. И чтоб без приглашений — запросто. А пока на вот, ешь. Для тебя нынче это первое дело! — Она протянула мне миску с горячей бульбой.

Так как нечто само собой разумеющееся, рабочая семья Ивановских приняла на себя заботы обо мне. А время-то трудное, голодное. Однако на другое же утро, заметив, видно, мое смущение, Мария Павловна успокоила:

— Ешь и не думай ни о чем. Здесь, в общежитии, в каждой семье по одному, а то и по двое таких, как ты. Так уж у нас водится, у рабочих Малой Серебрянки. Если надо, поделимся всем, что есть, выходим и укроем!

Судьба моя в ту пору не была исключением. Женщины спасали сотни и тысячи тяжело раненных бойцов и командиров Красной Армии, попавших в окружение.

Ранней осенью сорок первого из фашистского лагеря вырвался Михаил Петрович Ананьев, военный корреспондент «Комсомольской правды». Его, израненного, крайне истощенного и обессиленного, буквально на руках принесли на Малую Серебрянку работницы швейной фабрики Нина Любезная, Мария Лисакович, Нина Корякина и другие.

Борьба за жизнь Михаила шла очень долго. Целые ночи напролет дежурили у его постели, сменяя друг друга, мужественные девушки, раздобывали лекарства, бинты, пищу. И выходили, спасли от гибели человека. А через некоторое время, когда жизнь Ананьева была вне опасности, во главе с ним в

рабочем общежитии на Малой Серебрянке собралась группа единомышленников. Установив связь с одним из партизанских отрядов, они ушли к ним сражаться против оккупантов.

В конце августа в рабочем общежитии появился Владимир Беляков. Он сдержал слово, нашел меня, чтобы вместе идти за линию фронта, к Днепру. Рана моя к тому времени уже затянулась, а сам я достаточно окреп, чтобы выдержать многодневный, нелегкий путь на восток.

В дорогу меня собирали девушки. Выстирали напоследок рубашку, приготовили маленький узелок с едой. А перед самым уходом принесли добытые с огромным трудом гражданские документы.

Из Малой Серебрянки мы с Володей Беляковым направились на восток с расчетом выйти к фронту южнее Могилева. Шли день и ночь вдали от шоссеиных дорог — от деревни к деревне, глухими лесными тропами. До Днепра было уже рукой подать, когда в одной из деревень узнали мы, что линия фронта сместилась далеко на восток, а Могилев захвачен гитлеровцами. Я был в отчаянии: рана на ноге открылась, последние километры давались мне с огромным трудом.

Не найдя иного выхода, решили мы добираться до Бацевичей, небольшой деревушки в Кличевском районе Могилевской области. Там жила сестра Владимира — Мария Короткевич, на помощь которой, как я понял, можно было рассчитывать. И действительно, она нас приютила, помогла чем могла, а через несколько дней, поскольку в доме Короткевичей оставаться было небезопасно, меня отправили в Бобруйск, на окраине которого жили друзья Марии, вполне надежные, верные люди. Я мог у них прожить несколько дней и, подлечив ногу, двигаться на восток — к фронту.

Но не знал я тогда, что сбыться этому не суждено.

...Студеной, выжистой выдалась первая военная зима в Белоруссии. Снежное ненастье метелями да злыми ветрами кружилось над стылой землей, над деревнями и лесными чащобами дни и ночи напролет.

Февральской ночью, оставив за плечами не один десяток километров тяжелого пути, вошел наш отряд в большую белорусскую деревню Моисеевка. Перед нелегким боем, который предстояло нам вести завтра в районном центре Озаричи, здесь решили остановиться.

Едва зайдя на деревенской улице партизан, к плетням тут и там высыпали жители.

— Наши пришли! — слышались отовсюду радостные,

приветливые голоса.

— В хату, в хату заходите! — тянули бойцов за рукава женщины. — С мороза скорей отогреться!

Получив приказ располагаться ближе к окраине, я развел свой взвод по домам. Затем, установив два станковых пулемета на околице, откуда вероятнее всего мог появиться враг, направился к ближайшей хатке.

Радушная хозяйка, не теряя времени даром, развела на загнетке огонь, достала из погреба миску соленых помидоров, положила на стол кусок сала и несколько краях ржаного хлеба.

— Ешьте, родненькие! Ешьте на здоровье, — заботливо повторяла женщина, придвигая поближе внушительных размеров чугунок с дымящейся картошкой. — Когда еще доведется вам подкормиться?

Мы не заставили себя долго уговаривать.

Разлив по железным кружкам крутой кипяток и накинув на плечи платок, хозяйка на несколько минут вышла из горницы. Вскоре она вернулась, неся в руках огромную охапку сена. Переведя с мороза дух, улыбнулась:

— Положу я вас на полу. А ежели кто простуженный малость, так добро пожаловать на печь, там места для троих хватит!

Поблагодарив хозяйку и выставив на дворе охрану, мы улеглись.

Близилась полночь. Товарищи мои, должно быть, видели третий сон, мне же не спалось: тревожили мысли о завтрашнем бое. Не спала и хозяйка. Стараясь не шуметь, не разбудить гостей своих, она то и дело подходила к окну, занесенному наполовину снегом, пристально и подолгу всматривалась в ночную темень. Спустя полчаса женщина начала одеваться.

— Куда это вы на ночь глядя, мамаша? — спросил я.

— Не спится мне, сыночек, — отозвалась она негромко. — Не ровен час, фашист нагрянет... А ведь я за вас нынче в ответе! Так что пойду-ка я лучше к плетню покараулю. Боец-то ваш, должно быть, совсем притомился. — И хозяйка неторопливо вышла из хаты.

Проснулся я среди ночи от скрипа резко открываемой двери.

— Поднимай людей, командир, в деревне немцы! — крикнула хозяйка. Следом за ней влетел молодой боец, стоявший на посту:

— Вдоль деревни — колонна фашистов! На санях, с пулеметами. Конца не видно.

Сон словно рукой сняло. Разобрав оружие, партизаны были уже у окон. Напряженно вглядываясь во мрак зимней ночи, они ждали теперь моей команды.

Я не сразу, признаться, поверил своим глазам: во всю ширину

деревенской улицы двигалась от Паричей на саних огромная колонна гитлеровцев.

Обернувшись к товарищам, подал знак: без команды не стрелять! В сознании билась мысль: у нас силы слишком малы, вступать в бой сейчас — безрассудство. Но достаточно одного случайного выстрела — и вся деревня с сотнями мирных жителей, с детьми, женщинами и стариками потонет в огне.

Томительно, нескончаемо долго тянулись минуты. Молчали наши пулеметы. Спустя четверть часа последние сани с оккупантами, миновав нашу хату, скрылись в снежной пелене за околицей. Опасность была позади.

А утром мы сердечно благодарили женщин деревни, молодых и пожилых, за заботу о нас, партизанах.

Не раз и не два приходилось мне в военные годы искать приют в белорусских деревнях, на хуторах и в лесных сторожках. И всегда в любом доме, в любой хате были мне рады, всегда принимали как своего. Люди делились последним куском хлеба, последней миской похлебки, штопали и стирали гимнастерку и, хотя многим рисковали, всегда предлагали ночлег.

Так было повсюду. Нередко сожалею о том, что имена многих женщин и мужчин из партизанского тыла не сохранились в памяти.

Однажды ночью в декабре сорок второго наш отряд вошел в деревню Зубаревичи Глусского района. По заданию командования мы должны были завтра выступить на боевую засаду под Бобруйском. Не впервые уже нам предстояло выполнение такой задачи, но тем не менее каждый раз подготовка к очередной операции проводилась самым тщательным образом.

Так было и теперь. Сидя над картой в просторной крестьянской хате, куда пригласила нас на ночлег вместе с комиссаром отряда Володей Жлобичем гостеприимная хозяйка, я разрабатывал в подробностях маршрут предстоящего перехода, стараясь предусмотреть любые неожиданности и осложнения. Вопросов было много, и решать их приходилось оперативно, помня прежде всего о людях, жизнь которых тебе доверена.

В доме, куда мы с Володией попали тогда, была, по сути, одна вместительная комната. Но нам было уютно и хорошо, потому что удивительно радушно и добросердечно относилась к нам хозяйка Евдокия Трофимовна Ляпко. Она без усталости хлопотала, то стряпая у печи ужин, то проглаживая утюгом домотканые льняные простыни для наших постелей, то придвигая поближе, стараясь не мешать, крынку с холодным молоком. Когда же дед, которому, видно, хотелось потолковать с партизанскими командирами, начал осторожно покашливать, привлекая к себе

внимание, жена строго не него цыкнула: разве не видишь, мол, что люди делом заняты.

Потом, приглядевшись к моей гимнастерке, еще не старой, но кое-где местами порванной, Евдокия Трофимовна решилась завести разговор сама.

— Гляжу я, сыночек, гимнастерка у тебя видная, — сказала она. — Такие на ваших ребятах нечасто встретишь. Только малость поизносилась гимнастерка-то. Может, подлатать, подштопать?

— Спасибо, Евдокия Трофимовна, только ведь у вас своих хлопот хватает.

Женщина всплеснула руками:

— Да разве ж можно равнять мои хлопоты да дела с вашими? Каждый день, поди, смерти в глаза смотрите, да не раз.

Освободившись от портупей, я стащил с себя гимнастерку и сразу же сообразил, что делать это не следовало — нательного белья на мне, как и у большинства наших партизан, в то время не было.

Хозяйка всполошилась:

— Батюшки! Неужто ты так и ходишь: в гимнастерке, да на голое тело? Она же суконная, грубая...

— Не беда. Вот кончим войну, тогда обживемся.

— У моего старика про запас четыре пары добротного льняного белья отложено. Куда ему столько? — Евдокия Трофимовна поспешила к своему сундуку и, покопавшись в нем, тут же извлекла аккуратно сложенное стопкой чистое и отутюженное белье. — Вот... Одну пару надевай теперь же, а другую возьмишь с собой, на смену.

— Спасибо вам большое. Но не знаю, право, стоит ли?

Наблюдавший за этой сценой дед, лукаво улыбнулся с печи:

— Ты, командир, с моей бабой лучше и не спорь. Коли уж что решила, так тому и быть!

Спустя час, вновь оторвавшись от своих расчетов, решил еще раз обойти людей. Перед нелегким походом, предстоящим на завтра, хотелось поговорить с бойцами, узнать их настроение.

— Ну как там моя гимнастерка? — поинтересовался у хозяйки.

— Залатать-то я ее залатала, да уж больно грязна была. Так я решила постирать на скорую руку — сохнет теперь.

От этих слов меня, признаться, в жар бросило. Вот так положение: в трех километрах от деревни — крупный гитлеровский гарнизон. В любую минуту оттуда могли неожиданно нагрянуть фашисты, а командир отряда в одном нательном белье.

Все это я, стремясь говорить как можно спокойнее, растолковал хозяйке и тут же пожалел об этом: настолько взволновали, расстроили ее мои слова.

— Ну ничего, Евдокия Трофимовна, это ли беда! — успокоил я ее. — Коли что случится — в полушубке не замерзну, не впервой.

Вернулся я к полуночи. Но, к моему удивлению, хозяйка еще не спала. На столе, прикрытый белым рушником, стоял чугунок с горячей картошкой и старенький медный чайник. Принеся из погреба квашеной капусты и сдобрив ее льняным маслом, хозяйка присела напротив.

— Еда у нас, видишь сам, скромная. Теперь в каждом доме, почитай, так. Ну да выдюжим как-нибудь. Недолго осталось. Коли уж весь народ поднялся, так изверга с земли родной прогоним! А уж мы подсобим, чем только сможем.

Она поднялась и через минуту, аккуратно расправив, положила на табуретке мою гимнастерку, чистую и выглаженную, еще хранящую тепло ее женских рук.

Неделю спустя такой же морозной ночью наш отряд появился в другой деревне — Козловичах, неподалеку от железнодорожной станции Брожа. Расставив пулеметные расчеты на случай внезапной атаки, каждая рота заняла отведенные ей под ночлег дома. Усталые бойцы, свободные от дежурства, разошлись по теплым хатам, хорошо зная цену коротким минутам отдыха.

Разведчик Николай Дубинчик подыскал для нас с комиссаром просторный удобный дом.

— Господи! Кабы знать раньше, давно бы уж ужин состряпала! — заволновалась хозяйка, когда мы пришли, и начала растапливать печь.

За ужином мы разговорились.

— Муж с первого дня на фронте, — рассказывала женщина. — Хозяйство, стало быть, все на мне: и за мужика и за бабу работаю. Детишки малые в доме — они тоже присмотра требуют. Соседи, конечно, подсобляют, да только у них своих дел достаточно! Вас вот частенько встречаем, знаем ведь, что и покормить, и обогреть, и одежду подлатать да выстирать вам надо. Что ж тут поделаешь — война. Только бы знать: скоро ли наши вернутся?

— Фронт все ближе и ближе, — объяснил Жлобич. — Крепко бьет врага Красная Армия. Совсем недавно под Сталинградом окружили огромную гитлеровскую группировку во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Капитулировали. Боевой техники там захвачено, снаряжения и боеприпасов — не счесть! Словом,

здорово фашистам там досталось.

— Вот радость-то! Даже на душе полегчало. Завтра же обо всем соседкам расскажу.

Незаметно пролетела зимняя ночь. Сквозь маленькое оконце хаты, припорошенной снегом, робко забрезжил рассвет. Еще в полудреме я начал различать где-то поблизости резкий, въедливый запах дегтя. С трудом открыл глаза (поспать бы еще минут десять!), заметил перед собой голенища новеньких юфтовых сапог, обильно смазанных дегтем. Что за чудеса? Хорошо помню, что с вечера оставлял на этом месте свои — стоптанные, старенькие кирзачи.

Хозяйка обернулась от печи:

— Примерь-ка!

Приятно удивленный, натянул я сапоги. В самый рас! Голенища мягкие, ладные, аккуратные. Красота!

— Впору! — обрадовалась хозяйка. — От мужа остались. Носи, командир, не жалеи!

— Не знаю, как и благодарить вас, хозяйюшка. Всем хороши сапоги — и добротны и прочны. Только боюсь, придется мне от них отказаться.

— А что так?

— Нога у меня ранена левая. Еще в сорок первом. В кирзачах это незаметно, голенище там твердое — стопу держит. А эти, яловые, уж больно мягкие — хромать сильно буду.

— Смотри, как тебе лучше, — не мне их носить. А может, еще кому сгодятся?

Сгодились, конечно.

Белое... Тихая белорусская деревушка, раскинувшаяся хатками неподалеку от Брестского шоссе под Осиповичами. В середине января сорок третьего за связь с партизанами ее сожгли дотла. Сожгли вместе со всеми жителями, включая женщин, стариков и детей.

Спасти из огня удалось немногим.

Мне не забыть радушия и гостеприимства, с которым встречала нас всегда эта деревня. Жилось в ней селянам, как и повсюду тогда, нелегко, голодно, но я не припомню случая, чтобы хоть раз отказали нам там в куске хлеба, не обогрели и не оставили на ночлег.

Особенно памятна мне семья лесника, жившая в небольшом уютном домике чуть на отшибе. И сама хозяйка Анна Евменовна Пархимчик, и ее дочери Маня и Оля, завидя партизан еще издалека, всегда выбегали навстречу, позабыв о своих делах.

Добрая слава ходила среди партизан об Анне Евменовне. Много больных, сильно простуженных она исцелила! Малиновый

чай, настой целебных трав да ласковые руки женщины делали чудеса. Знали мы и о том, что немало раненых бойцов и командиров отступавшей в сорок первом году здесь Красной Армии подобрала Анна Евменовна в лесу, спасла их от смерти, выходила, а потом, чередуясь со старшей дочерью, провожала воинов одной ей известными лесными тропами на восток, в сторону отходящего фронта.

Знали, видно, об этом и фашисты.

Морозным утром тринадцатого января, когда ничто, казалось, не предвещало беды, деревушка была окружена плотным кольцом карателей. На единственную улицу ее, глухо урча моторами, ворвались на полном ходу вездеходы с крестами на бортах. Резкие слова команд на чужом языке, автоматные очереди разорвали тишину над мирными хатами.

Разбив прикладами дверь, в домик лесника вломились несколько гитлеровцев. Угрожающе поведя дулом пистолета, офицер знаками приказал Анне Евменовне одеваться.

— Поведешь в соседнюю деревню! — распорядился он.

Что было делать?

— Шнель, шнель!

По деревенской улочке, подгоняемые ударами автоматных прикладов, молча бежали, спотыкаясь и падая, ее односельчане, полураздетые, дрожащие от холода и страха. Куда, зачем их ведут?

— Будет собрание, — коверкая слова, криво усмехнулся офицер, идущий рядом.

Вскоре деревня скрылась из виду. До Сторонки, куда направлялся карательный отряд, оставалось всего несколько километров.

Тем временем в Белом оставшиеся там каратели, обходя хату за хатой, сгоняли к колхозному сараю остальных жителей деревни, всех до единого.

Толпа быстро росла. Под студеным январским ветром с ужасом смотрели женщины, дети и старики на стоявших поодаль гитлеровских автоматчиков.

Отобрав по приказу офицера, руководившего операцией, несколько девушек, что помоложе, солдаты отвели их в сторону, к невысокому дощатому забору. Еще раньше туда же был согнан весь найденный в деревне скот. Обыскав в последний раз каждый дом, каждую постройку, фашисты принялись грузить на санные повозки и автомашины зерно, картофель, домашнюю утварь, одежду.

Затем вступили в дело факельщики.

По сигналу старшего они медленно двинулись вдоль

деревенской улочки, поджигая все: соломенные крыши хат, сараи, поленницы дров, стожки сена во дворах, плетни.

Белое запылало...

Страшный черед дошел и до людей. Резко прозвучали слова команды — и казнь, изуверская, жестокая, началась.

Выхватывая из толпы обезумевших от ужаса селян, малых детей, женщин и немощных стариков, каратели факелами обжигали лица людей огнем и тут же прошивали их насквозь автоматными очередями. Попытавшихся бежать тоже догоняли пули. Вскоре все было кончено.

Тела людей с опаленными, изуродованными лицами, с горящей на них одеждой, нередко еще полуживых, гитлеровцы хладнокровно перетаскивали в сарай, а затем, облив стены бензином из канистр, подожгли.

Не было больше Белого. С лица белорусской земли стерто еще одно мирное село! Которое по счету?

Под рухнувшей кровлей колхозного сарая остались погребенными Анна Золотаревич с тремя малолетними сыновьями, Софья Горбель с сыном, Фекла Шардыко с тремя детьми, старушка Акулина Пархимчик, Евдокия Пархимчик с дочерью и сыном, трое детей Федора Шардыко и он сам, Антонина Горбель с девятимесячным сыном и многие, многие другие.

В Екатерину Степановну Золотаревич стреляли из винтовки. Окровавленная, она упала возле сарая на почерневший от гари снег. Сочтя женщину мертвой, фашисты бросили на ее тело охапку тлеющей соломы.

Однако она была еще жива. С трудом придя в себя и превозмогая боль, чудом оставаясь незамеченной в суматохе бойни, поползла за сарай, прочь от страшного места. С огромными усилиями добралась она до заснеженного поля на околице и там, перед тем как потерять сознание, покатилась в густой кустарник, пытаясь сбить с себя огонь. Только это и спасло ей жизнь.

Тем временем карательный отряд, направлявшийся в Сторонку, достиг наконец своей цели. Маленькой деревушке была уготовлена та же тяжелая участь, какая постигла и Белое. Несущие смерть автоматные очереди, стена огня, дымящееся пепелище...

Едва завидя первые строения деревни, гитлеровцы потеряли к лесничихе всякий интерес: им предстояла новая кровавая акция. Анна Евменовна побежала что было сил в родную деревню. Когда спустя полчаса она была там, Белое уже догорало. На околице Анна Евменовна наткнулась на израненную и обожженную

соседку Екатерину Золотаревич, приподняла ее, и та, открыв на минуту глаза, указала на пылающий вдали сарай:

— Там... твои Оля и Маня! И другие тоже.

Не помня себя от горя, Анна Евменовна побежала к сараю. Но было уже поздно.

Потрясенная женщина вспомнила, что в доме, стоявшем на отшибе, могла остаться внучка Инночка. И вновь побежала.

Да, ее дом уцелел один во всем Белом. Цепляясь руками за перила, Анна Евменовна медленно поднялась на крыльцо, дрожащим голосом позвала:

— Инночка!.. Внучка!

Никто не откликнулся.

А когда она отворила дверь и вошла в хату, ноги ее подкосились: на дощатом полу насквозь проколотое солдатским штыком лежало окровавленное детское тельце.

Да, чудовищны были злодеяния, творимые фашистскими палачами на земле белорусской. Однако, несмотря на жесточайшие репрессии, на массовый кровавый террор, сломить гордый дух и волю народа, поставить его на колени и поработить врагу так и не удалось. Партизанский тыл, терпя неисчислимые беды и страдания, продолжал жить и бороться.

В начале сентября 1943 года Минский подпольный областной комитет партии поручил нашему отряду прикрыть от карателей несколько деревень в Глусском районе.

Ранним осенним утром отряд, имея на вооружении около тридцати пулеметов, автоматы, винтовки и пять ротных минометов, вошел в деревню Стрижи. Заняв отведенные участки обороны вокруг села, мы приступили к рытью траншей. На помощь вышла вся деревня. До наступления темноты кипела, спорилась работа. К ночи все было готово: линия траншей полного профиля вкруговую опоясывала Стрижи.

А на рассвете близ деревни, в лесочке, завязался бой. Губительным огнем шести пулеметов при поддержке минометов встретило батальоны врага наше передовое подразделение. Тотчас же, изготовившись к схватке, полосу обороны на окраинах деревни заняли бойцы находившихся здесь рот.

Но до деревни бой так и не докатился. Настолько ошеломляющим и мощным оказался удар партизанских подразделений в предполье, что вскоре гитлеровцам пришлось поспешно отступать, оставив на месте боя десятки трупов своих вояк. Преследование врага велось еще долго, почти до самой деревни Барбарово, превращенной фашистами в свой опорный пункт.

Справедливое возмездие постигло в тот день оккупантов.

Крупная группировка карателей во главе со смертельно раненным полковником, вывезенным позже на военно-транспортном самолете в Бобруйск, была разгромлена наголову.

На другой день вместе с комиссаром отряда Владимиром Жлобичем и разведчиком Николаем Дешевым выехал я из Стрижей в соседнюю деревню Славковичи, направляясь в сторону партизанского аэродрома. Выехали верхами: путь предстоял неблизкий — более полусотни километров по оккупированной земле. Вернуться рассчитывали в тот же день к вечеру.

На окрестных полях полным ходом продолжались уборочные работы. Сотни женщин, девушек и детишек трудились на своих участках. Немало среди них было и партизан. С автоматами за плечами, они были готовы в любой момент защитить безоружных людей.

Въехав на рысях в Славковичи, мы остановились у ближайшего колодца: осенний день выдался на редкость жарким, солнце припекало совсем по-летнему. Завидев нас, из стоящего невдалеке дома вышла пожилая женщина с ведром и кружкой в руках. Подошли и соседки ее в сопровождении вездесущих ребятишек.

— Доброго здоровья, сыночки! Издалека путь держите?

— От Стрижей.

Усталые лица женщин просветлели.

— Вот оно что! Стало быть, вчерашний бой в лесу — ваших рук дело?

— Выходит, так.

— Ну, спасибо. От всей деревни нашей спасибо! Крепко там, слышали, фашисту досталось.

Разговор наш постепенно перешел на дела и заботы крестьянские. И вот тут-то начал я замечать нечто странное. Как-то по-особому, с пристальным вниманием присматриваются женщины к нашим лошадям, переглядываясь время от времени меж собой.

— Вы, хлопчики, часом, не разведчики? — спросила наконец одна из них, что постарше.

— Нет. А что?

— Как что? — удивилась она. — Неужто не слышали приказа по нашей партизанской бригаде: всех лошадей до единой, кроме тех, что у разведчиков, передать на время уборки в деревни. За дела ваши военные от чистого сердца спасибо, а коль не из разведки вы, то с конями денька на три придется расстаться...

В первый момент мы, признаться, даже опешили. Но потом нашелся Николай:

— Так тот приказ по вашей бригаде действует. А мы ведь из

другой!

— Что ж из того? — не сдавалась женщина. — Советская власть, ребятки, в нашем краю одна.

— Бульбочку-то, родненькие, мы же для вас выращивали, — добавила другая.

Женщины были правы, они радели за народное добро, за наш хлеб, выращенный долгим и тяжелым трудом. Однако и нас надо было понять: назначенная в тот день встреча на партизанском аэродроме могла сорваться. А от нее зависело многое. О том и поведали мы без утайки женщинам, твердо пообещав, что назавтра добрый десяток лошадей из отряда будет в их распоряжении на целую неделю.

Слово свое мы, конечно же, сдержали.

А спустя несколько дней по распоряжению обкома партии довелось мне выехать вместе с командиром 99-й бригады Андреем Тихоновичем Чайковским в штаб соединения партизанских отрядов Минской области. В то время он располагался на территории Любанского района в лесу неподалеку от реки Оресса. Там же находился и подпольный обком партии.

Выехали мы с Андреем Тихоновичем ранним утром в сопровождении двух конников-автоматчиков. За несколько часов предстояло преодолеть несколько десятков километров по проселкам и полям, минуя немало деревень, хуторков и поселков.

Проезжали по одной из самых крупных партизанских зон Белоруссии. Во многих деревнях почти от самой Березины с востока и немного не доходя до Припяти на юге, западнее железной дороги Барановичи — Лунинец, в обширном междуречье действовала восстановленная партизанами Советская власть. Эта зона в глубоком вражеском тылу простиралась на территории Минской, Полесской, Пинской, Могилевской и Барановичской областей. И в каждой деревне, поселке располагались партизанские комендатуры, дозорные, посты, пункты самообороны, действовали Советы. Во многих местах были восстановлены колхозы.

Давно уже забытая тишина без пулеметной трескотни и артиллерийской канонады, спокойные рощи и перелески, залитые солнечным светом, — все это радовало взгляд, поднимало настроение. С каждым часом мы продвигались все дальше и дальше в глубь огромной территории, охваченной со всех сторон партизанской линией фронта, протянувшейся тут и там на многие сотни километров.

Подъезжая к деревушке Живунь, еще издали заметили парный пост партизанской комендатуры. Ребята, видимо знавшие

Чайковского в лицо, подтянулись и, став по стойке «смирно», дружно приветствовали нас:

— Здравствуйте, товарищи командиры!

С крыльца ближней хаты, внимательно приглядываясь к нам, бросилась с радостной улыбкой навстречу женщина преклонных лет:

— Гей, кого я бачу! Андрей! Заходи в хату и друзей своих зови. Зараз вас горячей бульбочкой угощу с грибками!

— Спасибо, — улыбнулся в ответ Чайковский. — С большой бы радостью, но пробачьте — недосуг. Позавтракаем вместе в другой раз. Как жите-бытие ваше и здоровы ли?

— Какое уж тут здоровье, милый! Живем в тревогах да заботах каждый час, — погрустнела женщина. — Нехай вас всех вражья пуля минует. Тихо хоть у нас теперь, скоро год, как по лесам прятаться перестали. Трудимся спокойно от зари до зари на земле нашей, чтоб и себя прокормить и вам помочь. Ничего для вас не пожалею, последнее отдадим, только бы власть нашу Советскую скорей вернуть, супостата навсегда прогнать...

Женщина, крепко держась за стремя коня, на котором ехал Чайковский, проводила нас через всю деревню. То и дело тут и там приходилось останавливаться: крестьяне дружелюбно и тепло приветствовали нас, наперебой приглашали в гости.

Навсегда запечатлелось в моей памяти виденное спустя лишь несколько месяцев в дотла сожженной гитлеровцами деревне Хоростов Ленинского района бывшей Пинской области. Подразделения нашей бригады оказались здесь не случайно: в окрестных лесах предстояло нам дожидаться и принять сброшенные с самолетов оружие, боеприпасы, снаряжение. Нехватка их в те дни, после тяжелых изнурительных боев, сказывалась с особенной остротой.

Ждать, однако, пришлось долго. Миновали сутки, другие, а самолетов все не было. Случись такое летом да будь цела деревня — причин для беспокойства не возникло бы. Но стоял декабрь, вьюжистый, с лютым морозом под тридцать, со злыми метелями. Жилье же все вокруг было дотла спалено — немногие из уцелевших ютились кое-как в наспех вырытых землянках.

Туго пришлось бы нашим бойцам, не приди им на помощь местные женщины. Буквально за час развели они промерзших, закованных на морозе людей по своим и без того тесным лачугам.

В одной из таких землянок вместе с другими бойцами довелось жить и мне. Провели мы там всего несколько дней, однако забыть картины страшной нищеты, царившей в любой из

них, я не могу до сих пор.

Одетые в лохмотья, полуголодные, женщины и дети не первый уже месяц ютились на голых нарах, на лежалых тюфяках из прелой соломы. Редко где можно было встретить что-нибудь из домашней утвари, будь то обгорелая дюралевая миска или пара кружек из жести. Питались все мороженой картошкой да ржаными лепешками из скудных запасов уцелевшей муки. Но, несмотря на лишения и горе, люди эти сумели сохранить в себе удивительную доброту и душевное тепло.

В одной из землянок, помнится, день и ночь строчила ручная швейная машинка. На грубо сколоченных нарах возле старушки, сидевшей за шитьем, высилась стопка байковых одеял, собранных, должно быть, со всей округи. Рядом лежали аккуратно сложенные сшитые из одеял теплые куртки и брюки.

— Для кого шьете, мамаша? — спросил я.

Оторвавшись на минуту от работы своей, она устало улыбнулась:

— Для вас шью, для кого ж еще! Вишь, со всей деревни снесли материал, все, что только осталось. Разве для партизан пожалеет кто? — И она снова склонилась над машинкой.

С особенной теплотой вспоминается мне теперь поистине удивительная, трогательная забота наших женщин о раненых бойцах. Немало товарищей моих спасли от смерти, поставили на ноги и вернули они в строй, добрые, отзывчивые, готовые прийти на помощь в любую минуту.

Партизан Владимир Дубинчик был тяжело ранен во время воздушного налета гитлеровских бомбардировщиков на деревню Зубаревичи, что под Глуском. Ранение оказалось настолько серьезным, что везти в отряд бойца мы не рискнули. Шансов на его спасение оставалось немного.

На помощь в тот же день пришла пожилая женщина из деревушки Малые Горядичи. Она с дочерью в течение двух месяцев не отходили от раненого ни на минуту, дежурили у его постели по ночам и в конце концов вернули Владимиру здоровье.

А спустя полгода в одном из боев под Осиповичами молодой партизан был тяжело ранен вторично. И еще раз в беде своей довелось испытать ему тепло и ласку женских рук, заботу и нежность белорусских тружениц. В лесном шалаше неподалеку от деревни Сторонка, сожженной дотла фашистами, пролежал Володя Дубинчик долго. Шутка ли сказать: насквозь прострелено легкое! И лишь благодаря неустанным заботам местных девушек, и особенно Эмилии Галеневской, снова поднялся он на ноги, вернулся в строй отряда.

Не в силах погасить пламя народной борьбы, сломить волю и дух советских людей, враг повсеместно прибегал к варварству и неслыханному изуверству. Весной сорок четвертого, всего за несколько месяцев до окончательного освобождения Белоруссии от захватчиков, гитлеровцы заразили тифом почти весь район, прилегающий к железной дороге Барановичи — Лунинец. Именно здесь активно действовали диверсионные группы партизан, нанося внезапные и мощные удары по вражеским эшелонам с боевой техникой и живой силой. Против них и нашего партизанского тыла, тысяч мирных жителей была направлена садистская акция фашистов.

9 апреля 1944 года группа бойцов в составе И. В. Аникушкина, П. И. Боярко, И. И. Лопатко и других во главе с Николаем Семенчуком вышла на задание к железной дороге неподалеку от станции Лунинец. Дождавшись прохождения крупного воинского эшелона, идущего на фронт, партизаны с короткой дистанции расстреляли паровоз из противотанкового ружья, одновременно открыв плотный пулеметный огонь по вагонам. Завязалась жаркая схватка.

Когда в бой вступили подразделения охранников из ближайших дзотов, партизаны отошли. Боевая задача была выполнена.

И вот тут-то на пути к деревушке Плотницы, возле которой в лесном шалаше останавливалась группа Николая Семенчука, почувствовали ребята неладное. С каждой минутой идти становилось все труднее и труднее, тела наливались свинцом, привычная ноша стала вдруг непосильной. Шаг за шагом силы покидали партизан. Это был тиф.

Лишь к вечеру удалось бойцам добрести до стоянки. Последние километры дались им особенно тяжело. Но и теперь, когда партизаны добрались с огромным трудом до лесного шалаша, им грозила страшная беда: ведь никому из отряда и местных жителей о расположении базы известно не было. Идти же к жилью ни у кого не было сил.

Почти трое суток пролежали бойцы в шалаше, обессиленные, по существу, обреченные. А в это время фашистские войска прочесывали лесные массивы в поисках тех, кто громил их железнодорожные эшелоны.

Ясно, что могла произойти трагедия. Но буквально на следующий день после операции на «железке» девушки из Плотниц забили тревогу: партизанская группа, нередко бывавшая до этого в деревне, словно сквозь землю провалилась!

Окрестные леса девчата знали хорошо: здесь прошло их детство. Но тем не менее поиски продолжались долго — едва ли

не двое суток. По колено в стылой весенней воде, по болотам, по бурелому бродили они тут и там, надеясь выйти к убежищу. Уже в сумерки заметили они в чаще леса замаскированный, тщательно укрытый ветвями шалаш. Еще издали окликнули:

— Ребята! Есть тут кто живой?

В ответ — ни звука.

А когда девушки заглянули внутрь, то поняли, что не напрасны были их тревоги и долгие поиски. Без сознания лежали один возле другого бойцы Николая Семенчука. Осунувшиеся, восковые лица, покрытые испариной, безвольные позы. Все бредили. Тиф! В окрестных деревнях, да и в самих Плотницах, случаи заболевания уже были. Медлить было нельзя ни минуты.

— Что есть духу летите в деревню! — наказала подругам Шура Храневская, бойкая, смекалистая девушка. — Повозки достаньте да расспросите наших про партизан: где лагерем стали? Уж больно место тут ненадежное — «железка» рядом.

Сама же она с двумя девушками постарше осталась возле ребят, развела костер пожарче, сбегала к ручью за водой.

Вскоре пришли повозки. Девчата привезли кое-что из продуктов, одеяла, одежду. Ночевать им предстояло здесь же, возле лесного шалаша.

А наутро, едва рассвело, тронулись они в путь, в Телеханский район, где базировались отряды бригады. В повозках, тепло укутанные одеялами, забывшись тяжелым сном, лежали Николай Семенчук и его боевые друзья. Здесь же под руками у девушек находилось и оружие партизан: ведь путь предстоял неблизкий и опасный, окрестные леса в те дни были наводнены прифронтовыми частями гитлеровцев.

И лишь несколько дней спустя, удачно избежав столкновения с фашистами, девушки добрались до расположения нашей бригады. Партизаны были спасены.

До сегодняшнего дня я тепло вспоминаю Гелену Адамовну Беднарчик, хозяйку небольшого хуторка, что неподалеку от районного центра Логишин, что под Пинском. В доме ее, неброском с виду, партизаны нашей бригады находили приют ночью и днем, в январскую стужу и в осенние дожди. Их ждали здесь неизменно радушие и добро, внимательность и забота.

В суровый для всех нас час проводила Гелена Адамовна старшего сына в партизаны. Тревожно было на сердце у матери: что ждет Юзека впереди? Однако наказ ее перед разлукой был тверд:

— Ступай, сынок! Пришел и твой черед.

Случилось так, что судьба свела меня с Геленой Беднарчик

лишь в феврале сорок четвертого, всего за несколько месяцев до освобождения белорусской земли от врага. С группой конников нашей бригады объезжал я тогда селения возле Логишина, к северу от железной дороги Брест — Гомель. Места эти считались уже прифронтовой полосой и были забиты до предела регулярными подразделениями гитлеровской армии. Враг готовился к новым боям.

Зимний день выдался на редкость ярким, безоблачным. Ласково пригревало солнце. По всему чувствовалось: весна не за горами.

Вот и Твардовка, небольшая деревня в семи-восьми километрах от Логишина. Завидя нас еще издалека, на улицу дружно высыпала детвора, а за ней — и взрослые. Теплые слова, приветствия тут же слышались со всех сторон.

— Доброго здоровья вам, хлопцы!

— В хату бы зашли, отведать бульбочки горячей, — едва ли не на каждом шагу предлагали партизанам женщины.

— Товарищ комбриг! — раздался рядом со мной задорный молодой голос.

Обернувшись, я встретился взглядом с Юзеком Беднарчиком, разведчиком отряда имени Ворошилова. По душе мне был этот парень, открытый, честный, смелый. Сдерживая горячего коня, хлопец весело предложил:

— Тут неподалеку, за деревней, живет моя семья. Видите хуторок на другом берегу канала? Может, завернем ненадолго? То-то мать обрадуется!

— Днем, на виду у всех?

— Так не впервой же, товарищ командир, — широко улыбнулся разведчик. — Каждый раз, когда в местах этих бывать случается, обязательно заезжаем. Мама говорит, что для партизан дорога в наш дом открыта всегда.

— Ну что ж, пусть будет по-твоему. Едем!

Оставив позади Твардовку, мы повернули коней к Огинскому каналу. Дощатый настил шлюза вывел тропинкой к небольшому хутору. Здесь и жила семья Беднарчиков.

На хуторе нас уже ждали. Кучка малышей и ребята постарше переговаривались между собой во дворе. А с крыльца спускалась навстречу нам средних лет женщина в простой крестьянской одежде.

— Приглашай гостей в дом, сынок, — еще издали крикнула она.

Спешившись и привязав к забору коней, партизаны тепло поздоровались с женщиной. Нетрудно было понять, что в доме ее они частые и желанные гости.

— День добрый, день добрый, — повторяла радушная хозяйка, протягивая бойцам руки. — Живые, невредимые. — Она обняла Юзека: — Боец ты мой дорогой! Здоров ли, не ранен?

— Все хорошо, мама. Не тревожься. Вот познакомься — командир нашей бригады...

— Гелена Адамовна, — назвалась хозяйка с заметным польским акцентом. — А это младшие — Стасик, Броня, Казимир, Еленка, Мария, Владимир. Вот их у меня сколько — семеро. Вы ведь в дороге устали, проголодались. Заходите скорее в хату!

Подозвав взглядом восемнадцатилетнего Стасика и Брониславу, удивительно похожую на мать, хозяйка наказала:

— А вы, ребята, на пост! Если что, сами знаете, как поступить.

В доме, чисто прибранном, царил порядок. Лишь на полу горницы лежало несколько охапок сена.

— Ваши ночевали, — пояснила женщина. — Спать вот только на полу приходится. А места всем хватает. И вас, хлопцы, здесь же положу, коли на ночлег останетесь.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Но нам сегодня же надо быть в бригаде. А вот сын до утра пусть останется. Нечасто ведь видите?

— Ничего не поделаешь, — вздохнула хозяйка. — Время теперь уж такое, трудное.

— Туго приходится?

— Да как всем нынче.

— А тут еще наши хлопцы забот прибавляют. Надо будет предупредить ребят, чтобы не злоупотребляли гостеприимством.

Гелена Адамовна решительно запротестовала:

— Что вы, товарищ командир! Да разве можно это? Куда ж деваться хлопцам?! Как подумаю, сколько лиха им выносить приходится, сердце кровью обливается.

Нелегкая доля выпала этой женщине. Немало горя и тягот пришлось ей испытать в недавнем прошлом. В годы буржуазного владычества в западных районах Белоруссии муж Гелены Адамовны Петр Беднарчик служил лесничим у помещика Олевинского. Жили в нужде: семья-то большая — едва ли не десять душ.

Так уж повелось веками, что помещики считали правом своим отбирать у крестьян земли и сенокосы окрест, самовольно присваивать их. Помещик Олевинский не был исключением в этом роде. В середине двадцатых годов бедняцкие наделы белорусов из деревень Бояры, Оснежицы и других отошли к пану. Пять лет тянулся, почти без шансов на успех, судебный процесс в Пинске. Немного нашлось смельчаков, чтобы выступить

свидетелями против всесильного помещика. Среди них был лесничий — поляк Петр Беднарчик. Процесс крестьяне все-таки выиграли. Однако для мужа Гелены Адамовны выступление в суде не прошло без следа. Через несколько дней помещик выгнал семью Беднарчика из дому.

— Это тебе, поляку, — кричал он, — за то, что защищал белорусских мужиков.

Работы Беднарчика тоже лишил. Долгое время скитались они по Западной Белоруссии в тщетных поисках пристанища, пока один из легионеров армии Пилсудского не дал им в аренду клочок земли — сплошные пески. Условия аренды были кабальными: две трети урожая приходилось отдавать хозяину. Но и тому Беднарчики были рады. Над головой их теперь появился кров, пусть даже убогий, жалкий.

И только с приходом Советской власти обрела семья поляков покой и счастье: земля перешла наконец в руки крестьян. Беднарчики обзавелись хозяйством, начали строиться. А вскоре Петра Иосифовича односельчане избрали председателем сельского Совета.

Жить бы им под мирным небом.

Осенью сорок первого на хуторе поляков появились партизаны. Их было четверо, голодных, усталых, промокших под дождем. Послав младших к лесу покараулить, Гелена Адамовна накормила бойцов, а когда те отдохнули и собрались в путь, наказала Юзеку:

— Побыстрее одевайся и проводи ребят до Тышкевичей — наши места им незнакомы.

Стремясь быть полезной партизанам во всем, Гелена Беднарчик нередко вела для отряда разведку в Логишине, собирая важную информацию о гитлеровском гарнизоне. А когда появление матери в райцентре стало вызывать подозрение у оккупантов, на смену ей пришла дочь Бронислава. Используя любую возможность, отважная девушка бывала в городе едва ли не каждую неделю.

Проходилось Брониславе выполнять и другие поручения матери. В любое время суток готова она была предупредить партизан о приближении врага, переправить им разведданные, продукты, медикаменты. Условным местом встречи для этого служил густо поросший кустарником и деревьями островок недалеко от Огинского канала.

Зимой 1942/43 года Гелену Адамовну постигло горе: Петр Иосифович, вынужденный отбывать повинность на заготовке дров, от непосильного труда тяжело заболел и вскоре умер. Многодетная семья осталась без кормильца.

А меньше чем через год новое горе обрушилось на плечи партизанской матери. В Твардовке гитлеровцами была беспричинно убита двенадцатилетняя Еленка: пьяные головорезы, тренируясь в стрельбе, избрали ребенка своей мишенью.

В конце марта сорок четвертого группа разведчиков отряда имени Ворошилова остановилась на короткий отдых в Твардовке. Дело было днем, и бойцы не решились побеспокоить Гелену Адамовну, оберегая ее от беды, от лишних подозрений. Тем более что женщина не успела еще вполне оправиться от тяжелого горя.

Однако на хуторе Беднарчиков каким-то образом стало известно о приходе в деревню партизан, и Гелена Адамовна послала в сторону Логишина свой «семейный дозор».

Предусмотрительность ее оказалась ненапрасной. Буквально через полчаса дети вернулись с тревожным известием: от райцентра в сторону Твардовки движется крупная колонна вражеских войск. Еще немного — и будет поздно: партизанам придется принять неравный бой.

Ни минуты не медля, Гелена Адамовна приказала Станиславу, Броне и Казiku разными дорогами что есть духу бежать в деревню и предупредить разведчиков о подходе врага.

Ребята успели. В последний момент партизаны покинули Твардовку и полем отошли в сторону соседней деревушки Ольшанка.

Гитлеровцы с дальней дистанции открыли огонь, а затем бросились в погоню. На окраине Твардовки солдаты по приказу офицера схватили заложником юношу лет восемнадцати и под дулами автоматов погнали его впереди цепи. Этим заложником оказался сын Гелены Адамовны Станислав.

Вскоре после того как перестрелка смолкла, на хуторе появились Бронислава и Казик. О том, что случилось с братьями, они не знали. И только к вечеру вернулся обессиленный Станислав. Перед самой Ольшанкой ему удалось убежать от фашистов.

А на другой день по Твардовке разнесся слух, будто бы во вчерашнем бою все партизаны были перебиты.

Не помня себя от горя, пошла Гелена Адамовна по окрестным лесам, деревням, хуторам. Она искала тела погибших. И хотя жители ее утешали: партизаны не имели потерь — мать была в смятении несколько дней.

До тех пор пока на хуторе совершенно неожиданно не появился Юзек, живой и невредимый, ни слова единого не проронила измученная женщина. А увидела сына, лишь крепко прижалась к его груди и долго стояла так, будто в оцепенении.

Февральским днем сорок четвертого в Твардовку из

окрестных деревень Поречье и Ольшанка гитлеровцы согнали крупное стадо награбленного у населения скота. Как удалось выяснить, оно предназначалось для отправки на фронт. Узнав об этом от односельчан, Гелена Адамовна, которую дела в тот день привели в Твардовку, поспешила к себе на хутор. Здесь с утра находилась группа партизан, возвращавшихся в отряд после очередного задания.

— Подмога ваша нужна, сыночки — взволнованно сказала женщина. — Неужто отдадим фашисту добро наше?

— Конечно, мама, ты права, — отозвался за друзей Юзек. — Считай, что дело свое ты уже сделала. Остальное — за нами.

Быстро собравшись, партизаны покинули хутор. Их путь лежал в сторону райцентра Логишин. Именно сюда, по всем расчетам, и должны были гнать награбленное стадо фашистские мародеры.

Отойдя от хутора Беднарчиков километра на полтора, бойцы устроили засаду. Ждать пришлось недолго. Шли гитлеровцы не таясь, открыто, убежденные, видимо, в том, что здесь, неподалеку от города, им ничто уже не грозит. И глубоко в том просчитались. Партизанский залп, неожиданный, дружный и прицельный, гулко прокатился эхом окрест. Несколько расчетливых автоматных очередей (не причинить бы вреда коровам) — и все было кончено. Часа через два, раздав крестьянам отбитую у оккупантов скотину, вернулся Юзек с друзьями под родной кров. У хутора еще издали заметили они одинокую фигуру женщины. То была Гелена Беднарчик.

А вскоре по совету Гелены Беднарчик разведчики из отряда имени Ворошилова провели еще одну смелую операцию. Под покровом ночи бойцы, возглавляемые командиром отрядной разведки Андреем Шишловым, вырезали телефонную связь между Пинском и Логишином на протяжении доброго десятка километров. Несколько дней потребовалось оккупантам, чтобы восстановить ее.

— Ну что, напилили дровишек? — лукаво улыбнулась Гелена Адамовна, встречая на рассвете партизан.

— А то как же? — со смехом подхватили шутку бойцы. — До конца зимы на всю Твардовку хватит!

Несколько дней спустя разведгруппа Андрея Шишлова снова оказалась на хуторе Беднарчиков. Усталость после нелегкого похода брала свое: наскоро поужинав и выставив на дворе пост, бойцы улеглись спать. Вскоре в доме наступила тишина.

Стараясь не потревожить ребят, Гелена Адамовна убрала со стола и, потеплее одевшись, вышла на улицу.

Вокруг было тихо. Лишь неподалеку, у крыльца, поскрипывал

снег под ногами часового да шумел временами в вершинах деревьев ветер.

Бесконечно медленно тянулось время. Наконец небо на востоке начало чуть светлеть. Наклонившись и зачерпнув ладонями снег, Гелена Адамовна растерла им лицо, чтобы немного взбодриться, а когда выпрямилась, уловила какие-то странные для безмолвного утра звуки, которые доносились со стороны Логишина. С каждой минутой они становились все явственнее, и вскоре у женщины уже не было сомнений: к хутору двигалась большая колонна людей. Она бросилась к крыльцу.

— Немцы! Скорее в дом! — крикнула она часовому.

Тотчас же партизаны изготовились к бою. Возле окон, дверей и на чердаке заняли свои места пулеметчики. Бойцы проверили автоматы и винтовки, достали гранаты.

Через несколько минут на улице показались первые шеренги гитлеровской колонны. Присмотревшись, разведчики убедились: шло крупное подразделение фронтовых войск. Столкновение с ним не предвещало партизанам ничего доброго: у гитлеровцев, пожалуй, стократное превосходство.

Колонна двигалась, казалось, нескончаемым потоком. Замерев у окна, Гелена Адамовна следила, не шевелясь, за ее неровными рядами. Не остановились бы здесь.

Но все обошлось благополучно. Миновав хуторок, колонна гитлеровцев скрылась за каналом.

Появление у Логишина фронтовых частей вермахта тем утром было далеко не случайным. Подтянув сюда значительные силы, оккупанты расположились вдоль Огинского канала, у деревень Бусы, Гоща, Мотоль, что на реке Ясельда. Началась крупная блокада группы партизанских отрядов и бригад, которые действовали к востоку от города Береза. Вскоре здесь начались ожесточенные бои.

В той ситуации исключительно важное значение командование придавало разведке. Располагать детальной, самой свежей информацией относительно замыслов, намерений и сил противника было задачей номер один.

И конные разведчики не подвели. Несмотря на усталость, они успевали повсюду. Немало опасностей и тяжелых испытаний выпало тогда на долю Андрея Шишлова, возглавлявшего разведку отряда имени Ворошилова. И не только благодаря своей отваге и находчивости партизаны каждый раз избегали беды. Выручала их и помощь местного населения, женщин и девушек.

Последний бой, в котором довелось участвовать разведчикам в составе 99-й партизанской бригады имени Гуляева, разгорелся на подступах к районному центру Телеханы 10 июля 1944 года. В

6 часов утра батарея орудий и 1-го стрелкового батальона 138-го полка 48-й гвардейской дивизии, вплотную подступившей к райцентру, и минометная батарея 99-й партизанской бригады дала свой первый залп по врагу. Крупные силы гитлеровцев, имевшие на вооружении десятки пулеметов, минометы, автоматы и винтовки, заняли оборону на окраинах райцентра.

Стрелки под командованием гвардии майора Махотина повели наступление с северо-востока, отряд Владимира Жлобича — с запада, роты отряда Виктора Хорохорина — с юга. Остальные подразделения нашей бригады создавали прикрытие со стороны Пинска и Ивацевичей. Конная разведка партизан взяла под контроль окрестности в радиусе пятнадцати километров. На этом же расстоянии все дороги перекрыли ротами отряда Павла Назарова.

Гитлеровцы, засевшие на окраине Телехан, открыли по наступавшим советским воинам и партизанам плотный огонь из всех видов оружия. Но дружной и стремительной атакой пехотинцы и партизаны заставили их откатиться к центру деревни. Завязались уличные бои. Через пять-шесть часов райцентр был очищен от врага.

Гитлеровцы потеряли десятки солдат и офицеров. Нам достались богатые трофеи: два батальонных и два ротных миномета, тридцать шесть пулеметов, сорок автоматов, сто сорок восемь винтовок, две автомашины, одна радиостанция, множество боеприпасов и различного военного имущества.

В тот же день отряд Павла Назарова и взвод отряда Виктора Хорохорина разгромили гитлеровские гарнизоны в деревнях Круглевицы и Озаричи, покончив еще с двумя укрепленными вражескими гнездами.

На улицах освобожденных селений люди восторженно встречали воинов Красной Армии и партизан. Женщины, старики, дети, выходя из подвалов и укрытий, со слезами радости обнимали своих освободителей.

А гитлеровские полчища, все еще огрызаясь, откатывались на запад под мощными ударами советских войск. Это был конец фашистского нашествия.

До полного освобождения Белоруссии от оккупантов оставались считанные дни.

Заканчивая свое повествование о партизанках, я хочу привести некоторые данные об итогах боевой деятельности нашей партизанской бригады, борьбы, в которой принимали участие и наши славные женщины. Народные мстители уничтожили и взяли в плен около трех тысяч солдат и офицеров противника, пустили

под откос 54 вражеских эшелона, вывели из строя 45 паровозов, взорвали больше 3000 железнодорожных рельсов, разгромили 19 фашистских гарнизонов, захватили 14 складов, взорвали 39 шоссеиных мостов, подбили три танка и один самолет. Этот боевой счет бригады имени Д. Гуляева, конечно, в той же мере, как и бойцам-мужчинам, принадлежит и замечательным патриоткам — женщинам и девушкам.

Наши славные партизанки сдали свои винтовки и автоматы и со слезами на глазах прощались с боевыми друзьями, с которыми прошли столько военных дорог. Они разъезжались по своим родным местам, в сожженные деревни и города Белоруссии, чтобы помочь своему народу восстановить разрушенное войной народное хозяйство, заново отстроить населенные пункты, поднять из руин заводы и фабрики, колхозы и совхозы, покончить с нехваткой товаров. Многие уехали на учебу. Но больше всего направили на работу в Каменецкий район Брестской области. В этот освобожденный Красной Армией район выехало более 150 бойцов, командиров и политработников нашей бригады.

Шли годы. Залечивала республика раны войны. Подрастали дети. Но сложившаяся в трудные годы войны дружба среди партизанок крепка и по сегодняшний день.

Работая в Гомеле, я по долгу службы бывал на фабриках, заводах, стройках, в школах, лечебных заведениях. Однажды летом 1960 года я заехал в госпиталь инвалидов Отечественной войны, где работали начальником бывший хирург, главврач нашей бригады Ибрагим Леонидович Друян и его жена Мария Вежновец. Как всегда, встреча была радостной. Начальник стал знакомить меня с госпиталем. К сожалению, старые кирпичные и деревянные здания были неприглядными. Но начальник госпиталя стремился создать уют и удобства для больных. Друян рассказал о своих планах переоборудования госпиталя, о строительстве нового современного здания для инвалидов войны, просил помощи.

Палаты, где лежали на излечении тяжелобольные, производили хорошее впечатление. Вошли мы в одну из них. В это время бывшая медсестра-партизанка Мария Вежновец и няня поднимали с кровати инвалида с бездействующими ногами и усаживали на коляску. Увидев меня, Мария растерялась. Я подошел и обнял ее. Один из больных улыбнулся и сказал, обращаясь к Друяну:

— Доктор, что же это вы позволяете молодому мужчине обнимать свою жену?

Инвалиды на соседних кроватях заулыбались и ждали, что же скажет их доктор. Ибрагим тут же нашелся:

— Ему можно. Это наш председатель горисполкома и командир нашей партизанской бригады.

Уезжал я из госпиталя все-таки с тяжелым сердцем. Мария пережила такие трудные три года партизанской войны, а теперь ей приходится из последних сил поднимать и перемещать тяжелобольных. И никакой перспективы на облегчение. Таковую она выбрала себе специальность. Это была ее нелегкая, но благородная судьба...

Через несколько недель у меня был приемный день. Очередь. Нужды у людей много. Куда им обращаться? К Советской власти. В приемную вошла молодая, но по виду изрядно измученная жизнью женщина. Мой помощник усадил ее на стул. Она долго ничего не могла сказать. И вдруг начала плакать.

— Что с вами? — спросил я.

— Мучаюсь. Комнатка семь квадратных метров на троих в ветхом доме, девочку беру с собой на работу, места в детском саду не дают.

— Успокойтесь, мы постараемся помочь вам.

— Так говорили мне в райисполкоме, просили подождать. А сколько можно ждать? Не учитывают они, что я воевала в партизанах.

— В какой бригаде? — спросил я.

— В девяносто девятой имени Гуляева.

— А командиров своих помните?

— А как же, помню. Командир — Яковенко, комиссар — Чайковский.

— И вы их узнали бы, если бы встретили?

— А как же! Сразу, с первого взгляда.

— Так я и есть Яковенко.

Бывшая партизанка Ксения Огур растерялась. Посмотрела на меня:

— Да, да, как же я вас не узнала?

— Годы прошли, Ксенечка. И я тебя не узнал.

— Так нас было много, а вы один.

У Ксении потекли слезы.

— Успокойся, Ксенечка. Приходи послезавтра с мужем и дочуркой после работы.

На новой встрече Ксения рассказала, что она работает медсестрой в областной больнице. Да, нелегкий труд у Ксении. И дома никаких условий. В тот вечер я сказал Ксении, что ее дочурку примут в детский сад, а ее возьмут на очередь женщин-медиков, принимавших участие в войне непосредственно на передовой. Очередь небольшая, движется быстро, семья уже в этом году получит благоустроенную квартиру. Ксения

обрадовалась, в глазах заблестели слезы...

Будучи в командировке в городе Гродно, я решил навестить партизанку Тоню Семенчук. Зашел в приемную городской конторы Госбанка.

— Можно ли попасть на прием к управляющему?

— Можно, сейчас доложу, — любезно ответила секретарша.

Я вошел в кабинет управляющего. Из-за большого письменного стола с радостью и изумлением поднялась еще молодая, очень красивая женщина. В годы войны Тоне Семенчук было 15 лет. Осталась круглой сиротой, работала и училась. Окончила среднюю школу, а затем институт и стала специалистом банковского дела. Много лет она возглавляла банки в городах Лида и Гродно. Считалась лучшим руководителем...

Я всегда горжусь тем, что сражался против немецко-фашистских захватчиков вместе с жителями Бобруйска. Шли годы, и я никогда не упускал случая заехать в этот город, полюбоваться его улицами, площадями и повстречаться с друзьями.

Первая, к кому заезжал, это — подпольщица и партизанка Мария Масюк. Местом ее постоянной работы был городской универмаг на Центральном рынке. Так и не рассталась Мария со своей довоенной профессией торгового работника.

Я открыл дверь универсама. В торговом зале и в тот раз было много людей. Направился к текстильной секции. На фоне вывешенных и выложенных разноцветных красивых тканей с метром в руках стояла мой друг военных лет Мария Масюк. На ней строгого пошива цветной костюм. На груди ордена: Октябрьской революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени.

Теплая встреча, объятия.

— Как, Марийка, тебе живется? — спросил ее.

— Вот так с метром, как солдат в строю, стою я в этой секции с утра до вечера более трех десятков лет.

— Не устала? Может быть, на отдых пора?

— Устала. Да и болезни одолевают, но не могу расстаться с работой. Эта секция стала для меня родной и близкой. И покупателей люблю, и они отвечают мне взаимностью.

Мария любила свою профессию, самоотверженно трудилась не покладая рук. Сердце согревал не только труд, но и счастье материнства: она вырастила дочь, любовалась внуками. Жить и жить бы этой замечательной женщине на мирной, отвоеванной ею же земле, если бы не трагический случай — наезд автомашины.

Светлая жизнь была у этой женщины, светлая память о ней

осталась у боевых друзей ее...

Партизаны нашей бригады раз в пять лет в день знаменательной даты освобождения Белоруссии проводят дружеские встречи в разных местах на юге республики. Эти встречи бывают очень теплыми. Есть о чем вспомнить бывшим бойцам партизанской войны. Рассказы, объятия, песни, танцы. Как это волнующе, радостно!

На одной из таких встреч в 1974 году женщины отозвали меня в сторонку, в тенок, под дуб «посекретничать».

Разговор оказался интересным и веселым. И вдруг я заметил, что вокруг меня сомкнулось живое кольцо. Около пятнадцати партизанок взялись крепко за руки. Вожаком была Лида Декань.

— Товарищ комбриг, вы ничего не заметили?

— Заметил. Но в чем я провинился?

— Вы в кольце, и на этот раз вам не уйти из него. Это не из заблокированного немцами района прорываться. Хотя мы всегда ловко выходили из самых страшных окружений. По шею в весенней воде несколько часов кряду шли, но зато живы.

— Я вижу, вы не собираетесь меня отпускать?

— Книгу о партизанках напишите. Дайте слово, и тогда отпустим.

Но правде говоря, я не представлял, как такую книгу написать, и начал отказываться, убеждать их, что это невозможно. Но никакие доводы во внимание не принимались.

Партизанки требовали дать слово. И книга должна называться «Партизанки». Прошло довольно много времени, а из «окружения» меня не выпускали. Недалеко стояло около сотни мужчин, с каждым из которых еще вчера встречался с объятиями, а сегодня никто из них и не пошевелился, чтобы выручить меня. Все смеялись, шутили.

Пришлось дать обещание, что напишу книгу «Партизанки», но попросил, чтобы они все написали мне о некоторых событиях.

В течение двух месяцев я получил более пятидесяти писем с воспоминаниями. Плюс архивы и моя память. Это был богатейший материал.

И родилась книга.

В Москве, почти по соседству, живет партизанка Нина Морозова. Теперь Нина Васильевна Малий. Я пришел к ней:

— Нина, какой автомат у тебя был в партизанах, ППД?

— Да что ты, ППШ. Ты знаешь, как я из него строчила, лучше мужиков.

— Видал однажды, когда громили гарнизон на торфозаводе и освобождали подневольных. Будь добра, отстрочи на машинке вот этот сверток.

— А сколько тут?

— Около пятисот машинописных страниц.

— Ого! Покажи. О чем? Так это же книга о партизанках!

Такую книгу я готова строчить днем и ночью.

И нужно сказать, что сделала она это прекрасно. Я с большим удовлетворением представляю теперь книгу о бесстрашных дочерях нашей Родины вам, дорогие читатели.

Фотоиллюстрации

В. К. Яковенко

А. Г. Проходская

Анастасия Солнцева

М. И. Дорогавцева (Масюк)

О. И. Круглова

А. А. Семенчук

Анна Коваль

О. В. Броваренко

Т. С. Алябьева

М. И. Храпко

Т. Б. Семенчук

Ф. И. Лозовская

М. Л. Вежновец

Ольга Груздова и Прасковья Козырева

Л. Н. Дубинчик

А. И. Хромова

Н. В. Морозова (Малай)

Я. А. Чернявская

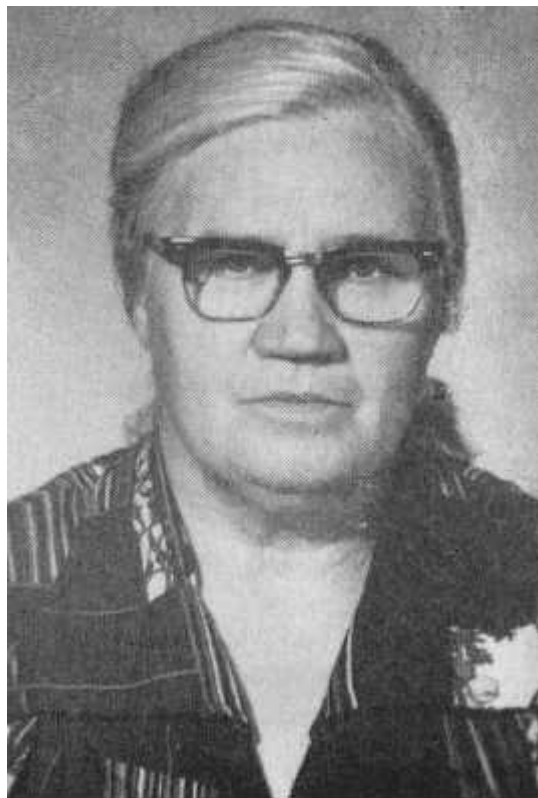
С. С. Жлобич

Г. А. Крюк

Ф. П. Чурун

С. К. Ромашевская (Пархимчик)

Татяна Руденкова (Шудро)

В. Г. Иванова

К. М. Чайковская (Хайман)

А. А. Калилец (Минюк)

Нина Химичева (Гриневич)

Н. Б. Храпко

notes

Примечания

Восстановить их фамилии, к сожалению, теперь не представляется возможным.

